

Шкафъ 13

Полка

№

3414

ПРИДАНОЕ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.

~~~~~  
**П. Ефименко.**  
~~~~~


С.-Петербургъ.
№ 535. Типографія Майкова, въ д. Мин. Фин., на Дворц. площ.
1872.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Различныя названія приданого.—Лица, дающія и получающія приданое.—Составъ, стоимость и накопленіе его.—Уговорки и рядныя записи.—Передача приданого имущества.—Процессы изъ-за приданого между зятемъ и родными жены, вскорѣ послѣ передачи его.—Оспариваніе приданого родными жены.—Право жены и мужа на приданое.—Растрата женина имущества мужемъ.—Посыгательство на приданое при жизни жены, но по смерти мужа, со стороны родственниковъ послѣдняго.—Участь приданого по смерти жены.—Обычаи, относящіеся до земельного приданого.—Общія замѣчанія.

Для обозначенія всякого вообще приданого крестьяне Архангельской губерніи употребляютъ слово *приданѡ*, иногда *приданный животъ*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *и большѡ приданѡ не сдѣлаетъ мужа, или приданнымъ животомъ да наказаннымъ умомъ недомѡ поживешь*. Слово это изстари употреблялось и въ мѣстныхъ Двинскихъ актахъ ¹⁾. Приданое, состоящее изъ женской одежды и убранства, называется *платнѡ* или *платенно приданѡ*, напримѣръ, въ поговоркѣ *не выноситъ платна безъ пятна*; невѣста должна быть *платна*, говорятъ крестьяне, т. е. имѣть порядочное приданое, состоящее изъ платья и другихъ нарядовъ. Въ Псковской судной грамотѣ слово *платной*, *платно* употребляется въ значеніи всякой вообще матеріи и одежды ²⁾.

¹⁾ Акты юрид., изд. Археогр. Комм. 1838 г. стр. 144. Новгород. даянны XIV — XV в.

²⁾ Исхѣд. Псковск. судн. гр. *Эмеляна*, стр. 26 и 48.

Платное приданое называютъ также *скрутой*; дѣвушка, имѣющая хорошее приданое въ одеждѣ и украшеніяхъ, называется *скрутна* или *скручена*. Скрута въ Шенкурскомъ уѣздѣ означаетъ собственно женскіе наряды или, какъ говорятъ въ другихъ уѣздахъ, *женский снарядъ*¹⁾. Въ сосѣдней Вологодской губерніи словомъ *скрута* обозначаютъ какъ приданое, такъ и головной уборъ невѣсты послѣ вѣнчанія²⁾, то же, что въ здѣшнихъ рядныхъ записяхъ XVII ст. *головная скрута*. Слово *крута* встрѣчается и въ Двинскихъ актахъ XIV ст.³⁾, и въ Псковской судной грамотѣ, въ значеніи женскихъ металлических украшеній⁴⁾, вѣроятно, преимущественно головныхъ. Какъ уже выше говорено, выраженіе *крутить* невѣсту значить заготовлять ей приданое, иначе *обряжать* невѣсту (въ Шенкурскомъ уѣздѣ); *скрутить* — приготовить приданое, а *скрутиться* — одѣться, нарядиться⁵⁾. По мнѣнію г. Аванасьева, слово *крутить* перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести⁶⁾. Можно поэтому полагать, что слово *крута* или *скрута* первоначально означало женскій головной уборъ, при которомъ волосы извѣстнымъ образомъ заплетались (*крутились*).

Есть еще названіе приданого — *коробья*; это названіе можно услышать отъ старухъ Холмогорскаго уѣзда, напримѣръ, въ выраженіи: *коробья копить*, т. е. запасать приданое. Слово *коробья* значить, собственно говоря, небольшой сундукъ или ящикъ, въ который мать невѣсты складываетъ заблаговременно припасаемыя для дочери мелкія вещи изъ приданого: рубахи, *портна* (полотно), платки, косынки, чулки и т. п. Коробьи, по крайней мѣрѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ, дѣлались прежде изъ осинового или липоваго луба, съ поперечными рѣшеточками извѣтъ, но безъ желѣза; онѣ имѣютъ квадратную форму; въ большихъ коробьяхъ каждая сторона не болѣе одного аршина, а въ

1) Труды Арх. Статист. Комит. за 1865 г., кн. 1, стр. 64.

2) Опять обл. великорусск. словаря, изд. А. Н.

3) Акты юрид. Духовн. Новгородцевъ и Двинянъ № 1, ст. 430.

4) Исслѣд. Пск. судн. гр. стр. 91. Промышленность древней Руси *Аристовъ*, стр. 122, 162.

5) Сборникъ юрид. общ. Арх. губ. кн. 1, стр. 252.

6) Поэт. возрѣнія Славянъ на природу, III, 526.

малыхъ въ половину менѣе; вообще онѣ такъ малы, что въ нихъ нельзя складывать даже сарафановъ и верхней одежды. Нынѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ коробей въ продажѣ нѣтъ; онѣ сохранились только у старухъ; вообще же приданое держится только въ сундукахъ; о держаніи его въ сундукахъ есть даже поговорка: *приданое въ сундукѣ, а уродъ на рукѣ*. Около г. Холмогоръ нынѣ даже стыдятся давать коробью съ невѣстой. Скоро память о коробѣ останется только въ пѣсняхъ да въ свадебныхъ причитаніяхъ ¹⁾. Впрочемъ въ отдаленныхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Шенкурскомъ, коробья и теперь еще пользуется почетомъ.

Сохранилось еще старинное названіе приданого—*надѣлокъ*. Крестьяне, впрочемъ, находятъ разницу между собственно приданнымъ и надѣлкомъ. Крестьянинъ, доставившій мнѣ самыя обстоятельныя объясненія на всѣ вопросы по общному праву, такъ выразился на счетъ надѣлка: „Надѣлокъ—не приданое; приданое—это та одежда и украшенія, которыя заготавливаютъ отецъ и мать невѣстѣ; въ надѣлокъ же идутъ деньги, корова или телица, а съ ней нѣсколько саженой сѣна, четверти двѣ-три *жита* (ячмень), а прежде шли поля, пожни; если мать даетъ свое старинное платье и другіе наряды, полученные ею въ свою очередь въ приданое, то это тоже будетъ надѣлокъ. Когда нѣтъ сыновей, то родители дѣлятъ имущество между дочерьми: рассчитываютъ, что слѣдуетъ первой, второй и т. д. и выдаютъ его по мѣрѣ выдачи замужъ; такая часть каждой также называется надѣлкомъ. Отъ того-то крестьяне часто говорятъ: сверхъ *приданого* за такую-то дано еще въ *надѣлокъ* то-то“. Справедливость подобнаго объясненія подтверждается и разнаго рода крестьянскими актами, которые читатель встрѣтитъ въ этой статьѣ. *Надѣлокъ*, или иначе, *надѣлъ* значитъ, во первыхъ, всякое приданое, за исключеніемъ скруты или одежды и нарядовъ, запасаемыхъ родителями невѣсты; во вторыхъ, выдѣлъ или часть имущества, назначеннаго дѣтямъ какъ мужскаго, такъ и женскаго пола еще при жизни родителей, кои предоставляютъ имъ право получить эту часть

¹⁾ Въ родѣ слѣдующаго, обращеннаго дружкой къ невѣстѣ, во время смотрѣнья: «Послушай-ка, красная дѣвица: гордость, спѣсъ оставляй-ка здѣсь; низкіе поклоны въ коробью клади, ногой придави, да къ намъ привези».

или при жизни, или послѣ смерти своей; въ третьихъ, иногда такъ называется извѣстная сумма денегъ, выдаваемая сыну или дочери вмѣсто выдѣла имущества; въ четвертыхъ, доля имущества, хотя бы и платного, выдѣляемая сестрѣ братьями по смерти отца, въ замѣнъ приходящейся ей части общаго имущества. Въ древнихъ Двинскихъ актахъ XIV—XV ст. надѣлокъ имѣетъ то же значеніе; напримѣръ, въ одномъ духовномъ завѣщаніи, завѣщатель говоритъ: „А что есмь посулилъ *надѣлка* зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклады, на два году, до кунъ“ ¹⁾. Въ другомъ завѣщаніи надѣлкою названа извѣстная сумма денегъ, оставляемая мужемъ женѣ вмѣсто части имущества: „А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидеть замужъ, ино ей *надѣлка* десять рублей, а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть“ ²⁾. Въ актахъ, относящихся къ другимъ областямъ Россіи, слово *надѣлокъ* или *надѣлъ* употреблено въ смыслѣ части имущества, выдѣляемаго отцомъ сыну, или денежнаго вознагражденія въ замѣнъ такого имущества ³⁾. Котошихинъ же употребляетъ слово *надѣлокъ* въ значеніи приданнаго вообще; онъ говоритъ: „Иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ боярскихъ и у дочерей въ покоехъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ зъ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, съ *надѣлкомъ*, за своихъ дворовыхъ слугъ, кого кто излюбитъ, или временемъ бываетъ выдаютъ чрезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромехъ, какъ чинъ повелся всякого чину людямъ жениться а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женской полъ, вѣчные и кабалные“ ⁴⁾. Здѣсь слову *надѣлокъ* придается болѣе широкой смыслъ; оно означаетъ не выдѣлъ извѣстной

¹⁾ Акты юрид. № 409, стр. 433.

²⁾ Тамъ же № 409, стр. 430.

³⁾ Тамъ же, стр. 420 и 421.

⁴⁾ О Россіи въ царств. Алексѣя Михайл. 1859 г., стр. 131.

части родственнику или родственницѣ, а просто приданое, даваемое въ видѣ дара постороннему лицу. Притомъ тутъ подъ надѣлкомъ разумѣется главнымъ образомъ платное приданое.

Къ числу названій приданого принадлежитъ и слово *награда* или *награжденіе*. Мнѣ попадалось оно въ актахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „выдалъ я дочь свою въ замужество, съ которой дано было въ награжденіе, во владѣніе зятю, сѣвчей и сѣнокосной земли *столько-то*“ или „вышла при жизни отца не безъ награжденія“; или „выдалъ сестру свою въ замужество съ приличною наградой“ и т. п. Награжденіемъ называется главнымъ образомъ приданое, состоящее въ деньгахъ, скотѣ и т. п. (кромѣ скруты), а прежде называлось и состоявшее въ землѣ. То же названіе дается и денежному или имущественному вознагражденію, которое дается сыну, уходящему въ солдаты или идущему въ зятя-пріемыши. Такимъ образомъ, награжденіе и надѣлокъ означаютъ одно и то же. Во внутреннихъ губерніяхъ также отличаютъ приданое отъ награжденія. Приданнымъ въ узкомъ смыслѣ считаются сундуки съ одеждой невѣсты. Къ приданому принадлежитъ и то, что у Римлянъ называлось *peculium adventitium* (приобрѣтенное трудомъ самой невѣсты). Награжденіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутъ и приданнымъ, составляютъ деньги, скоть, а изрѣдка и изба, идущіе съ невѣстой. Это все дочь можетъ получить только при выдаваніи ея замужъ отцомъ, потому что когда умираетъ отецъ, то обыкновенно оставляетъ награжденіе сыновьямъ, а дочерямъ никогда; онъ въ такомъ случаѣ прикажетъ сыновьямъ, чтобы они снарядили ее, когда придетъ время ея замужества, соразмѣрно своему состоянію. Только родительское благословеніе, то есть, икону предварительно даетъ самъ отецъ ¹⁾. Въ Архангельской губерніи родительскимъ благословеніемъ называется всякое награжденіе или надѣлокъ, которыми *благословляетъ* отецъ своихъ дѣтей при жизни, въ томъ числѣ и приданое дочери, состоящее въ благословенномъ образѣ, скотѣ (а прежде и въ землѣ) и т. п.

Свадебныя пѣсни Шенурскаго уѣзда, на ряду съ приданнымъ, употребляютъ слово *данье*, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ:

¹⁾ Pravni obicaji u Slovena, соч. В. Деминича, стр. 125.

Тѣ не дай Богъ жениться
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческую дочерью
Много денегъ и *приданого*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ
Што я стану говорить тебѣ:
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Не тяглы ¹⁾, не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ,
Шолкомъ шить не гораздны.
Тѣ не дай Боже жениться
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочеръ:
Со поповской славной дочерью
Много *данья* и *приданого*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тебѣ,
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы и не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ.
Тѣ подай Боже жениться
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочеръ:
Со крестьянскою-то дочерью
Много *данья* и *приданого*,
Много цвѣтнаго платья;
Что крестьянскія-то дочери,

¹⁾ Тяглыіи значить — сильные, работающіи.

Всѣ тяглы и работливы,
Ткать и прясть онѣ горазды,
Шолкомъ шить мастерицы ¹⁾).

Проживающіе въ Холмогорахъ Шенкурскіе крестьяне не могли мнѣ объяснить значеніе слова *данье*; но оно навѣрное значить то же, что и приданое. Въ этомъ насъ убѣждаетъ слово *дѣнница*, существующее у крестьянъ Холмогорскаго уѣзда и означающее тоже приданое; напримѣръ, здѣсь можно услышать выраженія: *у нея дѣнница хорошая* или *невѣста съ большой дѣнницей*. Вотъ сколько различныхъ названій употребляетъ здѣшній народъ для выраженія понятія о приданомъ. Это разнообразіе названій служитъ доказательствомъ того, что приданое въ крестьянскомъ быту отдаленнаго сѣвера всегда занимало видное мѣсто.

Къ приданому можно относить и всѣ дары, получаемые невѣстой отъ ея родныхъ и отъ родственниковъ жениха, какъ-то: *приносы*, *плакательная деньги*, тѣ деньги, которыя она получаетъ на *бѣлила*, потому что всѣ эти дары составляютъ собственность невѣсты. Но о нихъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Приданое дается родителями невѣсты и всѣми тѣми членами семьи, которые воспользовались извѣстною частью изъ имущества родителей выходящей замужъ дѣвушки или имуществомъ перваго мужа, если это будетъ вдова, именно: братомъ, дядей, двоюроднымъ братомъ, зятемъ, свекромъ, деверемъ и др.; иногда невѣста сама себя *крутитъ*, то есть, заготавливаетъ себѣ приданое. Примѣры сказанному читатель встрѣтитъ въ нѣсколькихъ ниже приводимыхъ актахъ и извлеченіяхъ изъ актовъ относительно принятія родственниками обязанности снабдить приданнымъ невѣсту. Крестьянинъ Иванъ Лоховъ, выдѣлившій своему родному брату Якову, который переходилъ въ зятя-приемыши, часть имуществва, уговаривался съ послѣднимъ: „да еще жъ имѣется у насъ сестра Мавра, то мнѣ Ивану поить-кормить до полнаго возраста, а случится по закону пожелаетъ въ замужество, то на опую платье и свадьба срядить мнѣ, Якову, собой,—только мнѣ, Ивану, пригото-

¹⁾ Москвитининъ 1853 г. іюль кн. I. Свадьба Арханг. губ., стр. 85.

вить хлѣбъ и харчъ“¹⁾. Въ отступномъ письмѣ 1810 г. января 4-го, данномъ крестьяниномъ Силой Вершининымъ и его женой родному брату Герасиму, который воспользовался всѣмъ имѣніемъ перваго на счетъ дочери Силы Вершинина, сказано: „А буде дочери нашей Вассы Богъ продлитъ вѣку и возрастетъ въ полный возрастъ, то ему, Герасиму, на ей платя завести тѣлогрѣю тафтяную и шубейку тафтяную, а на чебакъ дать деньгами десять рублей. А буде на ней будутъ *поиманцы* (женихи), тожь и свадьбу срядить, какъ и въ добрыхъ людяхъ водится, а больше въ надѣлокъ ничего не требовать“²⁾. Крестьянская вдова Куростровскаго селенія Авдотья Леонтьева, завѣщавъ сыну своему Андрею домъ, службы и разное недвижимое имущество, на счетъ дочерей своихъ распорядилась: „дочерямъ моимъ дѣвицамъ Агафѣ, Евдокии и Александрѣ проживать въ домѣ обще съ сыномъ Андреемъ безпрепятственно и по возможности наряжать и заводить платѣ, а ежели пойдутъ въ замужество, то сдѣлать и свадьбы и наградить каждой по вѣночѣ, отъ меня имъ предназначенной“³⁾. 1810 г. апрѣля 1-го крестьянская вдова Авдотья Иванова, передавъ свое движимое и недвижимое имущество дочери своей Матренѣ и зятю Якову, ея мужу, завѣщала между прочимъ: „а меньшую дочь Татьяну благословляю, что она не въ совершенномъ возрастѣ, то большой дочери Матренѣ и зятю Якову, чтобы оную меньшую дочь до совершеннаго возраста или до смерти призирать, поить и кормить, обувать и одѣвать во всемъ снабдевать и ни въ чемъ не изгонять; а если Богъ вѣку продлитъ и пойдетъ въ замужество, свадьбу срядить, какъ принадлежитъ, да въ награду дать, кромѣ платя, завоженнаго на ней, еще въ надѣлку деньгами сто-пятьдесятъ рублей, а если Богъ смерть пошлетъ, похоронить честно и по душѣ ей дать сорокоустіе, да сверхъ сего отдать же по монастырямъ тридцать рублей“⁴⁾. Въ челобитной конца XVII столѣтія, поданной крестьяниномъ Ма-

¹⁾ Полюбовное сговорное письмо 1811 г. февраля 2-го дня, изъ крѣпости. кн. Холмогорскаго уѣздн. суда.

²⁾ Изъ крѣп. кн. Холм. уѣздн. суда 1810 г.

³⁾ Духовн. завѣщаніе 1870 г. іюня 14-го, получ. отъ кр. Быстрокурскаго сел. О. Нечаева.

⁴⁾ Крѣп. кн. Холмогорскаго уѣздн. суда 1811 г. № 1.

тигорскаго селенія Фролкоу Нифантовымъ архіепископу Холмогорскому Аванасію, между прочимъ, написано: „По приѣмному писъму, каково мнѣ дала жена моя Анница, по совѣту съ дочерью своею Марьею, какъ я сирота на ней Анницѣ женился и во дворъ къ ней шелъ, и послѣ того падчерица моя дѣвица Марья, какъ стала въ полномъ разумѣ, дала она дѣвица мнѣ сиротѣ другое писъмо за своею рукою, что поступилась она дѣвица деревенскимъ жеребьемъ пашенными землями и сѣнными покосы совсѣмъ безъ вывѣта, поступилась она мнѣ сиротѣ вотчину и матери своей, а моей женишке, а сродичамъ ея и пному никому въ той деревни дѣла нѣтъ и не вступатца... а противъ того поступного писъма далъ я сирота ей дѣвицѣ на себя писъмо, что поить и кормить ея дѣвицу до возрасту ея, и замужъ выдать съ надѣлкою, въ приданомъ далъ кабалу въ дватцати рубляхъ, а буде она дѣвица умереть и мнѣ ея дѣвицу поминать и подачи ея править“¹⁾).

Собственно приданое, или скрута, дается тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыхъ выдаютъ замужъ, напримѣръ: дочерямъ, внучкамъ, племянницамъ, двоюроднымъ сестрамъ, снохамъ, золовкамъ и проч. Надѣлокъ же вручается иногда тѣмъ же лицамъ женскаго пола, а иногда ихъ мужьямъ. Когда же берется въ домъ зять-приемышъ, тогда все имѣніе передается обыкновенно въ полное его распоряженіе. Задумывая принять къ себѣ зятя, крестьяне мало заботятся о приданомъ, а главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы хозяйство было исправно. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ впрочемъ, дающій надѣлокъ передаетъ его прямо отцу жениха, при заключеніи съ будущимъ сватомъ брачнаго договора. Женщина, приносящая съ собою хорошее приданое, называется *приданницей*; а въ прежнее время, когда былъ обычай давать въ приданое поземельные участки или, по здѣшнему, *деревни*, тогда невѣстамъ, которыя выходили замужъ съ землей, давали названіе *приданницъ-деревенницъ* или *участницъ*. Невѣста съ плохимъ приданнымъ называется *безприданна* или *безприданница*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *бери безприданну, но таланну*, или *безприданница-безотѣтница*. Въ настоящее время *приданницами* называютъ еще дѣвочекъ-родственниковъ или воспи-

¹⁾ Изъ бумагъ крест. сел. Матигоръ Аникіева.

танницъ невѣсты, или дочерей отъ перваго замужества, которыхъ берутъ съ собою, какъ бы въ приданое, выходящія замужъ. Быть * можетъ, въ старину приданницами назывались „приданна дѣвки“, то есть, дочери холоповъ, которыя давались въ приданое съ дочерьми бояръ (во внутренней Россіи: *дѣвка къ ларцу*).

Въ приданое у болѣе бѣдныхъ крестьянъ поступаетъ всегда, сверхъ *благословляющаго* образа (т. е. благословенной иконы), *мѣсто*, то есть, постель, все то, что бываетъ во время свадьбы зашито въ *банникъ*, то есть, весь столовый приборъ, также бѣлье и матеріалъ для него: платье, дѣвичьи украшенія и нѣкоторыя принадлежности хозяйства: *красенная збруя* или *краснѣ* (теальный станокъ), серпъ, грабли, *приузы*, *кичичи* (части молотильнаго цѣпа), санки и проч. У болѣе состоятельныхъ, кромѣ того, даютъ домашнюю утварь, какъ-то: самоваръ, чайную посуду, также кое-что изъ мебели: комодъ, зеркало и прочее; гораздо рѣже деньги, что-нибудь изъ домашняго скота, хлѣбъ и прочее.

Иконъ съ невѣстой обыкновенно дается двѣ: одна *за невѣстой*, другая *за постелью*; первая лучшая, съ серебрянымъ окладомъ, а у богатыхъ, сверхъ того, украшенная жемчугомъ, а вторая попроче; первая, большею частью во имя Пресвятой Богородицы, а если грамотный и толковый отецъ, то и во имя ангела дочери. Первымъ образомъ отецъ невѣстинъ благословляетъ молодыхъ передъ отправкой ихъ въ вѣнцу, потомъ передаетъ его тысяцкому, который открыто, на правой рукѣ, везетъ икону въ церковь и ставитъ на налоѣ, а затѣмъ торжественно отвозитъ въ домъ жениха. Второ́й образъ везется сватьей съ постелью, безъ торжества, прямо въ домъ жениха и ставится въ той горницѣ или клѣти, гдѣ будутъ улаживать молодыхъ спать. *Мѣсто*, или постелѣ, заводится передъ самою свадьбой; дочь цѣнять по жениху; поэтому, если женихъ посостоятельнѣе, стараются дать лучшее *мѣсто*, равно какъ и завести лучшую одежду; у состоятельныхъ невѣстъ подушекъ бываетъ двѣ, три или четыре. Самыя бѣдныя иногда не имѣютъ постели; о такихъ говоритъ пословица: *невѣста безъ мѣста, женихъ безъ портокъ*; но и онѣ берутъ чужое мѣсто въ займы, на время свадьбы.

Банникомъ называется свадебная коврига или *макушка* (ржаной

печеный хлѣбъ), зашиваемая въ скатерть, передъ дѣвичникомъ въ присутствіи родителей, а также все то, что кладется съ нею: два калача крупчатыхъ, столовая чашка, миска, тарелка, солоница съ солью и двѣ ложки для молодого и молодой. Въ Пинежскомъ уѣздѣ ложки бываютъ большею частью деревянные, непременно новыя, не держанныя; впрочемъ случается, что батюшка-родитель или благословенный батюшка, если богаты, жалуютъ невѣсто деревянныхъ ложекъ серебряныя. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ у зажиточныхъ крестьянъ серебряныя ложки кладутся не только для молодого и молодой, но и для всѣхъ членовъ женскаго пола въ семьѣ будущаго зятя. Это новое обыкновеніе. Банникомъ всѣ эти вещи называются потому, что ихъ зашиваютъ послѣ того, какъ невѣста съ дѣвушками сходить въ баню и начнетъ отдыхать послѣ бани, а расшиваютъ на другой день по бракосочетаніи, послѣ того какъ молодые побываютъ въ банѣ.

Холстъ не составляетъ здѣсь, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, необходимою принадлежности приданаго, потому что Холмогорскіе крестьяне сами почти не разводятъ льна; богатые, впрочемъ, кладутъ куска два или три портна (аршинъ 25) въ сундукъ, собственно для дочери, а не для ея мужа. Крестьянинъ, женись, самъ или его мать покупаетъ кудель и приказываетъ женѣ шить ему рубахи и портки. Женскихъ рубахъ у дѣвушекъ средняго состоянія бываетъ по 10 и болѣе, а у богатыхъ по 30 и даже по 50, такъ что дѣвушка, вышедъ замужъ, можетъ не заводить ихъ лѣтъ двадцать, если нѣтъ дѣтей. Изъ платья въ особенности запасаются будничными сарафанами, ткаными изъ пестради съ красною бумагой, которыхъ бываетъ у иныхъ до 10 и болѣе, такъ что этихъ самодѣльныхъ сарафановъ хватаетъ лѣтъ на десять; кромѣ того, бываютъ платья—у бѣдныхъ ситцевыя, а у богатыхъ шерстяныя и шелковыя. Здѣшнія околородныя крестьянки, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ родныхъ въ Петербургскихъ артеляхъ, приняли городскую одежду, такъ что у нихъ въ приданое идутъ драповыя пальто, салопы на лисьемъ мѣху, шали, муфты и проч. Изъ принадлежностей туалета даются серьги, браслеты, жемчугъ (нѣсколько прядогъ жемчуга). Старинная одежда: шубейки, гранитуровыя шубки, штофники и проч. здѣсь вышла изъ моды и если дается

въ приданое, то болѣе на память, а не для носки. Всѣ такія вещи нуждающіеся крестьяне стараются сбывать въ южную часть уѣзда, и въ особенности, въ Шенкурскій уѣздъ, гдѣ эти предметы еще въ употребленіи. Въ другихъ уѣздахъ губерніи дѣвушки во время свадьбы, на гуляньяхъ и на вечеринкахъ всегда ходятъ въ старинномъ нарядѣ: шелковыхъ штофныхъ шубей-кѣ или полушубей и юбокѣ, что составляетъ такъ называемую *пару*, и въ повязкѣ, головномъ уборѣ, имѣющемъ видъ высокаго конического кокошника, украшеннаго жемчугомъ. Около г. Холмогоръ и этотъ нарядъ выходитъ изъ употребленія, и только весьма немногія дѣвушки выходятъ въ немъ на гулянья. Во время же свадебной заплочки и здѣсь невѣсты обязаны быть въ повязкѣ и парѣ, такъ что у которой нѣтъ ея, та занимается ею на сторонѣ. Этотъ нарядъ, то есть, пару и повязку, каждая выходящая замужъ дѣвушка передаетъ, послѣ свадьбы, своей слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ, и уже послѣдняя сестра беретъ его себѣ, въ видѣ приданого. Иногда, если у самой младшей сестры не окажется головного убора, то вмѣсто него даютъ въ приданое извѣстное количество денегъ. Въ старину, какъ видно изъ актовъ и преданій, былъ подобный же обычай, то есть, если не имѣлось женскаго головного убора, *чебака* (чебакъ—шапка о двухъ ушахъ, кунцею или сободемъ обложенная), въ такомъ случаѣ давали вмѣсто него деньги или землю. То же дѣлалось и въ случаѣ неимѣнія другихъ украшеній. Вотъ что было дано года два тому назадъ въ приданое за одною дѣвушкой въ Шенкурскомъ уѣздѣ: одна красная штофная шуба (здѣсь въ Холмогорскомъ уѣздѣ не носятъ), одна шуба полупелювая (здѣсь не носятъ), одинъ сарафанъ шелковый клѣтками (здѣсь не носятъ), одна юбка шелковая штофная одноцвѣтная (у насъ не носятъ); одна бѣлая съ наборомъ юбка, одна холстинковая бумажная юбка, одна красная овчарная юбка, одинъ полушубокъ шелковый травчатый голубой (здѣсь не носятъ), одинъ двоеликій, немного поношенный полушубокъ (здѣсь рѣдко встрѣчаются), два кумачныхъ полушубка (здѣсь не носятъ) шесть холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ, два хорошіе полотняные воротка (здѣсь не носятъ), двѣ хорошія рубашки, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная, восемь хол-

щевыхъ рубашекъ полновыхъ, одинъ гарусный передникъ, одинъ разшивной хорошій сборникъ, одинъ шелковый голубой удирокъ, одинъ гарусный платокъ порядочной величины и доброты, три утиральника, изъ коихъ одинъ камчатный пропускной съ узоромъ, другой шитый въ пялахъ и третій браной съ наборцами кругомъ одна браная съ наборомъ салфетка, кусокъ кумачу на полшубокъ, одни красныя перстятки изъ дорогой шерсти, одни красныя перстятки домашней работы, однѣ серебряныя безъ пробы серьги одно серебряное пробное кольцо, одинъ крашеный съ замкомъ ящикъ, одна съ замкомъ коробка и одна бѣлая каменная тарелка ¹⁾. Въ Мезенскомъ уѣздѣ одна дѣвушка получила при выходѣ замужъ: штофникъ, коротеньку, шубейку, кумачникъ, китайникъ, сарафанъ простаго ситцу, серебряную цѣпь, матерчатую рубашку малиноваго ситцу и краснаго кумачу, 3 рубашки домашней пестряди, 2 бѣлыхъ рубашки тонкаго холста, 2 повойника, 2 алыхъ платка, 2 малиновыхъ платка, передникъ, красную шаль съ кругомъ, серебряную запонку, 2 передника, 2 шубы, одѣвальницу, ковшикъ и 2 ящика ²⁾. Въ с. Усть-Цыльмѣ, Мезенскаго уѣзда, гдѣ невѣсты покупаютъ за деньги, приданое все-таки дается съ ними; оно состоитъ въ одеждѣ, которой должно хватить на три года, иногда дають корову, либо овну.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ безъ бѣлой овчинной шубы невѣста-не невѣста; если нѣтъ такой шубы, говорятъ: „у невѣсты не въ чемъ и скотъ на прорубь гонить; хоть въ шубейки гони“. Въ Пинежскомъ же уѣздѣ у невѣстъ со средствами приданое состоитъ въ подушкѣ, покрытой нероскошнымъ ситцемъ, шубѣ изъ домашнихъ овчинъ, покрытой дешевымъ синимъ сукномъ, кумачникѣ, нѣсколькихъ дорогихъ (кубовой краски) льняныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ ситцевыхъ, у немногихъ и въ шерстяныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ шелковыхъ алыхъ платкахъ, одной или двухъ шерстяныхъ шалей, и у самыхъ богатыхъ, сверхъ того, въ шелковой лопотинѣ (платѣ) и таковыхъ же одной или двухъ шалей и столькихъ же

¹⁾ Рѣшеніе Великоникскаго волостн. суда 1868 г. 27-го мая.

²⁾ Рѣшеніе Мелогородскаго волостн. суда 1868 г. 14-го января.

рубашкахъ, преимущественно изъ домашняго холста (а по верховью р. Пинеги въ рубахахъ съ вышитыми красною бумагою накладками) и во всей рабочей одеждѣ и обуви ¹⁾.

Красенная збруя или *крѣсно* здѣсь имѣется почти у каждаго крестьянина, а потому часто дается въ приданое; иногда даютъ только *става*, то есть, одну часть станка. Хорошій отецъ даетъ дочери точеные приузы и кичигу (части молотильнаго цѣпа), чтобы будущей женѣ удобнѣе, сручнѣе было молотить.

„У насъ“, говорили мнѣ крестьяне Холмогорскаго уѣзда, — „мало что бы изъ скота или денегъ давали; это бываетъ только у богатыхъ, и даютъ обыкновенно безъ предварительнаго уговора, а изъ чести, когда женихъ, при осмотрѣ его житья-бытья, оказалъ у себя деньги. Также корова, лошадь, овцы или хлѣбъ бываютъ больше у *остамы* (единственная дочь-сирота), которая, разумѣется, собираетъ все, что у ней есть. *Залѣтнихъ* невѣстъ, иначе *посидѣлокъ* (годовъ 30-ти), тоже не берутъ безъ приданаго, состоящаго въ хлѣбѣ, деньгахъ и скотѣ. У подгородныхъ Холмогорскихъ крестьянъ каждый почти хозяинъ имѣетъ свою корову, или нѣсколько, а потому брать въ приданое корову считается несовсѣмъ благопристойнымъ дѣломъ“. Къ рѣдкимъ исключительнымъ случаямъ относится то, что отецъ обязывается дать зятю корову для временнаго пользованія, или обязывается годъ, два обрабатывать земляной участокъ своего зятя, иногда же вмѣсто денегъ предоставляетъ ему право взыскивать долги съ своихъ должниковъ. Въ тѣхъ селеніяхъ и деревняхъ Холмогорскаго уѣзда, изъ которыхъ крестьяне отправляются на заработки въ С.-Петербургъ, бываетъ такъ, что несостоятельный зять уговаривается, при сватовствѣ, съ будущимъ тестемъ, если послѣдній богатъ, чтобы тотъ купилъ его въ Петербургъ въ артель. Такъ въ д. Мариловой былъ кровельщикъ, который женился въ д. Малой Тиврѣ и взялъ дочь у богатаго артельщика, и тесть, по условію, увезъ его въ Петербургъ и самъ внесъ за него купъ въ артель. Иногда крестьянина, пріѣхавшаго изъ Петербурга на родину для женитьбы и не имѣющаго собственнаго дома] (если онъ отправился на заработки въ махолѣтствѣ), тесть приглашаетъ пожить

¹⁾ Сообщено крестьяниномъ Кулешовымъ.

до заговѣнья, пока онъ не уѣдетъ снова въ Петербургъ. Но того не бываетъ (какъ это часто случается у чиновниковъ), чтобы зятья выговаривали себѣ квартиру на продолжительное время у тещевъ. Домовъ также не даютъ въ приданое, и только въ одномъ рѣшеніи волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, мы встрѣтили случай, что дана была въ приданое часть дома (*озадохъ* двора). Мы не говоримъ здѣсь о зятяхъ-приемышахъ, которые получаютъ въ свое распоряженіе дома тещевъ со всѣмъ хозяйствомъ. Одежды зятьямъ (какъ это бываетъ у чиновниковъ) тоже не даютъ въ приданое, развѣ тогда, когда останется пасынокъ отъ перваго мужа, который отдается на попеченіе зятю.

У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда входитъ въ обычай давать въ приданое зятю землю, съ тѣмъ чтобы не *отбирать ея вѣчно*. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ иногда отдаютъ въ надѣлокъ зятьямъ *чищеницы*, до истеченія 40-лѣтняго срока пользованія чищеницей. Ниже мы встрѣтимъ случай, какъ свекоръ отдалъ зятю, будущему мужу своей снохи, даже тяглую землю, или какъ выражаются крестьяне, *податную душу*, для уплаты податей за душу своего покойнаго сына, перваго мужа своей снохи. Все это остатки прежняго обычая, господствовавшаго здѣсь въ полной силѣ, давать землю въ приданое за невѣстами. Дѣйствительно, до 1831 г., пока у крестьянъ нашей губерніи существовало подворно-участковое наслѣдственное владѣніе землею, съ правомъ отчужденія ея, случаи отдачи въ приданое земли были не рѣдки. Землю или деревню получали тогда въ приданое не однѣ только оставицы, но и другія дочери, при наслѣдникахъ мужескаго пола, по благословенію родителей. Есть еще въ живыхъ много крестьянокъ, которыя выходили замужъ съ землею, отошедшею потомъ въ общій раздѣлъ. Впрочемъ, какъ видно изъ *дѣльныхъ крѣпостей* прошедшаго времени, дѣвушки, при раздѣлѣ съ членами семьи мужескаго пола, по смерти отца получали за свою часть земли денежное и вещественное вознагражденіе отъ послѣднихъ. Къ этому обычаю о дачѣ въ приданое земли мы возвратимся еще въ послѣдствіи, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ оригинальномъ приданомъ мелкихъ чиновниковъ въ здѣшней губерніи.

„Часто случается, что чиновники въ Архангельскѣ“, пишетъ одинъ

наблюдатель мѣстныхъ нравовъ, „женятся и берутъ за женою довольно странное приданое; странность не въ самомъ приданомъ, а въ предсвадебномъ условіи: иные условливаются о парѣ новаго платья, другіе о пищѣ или квартирѣ въ продолженіе опредѣленнаго по уговору времени“ ¹⁾. То же самое бываетъ и въ уѣздныхъ городахъ. Одинъ знакомый мнѣ канцелярскій чиновникъ въ Холмогорахъ женился на дочери удѣльнаго крестьянина и вырядилъ для себя у тестя пару платья да позволеніе жить въ домѣ тестя и кормиться на его счетъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Семинаристы, вступающіе въ бракъ съ поповнами, тоже условливаются съ тестемъ, если у нихъ своя одежда обносилась, чтобы тотъ завелъ новую къ вѣнцу.

Въ древности обитатели Двинской земли давали въ приданое села, деревни, рабовъ, деньги и разнаго рода вещи, какъ это видно изъ Двинскихъ актовъ XIV, XV и XVI столѣтій. Такъ, въ одной данной написано: „Се купи ключникъ владыченъ Еуеимей у Марьи у Ивановы жены Іевлича у Фефилатовѣ дочерѣ, а у Борисовѣ внука, полсела земли, вотчину ея, въ Лялинѣ курья, половину всю безъ вывѣта, дворъ и дворичо, и орамые земли, и пожни, и притеребы, и за Курьею великой пожни половина и въ перевѣсищахъ половина, и Устьялининѣ курья тonya, и подѣ Великою пожнею ѣзъ да и подворомъ ѣзъ, а то съ Лялинци по половинамъ; а далѣ на томъ ключникъ Еуеимей Марьи три рубли да портищо пыжовъ; а пополонка соболь... а далѣ ключникъ владыченъ Еуеимей *ту землю дочери своей Олень, за сери*“ ²⁾. Во второй данной: „Се дастъ Иванъ Михайловичъ и жона его Ѳеодотья, Микити Ѳеодоровичу и дочерѣ своей Овдогѣи, *село земли Онашиньское на Кургонемѣ, да двое портъ, шубу да чюпрюнъ, да приданую дѣвку Феню*“ ³⁾. Въ духовной: „А жена моя оже всѣдѣтъ въ животъ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидетъ замужъ ино ей надѣлка десять рублей; а что принесла *портъ и круту и челядь*, а то ей и-есть. А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтямъ животъ мой и

¹⁾ Арх. Губ. Вѣд. 1863 г. № 11.

²⁾ Акты юрид., № 19, стр. 39.

³⁾ Тамъ же, № 110, V, стр. 144.

села мои и челядь моя наполю; или будетъ дчи, ино выдасть ю брать Федоръ по силѣ" ¹⁾. Еще въ духовной: „А что есмь посулилъ надѣла зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклади, на два году, до кунъ" ²⁾.

Стоимость приданого въ Холмогорскомъ уѣздѣ бываетъ весьма различна. По опредѣленію крестьянъ, у самыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ приданого бываетъ рублей на пять, на десять: сколько на себѣ платья, да еще нѣсколько рубахъ и прочаго; у средняго состоянія на 30—50 руб., а у богатыхъ простирается и до 300 руб.; бываетъ и гораздо болѣе, но какъ рѣдкое исключеніе. Такъ, въ 1870 году крестьянинъ Ульяновъ изъ Ровдиной горы далъ за дочьрю 1000 руб. сер. Въ приводимыхъ ниже рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ различныхъ мѣстностей губерніи мы находимъ стоимость приданого, по оцѣнкѣ истцовъ, въ 25, 30, 50, 77, 125, 197 и 200 руб. сер.

На вопросъ мой: было ли въ прежнее время приданое цѣннѣе нынѣшняго, или нѣтъ, одинъ крестьянинъ отвѣтилъ: „Прежде давали дорогое приданое, такъ что было что и заложить, и продать въ случаѣ крайности; прежняя одежда и украшенія далеко превосходили стоимостью нынѣшнія: штофники рублей въ 40 асс., кумачники въ 5 руб., на нихъ серебряныя пуговицы и золотыя вахромки (бахрома) рублей на 10 асс.; прежде жемчугъ былъ въ большомъ употребленіи; богатые повязки (головной уборъ), унизанныя жемчугомъ, цѣнились рублей въ 100—300 асс.; у моей бабки былъ кокошникъ жемчужный и стоилъ рублей 100 асс., а кошельки (серьги жемчужныя) тоже стоили не менѣе 100 руб. асс. Теперь только и цѣнности, что салоны на лисьемъ мѣху. Да и прочность то какая была: досельную одежду носила прабабушка, бабка, мать, да и дочери передавала; у меня есть кокошникъ: бабка худо помнитъ, когда онъ заведенъ, да полушубокъ годовъ 90 какъ дѣлать; штофники трои вѣки носились; правда, надѣвались только на играща; нынѣ ни за что ни какъ дѣвка или жонка не надѣнетъ; а

¹⁾ Тамъ же, № 409, I, стр. 430.

²⁾ Тамъ же, № 409, IV, стр. 433.

вотъ въ Емецкѣ всѣ въ полушубкахъ на игрищахъ.... Прежде приданое старались всѣми силами сберегать, чтобъ было что дочерямъ оставить въ приданое, да и теперь стараются не растрачивать; только ужъ нынѣшнее платье не передашь; все не прочно; коди у дѣвушки порвется платье, то и не заводятъ задолго до свадьбы“. Въ другихъ мѣстахъ губерніи, какъ мы уже видѣли, и снова увидимъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, еще удержалась старинная дорогая и прочная одежда.

Для опредѣленія стоимости приданого въ XVII столѣтіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ *дѣльных крѣпостей*, приведенныхъ В. Крестининымъ въ его нынѣ довольно рѣдкой книгѣ: „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа“, изданной въ С.-Петербургѣ въ 1785 году. Изъ дѣльной крѣпости 1647 г. февраля 3-го дня, составленной крестьянами Галушиными, Ровдогорскаго селенія, въ нынѣшнемъ Холмогорскомъ уѣздѣ, видно, что племянница получила отъ своихъ *дядьевъ*, за деревенскій участокъ отца въ приданое: 1) три рубля денегъ на однорядку, 2) шусунъ сукна краснаго съ *нарядомъ* (приклада) цѣна 4 рубля, 3) за шапку полтора рубля денегъ, 4) кружево жемчужное (на шапку) цѣна 1 руб., 5) одинъ золотникъ жемчугу съ четвертью, цѣна 20 алтынъ, 6) кошельки (серьги, сплетенныя изъ жемчуга) цѣна 2 руб., 7) серьги серебряныя подъ золотомъ, съ цѣпью серебряною (для креста, носимаго на грудяхъ) цѣна 8 гривенъ, 8) другую шапку вѣдичную голубую (то-есть, бумажной выбойки, крашеную, безъ пестрыхъ цвѣтовъ) цѣна 10 алтынъ, 9) крашенинникъ съ нарядомъ, цѣна 20 алтынъ, 10) сапоги телятинныя красныя съ шелкомъ, да другіе пришвы, цѣна обоимъ полтина, 11) коробью съ бѣльемъ, цѣна 5 руб., и всего того приданого было на 19 руб. 10 алтынъ. Крестининъ, сообщивши эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „все сіе доказываетъ богатую на Двинѣ невѣсту, ибо другія невѣсты тогдашняго времени приносили приданого въ дома своихъ мужьевъ не болѣе или ниже двухъ рублей, какъ то видно по дѣльной крѣпости 1600 г. октября 27-го дня Игнатя и Селивана Дубасовыхъ, Куростровцевъ, которые со своею племянницей Парасковьею Андреевой дочерью на три жеребья движимое и недвижимое имѣніе дѣлили; почему сіи участница наслѣднаго имѣнія въ

приданое вѣно на полтретя рубли получила“ (стр. 21). Но далѣе самъ же Крестининъ опять приводитъ въ примѣръ довольно состоятельную невѣсту. По дѣльной крѣпости крестьянъ Фатѣвыхъ, изъ Верхней Паленги, 1625 г. ноября 9-го, племянница получила за свой участокъ отъ четырехъ своихъ сонаслѣдниковъ дядей деньгами 12 руб. „Сверхъ того, сія достаточная по тогдашнему времени невѣста, выданная изъ богатаго крестьянскаго дома, отнесла въ приданое двой серьги и три перстня серебряные, цѣною въ три рубля“ (стр. 23). По четыремъ же приводимымъ мною ниже дѣльнымъ XVII столѣтія видно, что приданое давалось на сумму отъ 4 до 8 рублей; а въ одной дѣльной XVIII стол. приданое обозначено въ 50 рублей.

Хотя и существуетъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ поговорка о накопленіи приданого: *дочку въ колыбельку, придано въ коробылку*, но она здѣсь буквально не примѣняется, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи ¹⁾. Говорятъ, что такъ было въ старину, а теперь заготавливаютъ приданое съ малолѣтства дочерей только самые богатые да тѣ, которые имѣютъ единственныхъ дочерей, разумѣется, если они не думаютъ принять къ себѣ на домъ зятя. У крестьянъ же средняго состоянія не дѣлается такъ, потому что, какъ объясняютъ крестьяне, если есть нѣсколько дочерей, то нѣтъ силъ и времени накопить приданое съ младенчества ихъ. Начинаютъ запасать приданое изподволь, годовъ съ 14 или 15, когда дочери уже сами начинаютъ учиться ткать, а ускоряется заготовленіе его, когда дочь уже считается невѣстой, съ 16 лѣтъ, такъ чтобы въ два, три года приготовить все болѣе нужное; остальное закупается тогда, когда дочь уже засватана.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отецъ къ приданому, состоящему изъ бѣлья и пр., *не касается*, то-есть, не заботится о немъ; это дѣло матери; она заблаговременно *заправляетъ* бѣлье, сарафаны, платки, полотенца, перья и пухъ для подушекъ и пр.; шьютъ же приданое, кромѣ дорогихъ вещей, и ткутъ сами дѣвушки-невѣсты; въ осо-

¹⁾ Записки Русск. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этногр. т. II. Очеркъ народн. юридич. обычаевъ и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 690; также *Pravni obicaji u Slavena V. Bogišića*, стр. 124.

бенности онѣ заботятся о тканыхъ будничныхъ сарафанахъ, такъ какъ при выборѣ невѣсты обращается большое вниманіе на то, каково вытканъ сарафанъ. Отецъ заводитъ обыкновенно болѣе дорогія вещи изъ одежды: пальто, гарусные платки, платье, башмаки, равно и другія болѣе цѣнныя вещи. Хотя первоначальное приданое часто заготавливается на женскія деньги, то-есть, на *масяныя* и другія деньги матери и на тѣ, которыя получаетъ дочь на сторонѣ, напримѣръ, во время страды, если дома нѣтъ работы, но бываетъ также, что отецъ покупаетъ на первый разъ на семейныя деньги льну, мать же и дочь передѣлають купленное на полотно, часть полотна обращаютъ на бѣлье, а лишнее продають и на полученные деньги покупають снова кудели, чтобы вновь выгадать себѣ кое-что. Слѣдовательно, значительная часть приданого пріобрѣтается на средства отца. „Вокругъ скотоводства ходить—обязанность жены, а потому мужья при продажѣ скота даютъ часть денегъ на приданое. Если лѣтомъ, въ страдное время, дочь работаетъ на полѣ, то отецъ за это заводитъ ей что-либо въ приданое; а Петенбура (то-есть, живущіе въ столицѣ) посылають изъ Петербурга все необходимое въ приданое, напримѣръ, разнаго рода матеріи, кромѣ бѣлья, которое заводится дома. Вотъ такъ каждый годъ и подбавляется приданое“. О приданомъ все-таки болѣе заботится мать, нежели отецъ; отцу часто не нравятся лишніе, по его мнѣнію, расходы на наряды дочери, такъ что нѣкоторые болѣе скупные отцы препатствуютъ женамъ заботиться о самомъ нужномъ въ приданомъ, говоря: „я тогда все куплю, когда женихъ пріѣдетъ“; въ такомъ случаѣ мать старается запасти для дочери что-нибудь тайно отъ отца. Дѣвушки безчотныя, или если отецъ человѣкъ распутный или крайне бѣдный, или если онѣ живутъ въ чужихъ людяхъ, *крутятъ* на свои деньги, собирая и продавая ягоды, нанимаясь на страду въ работы, занимаясь тканьемъ пряжи; но вся эта *крутя*—на 5, 10 и рѣдко на 20 руб.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ матери крутятъ дочерей не всѣхъ разомъ, а только одну старшую, которая считается невѣстой; она всегда ходитъ въ нарядной одеждѣ, а остальные носятъ обноски ея. Когда выдадутъ первую, тогда начинаютъ крутить другую. Если же старшая дочь не считается невѣстой по чему-либо, напри-

мѣръ, по болѣзни, то въ такомъ случаѣ крутятъ вторую, помимо первой. Это накопленіе приданаго, какъ уже прежде было сказано, производится изподволь, но передъ свадьбой ускоряется приготовленіе его. Тогда, въ періодъ времени между осмотромъ жителя-бытья жениха и рукобיתемъ, пріятельницы невісты ежедневно собираются въ домъ послѣдней и помогаютъ дошивать приданое—наволочки, занавѣски къ кровати, кое-что изъ платья; однимъ словомъ, шьютъ все закупное. Наканунѣ дѣвичника, когда невіста съ подругами идетъ въ баню, мать *рядитъ коробыю*, то-есть, окончательно складываетъ въ сундукъ бѣлье, салфетки, скатерти, полотна и все, что, по возможности, заготовлено въ приданое ¹⁾. Самое полусундучье, въ которое складывается вся одежда, кромѣ *пошатай*, покупается въ Архангельскѣ, когда дочь уже невіста.

Всюду почти въ губерніи бывають предварительные уговоры (*уговорки*) о приданомъ; только тамъ, гдѣ невістами особенно дорожатъ, напримѣръ, въ селеніи Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, о приданомъ не уговариваются. *Приданого*, говорятъ тамошніе женихи *пожалуй, ни нитки; былъ бы хохолъ да нитки*. И въ другихъ мѣстахъ губерніи о бѣдныхъ невістахъ, безприданницахъ, говорятъ: *Была бы кость да тѣло, а платье самъ дѣлай*, то-есть, была бы женщина порядочная, а платье наживемъ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ есть еще поговорка о безприданницахъ: *Суженой пріѣдетъ и зипунъ* (или *шубунъ*) *привезетъ*.

Въ деревняхъ близъ Холмогоръ договариваются почти всегда только о женской одеждѣ, въ особенности со скудными родителями, и если много дочерей у нихъ; требуютъ, напримѣръ, драповое пальто, шелковый или другой какой салонъ, спрашиваютъ: отдадутъ ли жемчугъ, шубу, которую еще мать носила, не можно ли обмѣнить пошатаго платья; замѣчаютъ родителямъ, что у невісты *этого нѣтъ, этого нѣтъ*. Дѣвицы гостятъ и гуляютъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ въ лѣтніе праздники и на игрищахъ, а потому и видно, съ чѣмъ невіста, да и молва идетъ, гдѣ и что заводятъ. „У насъ на этотъ счетъ народъ дальновидный“, говорятъ сами крестьяне. Въ особенности этого не могутъ не знать сваты или сваты,

¹⁾ Москвитининъ 1853 г. ч. I, стр. 40. Свадьба Арх. губ.

черезъ кѣихъ собственно и идетъ здѣсь уговоръ о приданомъ. Уговоръ о приданомъ совершается у насъ не во время рукобитья, какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, а при сватовствѣ. Какъ главные лица, черезъ посредство которыхъ дѣлается уговоръ о приданомъ, свать или сватья служатъ всегда свидѣтелями при рѣшеніяхъ волостными судами спорныхъ дѣлъ о приданомъ между зятемъ или его отцомъ и тестемъ.

О надѣлкѣ—деньгахъ, скотѣ и пр., упомину при уговорѣ у насъ, близъ Холмогоръ, не бываетъ; онъ дается только изъ чести богатыми родителями. Въ особенности богатые женихи не считаютъ приличнымъ уговариваться о надѣлкѣ (бѣдные иногда составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе), и родители признаютъ такой уговоръ за насмѣшку: „Развѣ дѣвка съ безчестьемъ, что деньги требуютъ“, отвѣтять родители. Дѣйствительно, если дочь дурнаго поведенія, и ожидаютъ послѣдствія ея распущенности, тогда состоятельные родители, чтобы прикрыть грѣхъ, сами предлагаютъ хорошее вознагражденіе жениху. Извѣстенъ одинъ случай, бывшій близъ Холмогоръ, что одна дѣвушка изъ богатаго дома сдѣлалась беременною. Ея поступокъ разславили, такъ что скрыть было нельзя, и потому ее предложили въ замужество бѣдному крестьянину, которому обѣщали дать въ приданое сначала 200, а потомъ 300 р. Свать потребовалъ, чтобы деньги до вѣнца еще были выложены на столъ. За то послѣ вѣнца мужъ прожилъ всѣ эти деньги. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, гдѣ населеніе побѣднѣе, тамъ и о надѣлкѣ уговариваются, какъ можно судить по приводимымъ далѣе обычаямъ Хаврогорскаго селенія.

Всѣ эти договоры совершаются на словахъ, а не на бумагѣ. Письменные же условія довольно рѣдки и бываютъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Брачныя записи обыкновенно составляются тогда, когда отецъ невесты принимаетъ къ себѣ въ домъ зятя. Но въ такихъ случаяхъ, условіямъ этимъ чаще всего придаютъ форму духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ тестъ отказываетъ зятю все свое имѣніе, съ тѣмъ чтобы послѣдній кормилъ и одѣвалъ перваго, а первый не выгонялъ бы послѣдняго изъ дома. Здѣсь зять-пріемышъ признается наслѣдникомъ, а часто и полнымъ распорядителемъ въ имуществѣ тестя; слѣдовательно, тутъ имуще-

ство теряетъ уже характеръ настоящаго приданаго, какъ оно теперь понимается народомъ, за исключеніемъ разумѣется, платнаго имущества, которое остается собственностью жены. Объ этихъ условіяхъ подробнѣе будетъ сказано въ другомъ отдѣлѣ, когда станемъ говорить о зятяхъ - приемышахъ. Ниже же сего только приведемъ для образца три договора съ принятыми. Два изъ нихъ, 1807 и 1869 гг., заключены между будущимъ тестемъ и зятемъ, при чемъ отдается въ надѣлъ зятю въ первомъ половина владѣемой Тестемъ земли, а во второмъ почти все движимое и недвижимое имущество, за исключеніемъ нѣкоторой части; третій договоръ заключенъ самою невѣстой съ будущимъ своимъ мужемъ, котораго она приняла въ домъ и на свой земляной участокъ, съ тѣмъ чтобы тотъ далъ ей на свадьбу и на другіе расходы извѣстную сумму денегъ. Кромѣ этихъ записей, мы имѣемъ и приводимъ ниже, еще тринадцать, но уже не съ зятями-животниками. Изъ нихъ одна запись относится къ XVI в., пять записей къ XVII ст., двѣ къ XVIII и четыре къ XIX столѣтію.

1.

1807 года ноября 9-го дня. Холмогорской округи, Моржегорской волости, деревни Цѣповской, крестьянинъ Василій Венедиктовъ сынъ Зеленинъ далъ сіе стоворное письмо той же деревни крестьянину Ивану Матвѣеву сыну Выдрину въ томъ, что по любовному стовору отдаю я, Зеленинъ, дочь свою Марфу за его Ивана въ законное супружество, и отдавая ему, Ивану, и дочери своей Марфѣ въ надѣлъ половину владѣнія своего, пашенную и сѣнокосную земли Цѣповскаго, Калгачинскаго и Самойловскаго печицей, тяглою, по веревной книгѣ веревщика Матвѣя Евменьева, двадцать семь сажень три чети, и владѣть ему, Ивану и дочери моей, Марфѣ, тою пашенною и сѣнокосною землею вѣчно, и подать государственную съ той земли платить, также и съ моей полудуши по мірскимъ расположеніямъ ему, Ивану, ровно и всякія мірскія службы отправлять ему же, Ивану; а съ той земли давать ему, Ивану, ко мнѣ, Василью, на пропитаніе отсыпнаго хлѣба по три мѣры ржи и жита пополамъ, на всякій годъ, до смерти моей, а по смерти моей владѣть ему, Ивану, и дочери моей Марфѣ тою землею вѣчно, а другимъ родственникамъ моимъ никому дѣла нѣтъ и не вступаться. А ежели Богъ случитъ дочери моей Марфѣ смерть, то отдать тому, кто въ тотъ мой участокъ вступаться будетъ, къ нему, Ивану Выдрину, пожилыхъ денегъ, по шестидесяти рублей за всякій годъ, въ томъ сіе завѣщательное поступное письмо далъ.

У подлиннаго руки приложены тако: Къ сему сговорному завѣщательному письму крестьянинъ Василій Зеленинъ руку приложилъ. При семъ завѣщательномъ письмѣ свидѣтелей было 6 человекъ. 1810 года марта 14-го дня. Сіе сговорное письмо въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ явлено и въ книгу подъ № 6 записано.

2.

1869 года февраля 5-го дня. Мы, нижеподписавшіеся Архангельской губерніи и уѣзда, Вознесенской волости Тойвитовской деревни, государственный крестьянинъ Ѳеодоръ Михайловъ Даниловъ и Иванъ Михайловъ Шваковъ заключили между собою условіе въ томъ, что послѣдній изъ насъ предполагаетъ вступить нынѣ же въ законный бракъ съ дѣвницей, дочерью Данилова, Натальей Ѳеодоровой, и коль скоро этотъ бракъ совершится, Иванъ Шваковъ вступаетъ во владѣніе домою, принадлежащимъ Данилову, стоющимъ 60 р., на правахъ полнаго хозяина, впрочемъ съ участіемъ самаго Данилова; кромѣ того {я, Даниловъ, передаю въ видѣ приданого, за дочерью, во владѣніе, навсегда: 3 коровы, 1 быкъ и 1 нетель, стоющіе 80 р., и лошадь 60 р.; этой скотиной Шваковъ пользуется навсегда, но продавать ихъ можетъ только съ одобренія и согласія моего, Данилова, какъ равно и я, Даниловъ, не имѣю уже права безъ согласія Швакова приступить къ продажѣ чего-либо изъ имущества или скота. При жизни моей, Данилова, Шваковъ имѣетъ право распоряжаться всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, какъ бы оно было его собственное, но взамѣнъ этого, онъ долженъ почитать меня, Данилова, какъ отца, неотказывать мнѣ ни подъ какимъ видомъ въ пищи, одеждѣ, и однимъ словомъ, до смерти моей содержать меня такъ, какъ прилично сыну отца. Остающаяся при мнѣ, Даниловѣ, малолѣтняя моя дочь Парасковья имѣетъ жительство въ этомъ же домѣ, а при выходѣ въ замужество, я долженъ наградить ее по своему состоянію приданнымъ, изъ той части своего имѣнія, которое остается за мной и не будетъ передано Швакову. По смерти моей домъ и все хозяйство будетъ принадлежать въ вѣчную собственность дочери моей Натальѣ и ему, Швакову, какъ прямымъ и единственнымъ наслѣдникамъ, и никому другому, кромѣ ихъ, моимъ наслѣдствомъ не пользоваться и не вступать. Условіе это по совершеніи брака будетъ обязательно для обоихъ насъ, Данилова и Швакова; и измѣнить его можемъ только съ общаго согласія; за нарушеніе его тѣмъ или другимъ судиться по закону, въ чемъ и подписуемся:

Послѣ подписей лицъ, заключившихъ это условіе, слѣдуютъ подписи свидѣтелей ¹⁾).

¹⁾ Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Вознесенскаго волостнаго правленія.

3.

1816 года іюня дня, Архангельской губерніи Холмогорской округи, Челмохацкой волости, деревни Григорьевской, крестьянская дѣвка Парасковья Матѣева дочь Короткихъ дала сіе договорное письмо той же волости и деревни, крестьянину Степану Алексѣеву сыну Блинову, въ томъ, что по раздѣлу между племянницами и зятемъ Степаномъ Поповымъ оставшагося отъ отца и братьевъ деревенскаго участка, по нахожденію объ ономъ въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ дѣла, по рѣшенію онаго, досталось мнѣ, Парасковѣ, изъ земляного участка, горней орамой земли и сѣнныхъ покосовъ и распашихъ новинъ и запущенныхъ припашей четвертая часть, тяглою, по веревной книгѣ, 22 сажени, а изъ хормнаго строенія на мельницѣ изба, дворъ, баня и кузница; нынѣ я, Парасковья, доставшійся по раздѣлу земляной участокъ обрабатывать и оплачивать подать и всякую общественную съ того участка повинность не въ состояніи и отдать изъ платежа никому не могла, почему нынѣ взяла намѣреніе взять въ законное супружество означеннаго крестьянина Степана Блинова на оный участокъ и домовое строеніе, и при отдачѣ сего договорнаго письма взяла я, Парасковья, у него, Степана Блинова, для расплаты прежде недоплоченныхъ обществу государственныхъ податей и разнымъ крестьянамъ долговъ, также и на свадьбу, всего 250 руб.; съ тѣмъ, ежели по житіи мною въ замужествѣ, Божіимъ изволеніемъ, я, Парасковья, помру и дѣтей не останется, и во оную землю какіе нибудь родственники вступаться будутъ, то заплатить ему Блинову, за обрабатываніе земляного участка и за распахиваніе запущенныхъ новинъ, по 175 рублей за каждый годъ, также и взятыя мною при выдачѣ сего письма деньги 250 рублей; въ чемъ я, Парасковья, ему Степану сіе договорное письмо дала и подписуюсь: Подпись за Парасковью Короткихъ Холмогорскихъ Городническихъ дѣлъ канцеляриста Разанова ¹⁾.

4.

Се язь Пятой Ивановъ сынъ Ровдогорскыя волости хрестіанинъ да я Анна Иванова дочи Головинныхъ дали есмя *дѣловую розпись*, я Пятой шурамъ своимъ Троѣиму да Семену Ивановымъ дѣтемъ Головиннымъ Матгорцамъ, а я Анна братьямъ своимъ Троѣиму да Семену, въ томъ, что въ нынѣшнемъ во сто тридесять шестомъ году ееврала въ десятый день я Анна, по благословенію родителей своихъ, вышла замужъ за Пятого Иванова сына Неверовыхъ, за Ровдогорца, а надѣлку язь Анна взяла у братьи своей у Троѣима да у Семена, за свой третей участокъ, изо всего воцѣ живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скоть,

¹⁾ Изъ книги Холмогорскаго уѣзднаго суда 1816 г. № 6.

за кони и за коровы, и за всякой мелкой скотъ, и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все полтора рубля денегъ на шушунъ и на шапку, да серги серебряные позолочены съ каменемъ двойные въ тридцать алтынъ, да рубашекъ женскихъ тонкихъ и пачесныхъ, и костючей тонкихъ и пачесныхъ, и *машены скруты* на полтора рубля, да шапку киндячную въ семь алтынъ и всего я Анна взяла за свой третьей участокъ и за всякой животъ, и за деревню, и за все про все на четыре рубля на три алтына и на четыре денги, а въ достальномъ во всемъ животъ и въ деревни, и въ дворъ, и въ долгу остались жить они братья мои Троимъ да Семень, а мнѣ зятю ихъ Пятому да сестрѣ ихъ Аннѣ до всего ихъ достального живота и до скота, и до деревни ихъ до земель горныхъ и луговыхъ и до двора, и до дворища намъ Патку да мнѣ Аннѣ нынѣ и впредъ дѣла нѣтъ и дѣтемъ нашимъ, и дѣлу намъ на нихъ не пытатъ и не искать ни которыми дѣлы, да и дѣла намъ до нихъ нѣтъ, а будетъ у кого вылягутъ долги кабалніе на отца нашего Ивана или на нихъ на Троима да на Семена долги кабалніе или безкабалніе, и тѣ долги отпечи кабалные и свои имъ долги кабалніи и безкабалніе братьямъ моимъ Троиму да Семену платити, мимо насъ зятя Пятого да сестру Анну, своимъ животомъ, своими денгами, и убытка имъ Троиму да Семену въ тѣхъ отцовыхъ долгахъ и въ своихъ намъ Пятому да сестрѣ своей Анны не учинити ни которыми дѣлы. Записи про межь себя дѣлніе писали двѣ и розняли по себѣ. На то послуши Степанъ Жалининъ Куростровецъ да Невѣръ Григорьевъ сынъ Ровдогорецъ да Карпъ Онтипинъ сынъ да Павелъ Аникіевъ сынъ Головинныхъ записи двѣ писалъ Николской дѣячекъ Шибанко Романовъ гѣта 7136 еевраля въ 10 день (1628 года) ¹⁾.

5.

Се язъ Акилина Аврамева дочи Степанова сына Ниеантова пошла есми отъ матери своей Евдокеи Софроновы дочери да отъ брати своей отъ Фрола да отъ Павла Аврамовыхъ дѣтей замужъ за Ананю Иванова сына: Окулова, а надѣлку я Акилина взяла изъ вопчево живота отца своего статковъ, за дворъ и за всякой житейской животъ, за свой участокъ, шушунъ зеленой суконной цѣна три рубли, голубцы полтора рубли, сапоги полтина, серги двоевцы пятнадцать алтынъ, шапка рубль, другая шапка пять алтынъ, сарафанъ крашенинной пятнадцать алтынъ, сукникъ овечей двенатцать алтынъ, воротокъ десять алтынъ, сапоги другіе двѣ гривны и всего цѣной на восемь рублей, опроче бѣла, а я Онаня ея Акилину съ тѣмъ надѣлкомъ взяла за себя, а слушитъ Богъ смерть мнѣ Аки-

¹⁾ Изъ бумагъ кр. Матигорскаго селенія Аникіева.

лины, и отроду дѣти не останутся, и тотъ приданой надѣлюкъ на восемь рублевъ отдать Онани матери моеи Евдокеи и братьямъ Оролу и Павлу, или случить Богъ смерть Анани и тотъ приданой надѣлюкъ взяти мнѣ Акилины изъ Онаниныхъ статковъ; а въ долгу и слободы и въ осталомъ животи остались мать моя Евдокея да братя Оролъ и Павелъ, а мнѣ Акилины до долговъ дѣла нѣтъ а си *данные* мнѣ Акилины зъ братею со Ороломъ и Павломъ *съ дѣлной мѣсто*, и снова не передѣливатца ни которыми дѣлы, *данные* велики написати двѣ слово въ слово: *даная* мнѣ Акилины, а другая братьямъ Оролу и Павлу; на-то послуси Иванъ Степановъ Жуковъ да Дмитрей Ивановъ Уланова; данные писали Ѳеодосѣико Ивановъ Тягигинъ лѣта 7146 (1638) генваря въ 14 день ¹⁾.

6.

Се язъ Третьякъ Евсеевъ сынъ Шубнаго да язъ Яфимъ да язъ Ксенифонтъ да язъ Ефросенья Яковлевы дѣти Шубнаго Ровдогорцы раздѣлилися еси тояже волости, язъ Третьякъ съ племянницею своею, а мы Ефимъ да Ксенифонтъ, да Ефросенья съ сестрою своею съ Огафеею Яковлевою дочерью Шубнаго, и взяла она Огафья за деревню и за дворъ, и за всѣ хоромы, гдѣ что ни есть, и за дворище, и за горные, и за островскіе, и за луговые земли, за орамы и за сѣнные покосы, и за хлѣбъ, и за сѣно, и за скотъ, за коней и за коровъ, и за овецъ, и за судовое: за мѣдное и за желѣзное, и за оловянное, и за деревяное, и за всякой житейской запасъ, за все про все, у дяди своего у Третьака да у братьи своей у Яфима да у Ксенифонта да у сестры своей Ефросеньи, въ приданое живота себѣ полюбовно: кошелки жемчужные, цѣна два рубли, шапка отласная красная въ рубль, да два рубли денегъ на шушунъ, держамая шапка двѣ гривны, серги серебряные десять алтынъ, сапоги красные верхотачные полтина, другіе сапоги держамые двѣ гривны, крашениникъ одинатцать алтынъ, да коробья зъ бѣльемъ и зъ головнымъ, цѣна бѣлью и головному рубль, и всего того приданого живота на семь рублевъ на семнадцать алтынъ на четыре денги, и пошла она Огафья съ тѣмъ своимъ приданымъ животоу замужъ за Федора Трофимова Гороховыхъ Матигорца Николскаго приходу, и будетъ случить Богъ за мужемъ живучи смерть ей Огафьи или мужу ея Федору, а отроду не останетца ни мужескаго полу ни женскаго, и что того будетъ приданого живота въ лицахъ останетца, и то назадъ ваять, а которое того приданого живота издержитца, въ лицахъ не будетъ, и за тотъ издержанный животъ денегъ не имать и не спрашивать ни которыми дѣлы ни въ чемъ; а въ издержанномъ животѣ одному сказать прямое слово передъ образомъ Божиимъ,

¹⁾ Оттуда же.

а другому тому прямому слову вѣрить; а деревни она Огафья горныхъ и луговыхъ и островскихъ земель, оранихъ и сѣнныхъ покосовъ, и двора, и дворища, и всѣхъ хорововъ, гдѣ что ни есть и хлѣба, и сѣна, и скота коней и коровъ, и овецъ, и судового: мѣднаго и желѣзнаго, и оловянного, и древняго, и всякаго живота, и всякаго житейскаго запаса, и свободы, и долгу, всего безъ вывѣта *поступилась* полюбовно намъ дяди своему Третьяку да братьямъ своимъ Яфиму да Ксенифонту да сестры своей Ефросиньи вдернѣ в вѣкъ безповоротно, и впредь ей Огафьи до деревни и до двора, и до дворища, и до скота, и до хлѣба, и сѣна, и до всякаго живота и до всякаго житейскаго запаса, до всего безъ вывѣта, дѣла нѣтъ ни котораго ни въ чемъ; а намъ дяди да братьямъ да сестры потомужъ до ней Огафьи дѣла нѣтъ, и въ долги ее Огафью не притягивать и не убытчить, въ томъ во всемъ и сель намъ дѣлъ любъ и во вѣки и дѣтемъ нашимъ, и послѣ сего намъ дѣлу не передѣливатца и не переровниватце, и дѣлу не счинать; въ томъ и двѣ *дѣлныя* написали по противнемъ, да и розняли по себѣ. На то послуши Иванъ Герасимовъ Быковъ да Евсей Дружининъ Шаматовъ Ровдогорцы. Дѣлныя писалъ Ровдогорской дьячекъ Оска Петровъ лѣта 7166 году (1658) генваря въ 23 день. На оборотѣ: къ сей дѣльной вмѣсто Третьяка да Ефима по ихъ велѣнію да Ееросинни Яковлевы дочери Маексимко Денисовъ руку приложилъ. Къ сей дѣльной Ксенифонтку Яковлевъ руку приложилъ ¹⁾.

7.

Се язь Козма да язь Василей да язь Степанъ да язь Парасья Ермолины дѣти Тряхавина подѣлились есми межъ собою полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, конми и коровами, и всякимъ скотомъ, шубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну на четыре участка, и поделаяся я Парасья взяла есми у брати своей у Козмы да у Василья да у Степана надѣлку себѣ за свой участокъ за хлѣбъ и за скотъ, и за всякой животъ, и житейской запасъ, за дворъ и за деревню, за все про все, за домъ и за свободу, полшеста рубля денегъ да шапку киндячную въ пять алтынъ, да сапоги красные въ одиннадцать алтынъ, да крашенинникъ въ полтину, да коробю въ две гривны, да серги серебряные подъ золотомъ въ десять алтынъ, да сукманъ овечей въ четыре гривны, и съ темъ наделкомъ я Парасья пошла есми замужъ, по благословенью матери своей Домны, за Пентелея Яковлева сына Могутова; и будетъ Богъ случить смерть мнѣ Парасьи замужемъ живучи напередъ, а отродъ не останется, и тотъ

¹⁾ Оттуда же.

мой наделокъ полшеста рубля денегъ и что въ сей дѣлной писано все после моей смерти взять братьямъ моимъ Козмы да Василью да Степану у него Пентелея назадъ все сполна, а что будетъ въ лицахъ моего надѣлку и имъ братьямъ моимъ, то имать назадъ, а чевѣ въ лицахъ нѣтъ за, то по оцѣнки денги взять у него Пентелея, и по ся мѣста мнѣ Парасьи дѣла нетъ въ делу до брати своей до Козмы и до Василья и до Стевана и до статковъ отца своего до своего участка ни до чего дѣла жъ нѣтъ ни дѣтемъ моимъ; а намъ Козмы да Василью да Стевану до ней Парасьи дѣла жъ нѣтъ въ дѣлу ни которого ни дѣтемъ нашимъ; въ томъ и дѣлныя написали по противнемъ и розняли па себѣ делная: Козмы зъ братаю, а другая Парасьи. На то послухъ Стеванъ Илия сынъ Поповъ Соляской волости; писалъ дѣлныя Паленской волости Георгиевской церковной дьячекъ Гришка Тимоѣевъ лѣта 7162 (1654) генваря въ 22 день.

На оборотѣ: къ сей дельной Георгиевской попъ Аѳонасей Игтьевъ вмѣсто Козмы Ермолина и дѣтей своихъ духовныхъ Василья и Стевана по ихъ вѣлѣнью руку приложилъ Послухъ Стенька Іліинъ руку приложилъ ¹⁾.

8.

Се азъ вдова Ульяна Петрова дочь Григорьевская жена Неудачина, Глинскаго посаду, зговорила если замужъ того жъ Глинскаго посаду за Ѳедора Васильева сына Попова внуку свою, дѣвицу Устину Григорьеву дочь, а приданого съ нею, Устиною, пошло, статьи отца ее благословенія: Божіа милосердіа иконъ — Троица живоначальная съ вѣнцами серебряными, да икона Рождества Христова, икона Іоана Предтечи, Усѣкновеніе честныя Главы, икона Петра и Павла, икона Парасковей Великомученицы да Екатерины, всѣ тѣ иконы на краскахъ пядничны, два креста серебряные подъ золотомъ съ цѣпью серебряною, кошелекы жемчужные, челка жемчужная, покосникъ жемчужный съ кисью, шушунъ песчовой, крестоватикъ подъ киндякомъ краснымъ съ пухомъ бобровымъ, на немъ двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ, другой шушунъ кумашней красной, на немъ десять пуговицъ серебряныхъ съ торечкомъ мишурнымъ, цѣна всему тому, оприче иконъ, десять рублей, шушунъ теплой заячьинной подъ крашениною съ пухомъ, колушки серебряныя, крашенинникъ новый съ пуговицы оловянными, цѣна тому шушуну и колушкамъ и крашениннику рубль десять алтынъ, цѣвка золотая, цѣна полтина, коробья зъ бѣльемъ, зъ рубашками и сорочками, цѣна два рубли десять алтынъ, сапоги желтые новые, другіе желтые жъ подержаны, третіе красныя телатинныя подержаны, цѣна тремъ сапогамъ рубль, блюдо оловянное, ставчикъ мѣдный, цѣна двѣ гривны. Съ нею жъ Устиною шла закладная кабала на дворъ въ тридцати рубляхъ

¹⁾ Изъ бумагъ крест. Ухтостровскаго сел. К. Могутова.

па отчима ея, Степана Бахорева, другая закладная на него же Степана въ пяти рублехъ, и по тѣмъ закладнымъ ему Ѳеодору Васильеву стоять и деньги имать, по обѣимъ закладнымъ, и на выкупъ отдавать, а что денегъ по закладнымъ возметь и на тѣ деньги на нее Устину платя класть, а судомъ Божиимъ ей Устины случить Богъ смерть, а огrodu отъ ней никого не останетца, и что живота платя отъ ней останетца въ лицахъ будетъ, и то платя отдать роду моему, а изъ того живота осталого матери моей Маланьи треть, а достальной животъ отдать по отцѣ моему и по ней Устинѣ по церквамъ въ сорокоуствіе въ поминаніе, а что платя издержано будетъ и за то издержаное платя цѣны на немъ Ѳеодорѣ неспрашивать, а буде дворъ по закладной на выкупъ отдать или продать, и что за тотъ дворъ денегъ возметь и болши той цѣны на немъ Ѳеодорѣ никому роду моему не спрашивать, а грѣшнымъ дѣломъ тотъ дворъ згорить или разломають, и на немъ Ѳеодорѣ потому жъ не спрашивать цѣны, а что онъ Ѳеодоръ того живота продать или заложить, и за то ему Ѳеодору цѣна платить, а буде что ему Ѳеодору по закладнымъ кабаламъ въ челобитье что учинится убытковъ и проторей какихъ убытковъ въ спорѣ о дворѣ, и тѣ убытки взять ему Ѳеодору сполна, а во всемъ сказать прямое слово, а тому ево прямому слову вѣрить, въ томъ и двѣ записи ваписали полюбовно по противнымъ слово въ слово и ю себѣ рознали; а на то послушй площадные подячие Иванъ Рожинъ, Яковъ Писаревъ; писалъ записи на Колмогорахъ площадной подячий Ѳедка Рожинъ лѣта 7182 г. (1674) Мая въ 31 день.

На подлинной записи на другой сторонѣ подписано тако:

Троицкой нощъ Яковъ вмѣсто дочери своей духовной Ульяны руку приложилъ. Послухъ Ивашко Рожинъ руку приложилъ, Послухъ Яеунка Писаревъ руку приложилъ ¹⁾.

9.

1755 года, ноября 27 день. Троицкой Ухтоостровской волости Двинскаго уѣзда вдова, Ѳеодора Дмитрева дочь, Амосова Пелепелкина жена, со снохою своею, вдовою, Пелагею Григорьевой дочерью, дали сіе зговорное письмо той же волости крестьянину Ивану Иванову сыну Корельскому въ томъ: въ нынѣшнемъ году, по закону Божию, отдали онаго Ивана Корельскаго за сына его Якова я, Ѳеодора, внуку, а я, Пелагія, дочь свою Евдокію въ законное супружество, а съ нею отдали своего владѣнія вотчинно свое тягло сѣвчей и сѣнокосной земли, въ тоя же волости, на горы въ пяти полямъ Зовію, а тяглою по мірской веревной книгѣ, изъ каждаго поля

¹⁾ Изъ описи домовъ и дворовъ Глинскаго посада, составленной въ 1755 году по распоряженію преосвященнаго Варсонофія, архіепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго.

по половинѣ да изъ сѣнныхъ же покосовъ въ Кузнецовой юрмолѣ въ пожнѣ, и въ осотѣ, и на горѣ, въ закраинахъ, вездѣ половина, по мірской веревной книгѣ, въ вѣчное владеніе неотъемлемо, которымъ ему, Ивану Корельскому, и сыну его Якову съ женою своею почать владѣть съ 1756 году Генваря 1-го числа, руно сымать имъ на себя и всякіе подати платить и службы служить, и вольно продать и заложить, а намъ, вдовамъ, въ ту землю не вступаться и убытку не учинить. А съ той же землею къ нему же Ивану Корельскому отдана въ пахоту и во владѣніе другая половина земли до выхода другой сестры Парасковьи въ замужье, а съ той земли съ первой Евдокіей половины радили отъ него Ивана Корельскаго платы, себѣ на пропитаніе хлѣба ячменя по двѣ мѣры на годъ, да дровъ по сажени, и съ Парасковей на хлѣба ячменя по три мѣры, да дровъ по сажени, во всякой годъ по году добраго, да лучины съ обоихъ половинъ одинъ возъ въ годъ; а притомъ сговорѣ были во свидѣтеляхъ тоя же волости крестьяне Михаило Нагихъ да Петръ Удинъ; договорное письмо писалъ тоя же волости Сійскаго монастыря крестьянинъ Семень Батраковъ до крѣпостныхъ дѣлъ ¹⁾.

10.

1760 года іюля 22-го дня Двинскаго уѣзда Троицкой Ухтоостровской волости дѣвица Фекла Васиіева дочь Шангиныхъ по закону Божию выхожу я изъ отческаго дому въ законное супружество Куростровской волости за крестьянина Егора Христофора сына Дудина за сына ево Ілею. А при выходѣ своемъ примаю я дѣвица Фекла оставленія покойнаго отца нашего Васиіа, а нынѣ отъ братьей своихъ родныхъ Семена да Петра да Ивана за отческіе пожитки движимыя и недвижимыя за все по добровольному договору, а имянно: образъ святаго великомученика Кирика и матери его Улиты съ вѣнцами и съ цатами и окладъ серебряной подъ золотомъ, да крестъ съ цепочкою, колтушки — все серебряно цена тому рубль пидесятъ копѣкъ, подвапокъ куней верхъ расшивной четыре рубля, другой подвапокъ куней верхъ камчатой цена рубль, кошелки и набросники жемчужныя, цена обомъ шестнатцать рублевъ, кунтышъ китайной исподъ зачинной хрептовой, пухъ и воротникъ бобровой, цена восьми рублевъ, шущунъ каразейной, новой, пугвицы серебряныя кружива шелковыя цена четыре рубля пидесятъ копѣкъ, другой каразейникъ подержаной съ кружевами цена два рубля, китайникъ синей, шубнякъ подкитайкой исподъ овчинной цена рубль пидесятъ копѣкъ, на кокошникъ денегъ рубль пидесятъ ко-

¹⁾ Изъ дѣла; Холм. уѣздн. суда о возвращеніи крестьянину Корельскому отведенной отъ него земли крестьянину Перепелкину 1798 г. (№ 203).

пѣкъ, рукавицы красныя цена тридцать копѣкъ, трой бапмаки цена шестьдесятъ копѣкъ, да чюлки красны да бѣлы цѣна пятьдесятъ копѣкъ, наметка бумажна новая цена два рубля, гребень двѣнадцать копѣкъ, коробыя зѣ бельемъ и съ рубашками цена три рубля, блюдо оловянное, солоница и сковородка мѣдныя рубль дватцать копѣкъ, и всего вышеписаннаго приданого пожитку на пятьдесятъ рублей на двадцать на двѣ копѣйки, а болше того вышеписаннаго приданого на нихъ братьяхъ пожитку мнѣ Феклы и мужу моему и наслѣдникамъ нашимъ, на нихъ братьяхъ монхъ, ничего не спрашивать и ни во что впредь къ нимъ не вступатца; а ежели мнѣ Феклы живучи за мужемъ во младыхъ лѣтѣхъ смерть Богъ случить, а отроду не останется, и то вышеписанной приданой пожитокъ мною не удержанъ будетъ, то мужу моему отдать возвратно къ братьямъ монхъ Семену и Петру и Ивану безъ всякаго прекословія; въ томъ сію при выходя въ своею дѣловую и въ пріемъ приданого живота при отцѣ своемъ духовномъ священникъ Андрей Ивановъ росписъ дали; писалъ дѣловую росписъ прошеніемъ дѣвицы Феклы Шангиныхъ тоя жѣ волости дьячекъ Иванъ Тюрденевъ. Къ сей дѣльной росписи вмѣсто дѣвицы Феклы Васильевой дочери Шангиныхъ прошеніемъ ея Богоявленской Ухтостровской волости крестьянинъ Алексѣй Ивановъ сынъ Поновъ руку приложилъ¹⁾.

11.

1868 года, ноября 4-го дня. Мы нижеподписавшіеся Архангельской губерніи Холмогорскаго уѣзда, Вашкаринской волости, Ровдогорскаго селенія, деревни Тряхновской, Григорей Ивановъ Невѣровъ сговорилъ споху свою, покойнаго сына своего Ивана вдову, Надежду Дмитреву, и съ одиннадцатимѣсячнымъ младенцемъ Николаемъ, въ замужество за крестьянина того же селенія, деревни Мариловской, Филипа Дмитрева Галушина, съ тѣмъ, чтобы слѣдующій земельной участокъ, пахатную и сѣнокосную, на одну душу покойнаго сына моего Ивана, отдаю во владѣніе ему, Галушину, чтобы онъ, Галушинъ, за душу оплачивалъ подати и повинности и обрабатывалъ слѣдующимъ порядкомъ, до переписи или до ревизіи и внука моего Николая воспитывать безбѣдно, а при ревизіи подписать въ его, Галушина, семейство своимъ коштомъ: еще отдаю покойнаго сына Ивана платье, пмیانно: 1-е тулупъ нагольной, 2-е армякъ синей, 3-е пальто драпово, 4-е кушакъ красный, 5-е фуражку.—И все сіе писалъ я по согласію съ сыномъ своимъ Прокопьемъ Невѣровымъ; въ чемъ и подписуемся²⁾.

¹⁾ Доставилъ помощникъ миссіонера О. С. Батраковъ.

²⁾ Списана съ крестьянской записной счетной книжки.

12.

1869 года января 11-го дня. Мы нижеподписавшіеся крестьянинъ Шенкурскаго уѣзда, Великониколаевской волости, Едемскаго Сельскаго общества Иванъ Федоровъ Едемскій и невѣстка его, крестьянская вдова, Марфа Иванова Едемская, заключили между собой сіе обоюдное условіе въ томъ, что послѣдняя изъ насъ, Марфа Иванова Едемская, изъявила желаніе выйти въ замужество за крестьянина нашего же общества Ивана Варсонофьева Трофимова; почему я, Иванъ Федоровъ Едемскій, предоставляю въ ея Марфы распоряженіе принадлежащее ей имущество, какъ-то: тулупъ бѣлой овчинной и тулупъ крытый синимъ сукномъ и принадлежащія ей юбки и рубахи, сколько таковыхъ окажется, и кромѣ сего даю я Иванъ Едемскій ей Марфѣ въ вознагражденіе нынѣ же ржи 4 четверика и ячменя 4 четверика. Сына же Марфы, Василья, я Иванъ Едемскій оставляю при своемъ домѣ и на своемъ обеспеченіи, съ тѣмъ чтобы она Марфа ничего болѣе изъ имущества отъ меня Ивана Едемскаго не требовала и ни во что не вступалась, въ чемъ подписуемся ¹⁾.

13.

1869 года, января 18-го. Мы нижеподписавшіеся, Шенкурскаго уѣзда, Устьпадецкой волости, Устьпуйскаго общества, деревни Тушевской, крестьяне Петръ Матвѣевъ Лобановъ и Семенъ Васильевъ Копѣцкій учинили сію миролюбную подписку въ томъ, что первый, Петръ, отдаетъ въ замужество дочь свою Елену за сына Копѣцкаго Никифора, въ приданное по дочери отдаетъ Копѣцкому землянаго участка на одну ревизскую душу, принадлежащую Лобанову, на нижеслѣдующихъ условіяхъ.

По случаю согласія нашего, первый изъ насъ, Петръ, отдаетъ за сына втораго въ замужество дочь свою, въ придачу по ней даетъ землянаго участка на одну ревизскую, принадлежащую Лобанову душу, которою пользоваться Копѣцкому вѣчно, начиная съ паровъ сего 1869 года, то есть въ семь году лѣтомъ только Копѣцкому оную душу начать парить и настѣять на оную озимое, а яровое и сѣнокосъ долженъ съ оной сего лѣта снимать еще Лобановъ; за что обязанъ Копѣцкій пахать Лобанова остальную одну душу, до тѣхъ поръ, пока Лобановъ не отдастъ кому-либо изъ сосѣдей остальную душу, пахать же долженъ Копѣцкій у Лобанова каждое лѣто, какъ слѣдуетъ, и возить, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, на мельницу и сѣно и дрова; но когда Лобановъ отдастъ сосѣдамъ остальную душу, тогда Копѣцкій больше Лобанову служить не долженъ ни въ чемъ; пашню долженъ начать Копѣцкій у Лобанова съ весны 1870 года, сосѣдамъ же онаго

¹⁾ Изъ книги сдѣловъ и догов. Великониколаевскаго волости. правленія.

земляного участка на одну душу от Копѣцкаго не отбирать вѣчно, такъ какъ душа собственная своя Лобанова. Все сіе вышеписанное съ обѣихъ сторонъ содержать свято и ненарушимо; въ чемъ и подписуемся. (На подлинномъ заручено):

Къ сему условію вхѣсто неграмотныхъ крестьянъ Петра Матвѣева Лобанова и Семена Васильева Копѣцкаго по личной ихъ просьбѣ крестьянинъ Иванъ Плюснинъ руку приложилъ. Далѣе слѣдуютъ подписи двухъ крестьянъ, находившихся при заключеніи условія, а потомъ членовъ волостнаго правленія и писаря ¹⁾.

14.

1868 года іюня 28-го дня. Я нижеподписавшаяся крестьянская дѣвица Виричевской волости, Пинежскаго уѣзда, Анна Иванова Кулешева условилась, съ согласія своего родителя, поступить въ супружество за крестьянина деревни Ивановской Чернышевской Василія Яковлева Филина, немедленно по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то есть не позже мая мѣсяца будущаго 1869 года; въ обезпеченіе точнаго выполненія сего условія со стороны жениха моего, я получила отъ него, на основаніи особаго сего числа заключеннаго мною съ женихомъ и родителями нашими съ обѣихъ сторонъ условія, денегъ 100 рублей, въ чемъ своеручно подписуюсь. Къ сей роспискѣ крестьянская дѣвица Анна Кулешева руку приложила.

15.

Се язь Іевъ Михайловъ сынъ Поповъ далъ есми дочери своей Настаси и зятю своему Минѣ Онуѣеву сыну наделѣа треть двора и дворища и треть всего своего владѣнѣа: горныхъ земель орамышъ, и за рекою земель орамышъ, и поменъ, и въ маломъ островкѣ, и въ Хакобаке, и въ (наворницахъ) Наворницахъ, и во всѣхъ угодіи въ своеѣ владѣни треть дочери моеи Настаси и зятю моему Минѣ, то имъ и вѣѣки. А у сеи данои грамотѣ сѣдѣли люди Феѣилать Лаврѣнтьевъ сынъ да Ермола Даниловъ сынъ да Омосъ Харлантьевъ, а писалъ Останѣ Онуѣевъ сынъ лѣта 7 тысячъ пятигонадесять (1507) ²⁾.

16.

Се язь Терентей Васильевъ сынъ Оилѣныхъ да язь Ульяна Насонова дочь, а Терентьева жена Васильева, Койдокурскія волости дали есми отпись Лаврѣнтію Харитопову сыну Озипову въ томъ: приставливали мы,

¹⁾ Изъ кн. сѣдѣл. и догов. Устьнадѣнскаго волостнаго правленія.

²⁾ Изъ архива Боголюбленской-Ухтостровской церкви.

Терентей да Ульяна его Лаврентья въ приданомъ, и мы, Терентей да Ульяна, то приданое у него Лаврентья по приставной памяти пушунъ и всё приданое свое взяли всё сполна, и впредь намъ Терентью да Ульяну до него Лаврентья въ томъ приданомъ дѣла нѣтъ и не отискивать никомы дѣлы, а въ снимки и въ оцѣнени въ томъ приданомъ отъ матери своей да отъ брата я Ульяна; да въ томъ мы Терентей да Ульяна въ приданомъ и отписъ дали; на то послухъ Иванъ Афонасьевъ сынъ Тарасова Куреской волости; отписъ нисалъ Куреской волости церковной дьячекъ Демидко Никитинъ лѣта 7168 (1655) году генваря въ 15 день.

На оборотѣ свитка надписъ:

Къ сей отписи вмѣсто Терентья и Ульянеи по ихъ велению Койдокурецъ Оомка Калининъ руку приложилъ ¹⁾.

Нельзя не остановиться на формѣ и содержаніи приведенныхъ договоровъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе разнообразіе и неопредѣленность названій этого рода актовъ; имъ придаются названія: записей дѣльныхъ, дѣловыхъ росписей, дѣловыхъ и въ приѣмъ приданого росписей, данныхъ (въ древнихъ актахъ), договорныхъ или сговорныхъ писемъ, или даже сговорныхъ завѣщательныхъ писемъ (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), или наконецъ просто подписокъ, росписокъ и условий (въ настоящее время), Обращаясь къ лицамъ, участвовавшимъ въ заключеніи приведенныхъ договоровъ, мы видимъ, что въ двухъ случаяхъ договоръ заключаютъ отецъ или мать неvěсты и ея бабка съ отцомъ жениха (№№ 9 и 13); въ двухъ случаяхъ отецъ и въ одномъ бабка неvěсты съ женихомъ (№№ 1, 2, 8); одинъ разъ свекоръ, выдающій свою сноху, съ зятемъ (№ 11), разъ мать и братья неvěсты съ неvěстой и ея мужемъ (№ 5), разъ же дядя и братья неvěсты съ неvěстой и ея мужемъ (№ 6), три раза между братьями неvěсты и сестрой неvěстой съ ея мужемъ (№№ 4, 7, 10) и только въ двухъ случаяхъ сами женихъ съ неvěстой (№№ 3 и 14). Въ крестьянскомъ быту, какъ извѣстно, вступленіе дѣтей въ супружество всегда почти происходитъ по волѣ родителей, и сговоръ о бракѣ и о приданомъ дѣлается между родителями той и другой стороны. Если же въ числѣ приведенныхъ выше брачныхъ договоровъ встрѣтилось только два, писанныхъ отъ имени родителей, то это объ-

¹⁾ Изъ архива Богоявленской-Ухтоостровской церкви.

ясняется тѣмъ, что такіе договоры заключаются чаще всего словесно, и устный договоръ между родителями вступающихъ въ бракъ считается достаточно крѣпкимъ; но если одинъ изъ брачующихся не имѣетъ родителей въ живыхъ, или ихъ обоихъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ. меньше вѣрятъ на слово и чаще, для прочности уговора, составляется письменный актъ. Отъ имени самой дѣвицы и ея жениха условія заключаются почти только тогда, когда у нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если мы имѣемъ одинъ случай, изъ котораго можно бы предполагать, что дѣти сами заключили брачный договоръ при жизни отцевъ, то это произошло вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Большею свободой въ заключеніи рядныхъ записей пользуются невѣсты, не имѣющія отца, при братьяхъ, дядяхъ и матери. Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ рядныя записи въ прежнее время принимали видъ раздѣльныхъ записей съ остающимися на лицо членами семьи мужескаго пола. По всей вѣроятности, въ старину выходъ замужъ сестры или племянницы часто служилъ поводомъ для раздѣловъ между членами семьи и невѣсты, при чемъ составляется раздѣльный актъ, изъ котораго дѣлалась выпись о приданомъ, даваемомъ выходящей замужъ. Эта выпись писалась по противнымъ, то есть, въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ оставлялся у членовъ прежней семьи невѣсты, а другой вручался невѣстѣ съ женихомъ. Дѣлалось это, какъ можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ самихъ сдѣлокъ, съ тою цѣлю, чтобы потомъ, когда вступившая въ замужество умереть бездѣтною, прежніе члены семьи умершей могли по выписи получить обратно отъ ея мужа приданое, выданное ими. Здѣсь именно мы видимъ настоящее основаніе и причину исконнаго обыкновенія, существовавшаго во всей Россіи, вѣроятно имѣвшаго мѣсто и на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, предъявлять жениху роспись приданого его невѣсты ¹⁾.

Мы говорили выше о неопредѣленности названій брачныхъ записей. Такой неопредѣленности въ названіяхъ соответствуетъ и

¹⁾ Сравни мнѣніе Н. В. Калачова въ матеріалахъ для археологическаго словаря (подъ словомъ рядная) помѣщенныхъ въ Древностяхъ Моск. Археолог. Общ. 1865 г. т. I, стр. 70.

неопредѣленность въ формѣ приведенныхъ договоровъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и сохранили формы, свойственныя записямъ прежняго времени другихъ мѣстностей Россіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ сличенія ихъ съ образцами рядныхъ записей, которые помѣщены въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей ¹⁾.

Даже по своему содержанію наши записи значительно разнятся между собою, теряя свой первоначальный существенный характеръ. По опредѣленію Н. В. Калачева ²⁾, рядныя или сговорныя записи, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли въ XVI и XVII столѣтіяхъ, суть условія объ имѣющемся быть бракѣ въ опредѣленное время, и существенные ихъ пункты состоятъ въ опредѣленіи срока, назначеннаго для свадьбы, неустойки или денежной пени, которую должна платить сторона, отступившая отъ условія, въ пользу обиженной, а также обозначеніе приданнаго. Между тѣмъ въ нашихъ рядныхъ записяхъ назначеніе срока для бракосочетанія и неустойки, въ случаѣ нарушенія договора, встрѣчается только однажды; слѣдовательно, составляетъ, можно сказать, обстоятельство совершенно побочное. Самое указаніе приданнаго, подлежащаго передачѣ, хотя соблюдается всѣми приведенными записями, но не одинаково. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается о платномъ приданомъ, и оно перечисляется обстоятельно, съ оцѣнкою каждой вещи; въ другихъ же говорится только о земельномъ надѣлѣ, слѣдуемомъ зятю, тогда какъ о платномъ приданомъ, которое шло съ дочерью, нѣтъ упомину, хотя и оно существовало. Последняго рода рядныя получаютъ значеніе собственно актовъ о передачѣ недвижимаго имущества.

Разсматривая наши записи со стороны проявленія въ нихъ народныхъ понятій о бракѣ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ этомъ отношеніи вполне гармонируютъ съ разъясненными раньше взглядомъ крестьянъ на бракъ, какъ на простую хозяйственную сдѣлку.

Дѣйствительно, брачный союзъ обращается здѣсь въ сдѣлку, и

¹⁾ Акты Юрид., стр. 418—423.

²⁾ Древности 1865 г., т. I, стр. 69.

притомъ—съ безнравственнымъ и незаконнымъ характеромъ, потому что въ ней женихъ и невѣста часто являются не дѣйствующими лицами, а предметами, играющими совершенно пассивную роль, въ особенности послѣдняя: не между ними заключается договоръ, но между ихъ родителями или даже между свойственниками невѣсты и женихомъ. Самое слово *сговорилъ*, уцѣлѣвшее до настоящаго времени въ записяхъ, очень мѣтко выражаетъ грубую мысль о совершенной пассивности женщины, а часто и мужчины-жениха. Еслибъ это слово опредѣляло только отношенія родителей къ дѣтямъ, то оно находило бы себѣ нѣкоторое оправданіе во взглядѣ родителей на дѣтей, какъ на ихъ собственность: они произвели ихъ на свѣтъ, вскормили, и слѣдовательно, по своимъ грубымъ понятіямъ, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться ихъ судьбою. Но существованіе такихъ же отношеній, выражаемыхъ словомъ *сговорилъ*, между свекромъ и невѣсткой (см. договоръ № 11), не можетъ найти себѣ объясненія въ первобытномъ природномъ взглядѣ на дѣтей, какъ на собственность. Здѣсь выражается вообще жалкое положеніе женщины въ семьѣ, даже въ семьѣ своего мужа, гдѣ она, если лишится послѣдняго, теряетъ всякія права и становится часто ненужною вещью, которую стараются передать въ другія руки. Точно въ такихъ же отношеніяхъ находились невѣстки и въ старину, какъ можно судить по полному сходству условія, помѣщеннаго нами подъ № 11, съ напечатаннымъ въ Актахъ Юридическихъ на стр. 423. Такимъ образомъ, отсюда можно прійти въ сомнѣніе о томъ, сдѣланъ ли до настоящаго времени замѣтный шагъ въ развитіи семейныхъ отношеній въ крестьянствѣ. Только вліяніе столицы, какъ мы уже разъ замѣтили, дѣйствуетъ здѣсь нѣсколько смягчающимъ образомъ.

Еще большая пассивность женщины выражается въ словахъ отца невѣсты, въ томъ условіи его съ своимъ будущимъ сватомъ, что онъ, выдавая дочь замужъ, даетъ *въ придачу* къ ней земельной участокъ. Читая эти выраженія (см. договоръ подъ № 13), невольно спросишь себя, не вещь ли въ самомъ дѣлѣ тутъ женщина, къ которой дается въ придачу другая вещь? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса, по видимому, имѣетъ противъ себя тѣ факты, что нѣкоторые изъ приведенныхъ выше брачныхъ условій заключены

съ самими невѣстами. Но если изъ трехъ помѣщенныхъ подобнаго рода записей, относящихся къ нашему времени (№№ 3, 12, 14), можно заключить, что невѣсты распоряжаются собою какъ лица самостоятельныя, то это потому только, что въ двухъ случаяхъ права ихъ возстановлены силою судебной власти, а въ третьемъ случаѣ сила родительской власти замаскирована приличною формою сдѣлки. Самый договоръ невѣсты, крестьянской дѣвицы Парасковьи Кароткихъ, съ женихомъ, крестьяниномъ Степаномъ Блиновымъ (№ 3), свидѣлствуетъ, что невѣста была одинокая, и по рѣшенію Холмогорскаго уѣзднаго суда за нею признано право на самостоятельное владѣніе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ своего отца и братьевъ. Крестьянская вдова Марфа Едемская заключила прямо отъ себя условіе (№ 12) со своимъ свекромъ Иваномъ Едемскимъ на счетъ выхода въ замужество за крестьянина Трофимова и на счетъ выдачи ей имущества, потому что, по рѣшенію Великониколаевского волостнаго суда 22-го декабря 1868 года, крестьянинъ Иванъ Едемскій былъ обязанъ „не стѣснять ни лично, ни въ отношеніи имущества своей снохи и не препятствовать ей принять на свою часть имущества животника“. Для уясненія обстоятельствъ третьяго договора, заключеннаго крестьянскою дѣвицей Биричевской волости Анной Кулешевой съ женихомъ Васильемъ Филинымъ (№ 14), сообщаемъ свѣдѣнія, полученныя нами отъ писаря Биричевскаго волостнаго правленія Хромцова, на счетъ этой сдѣлки. „Подписка Анны Кулешевой“, пишетъ онъ, „съ крестьяниномъ Филинымъ учинена на основаніи *особаго со стороны родителей того и другой условія*, которое въ волостномъ правленіи не явлено, и въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что если съ которой либо стороны послѣдуетъ неустойка, то тотъ долженъ заплатить, сверхъ 100 руб., еще 300. Подписку эту явилъ самъ Филинъ, и она была писана отцомъ Кулешевой своеручно, почему при извѣстности руки того и другого и внесена въ книгу правленія. Между тѣмъ, бракъ Кулешевой съ Филинымъ не состоялся, и она вышла за другого; отецъ же ея не платитъ не только неустойки 300 руб., но и задатка 100. Вслѣдствіе этого между отцами той и другой стороны возникло судебное дѣло, и Кулешевъ привлекаетъ меня къ отвѣту, самъ хлопочетъ по сему дѣлу и признаетъ себя виновнымъ въ полу-

ченія 100 руб. Кулешевъ привлекаетъ меня за записку подписки въ книгу сдѣлокъ и договоровъ безъ личности его дочери; я же, со своей стороны, имѣю оправданіе въ томъ, что руки Кулешева и его дочери довольно знаю, а потому и записалъ подписку въ книгу. Причиной же заключенія брачнаго условія и подписки послужила зажиточность Филина“. Все это мы приводимъ для того, чтобы показать, что часто и подъ приличною формою записи скрывается грубое проявленіе отеческой власти.

И у крестьянъ, какъ въ другихъ сословіяхъ, бываетъ, что родители неvěсты и вообще выдающіе ее замужъ обманываютъ своихъ будущихъ зятѣвъ на счетъ приданого: посулятъ много, а даютъ мало. Это выражено и въ поговоркахъ: *у тестя въ рукахъ не придано; на зятю не стно* (можетъ погнѣть), *въ дому не деньги, а у тестя не придано*; или *болты неvěсты да до вѣнца*, также *безприданница-безобманница; что есть то и есть*. Но этому жѣнху стараются, чтобы приданое заблаговременно попало въ ихъ домъ. Этимъ, конечно, надобно объяснить обычай, по которому, проводивъ неvěсту къ вѣнцу, родители ея въ то же время отправляютъ ближнюю родственницу свою, *запостельную сватью*, съ постелью и платнымъ приданнымъ неvěсты въ домъ жениха. Тамъ сватья передаетъ приданое родителямъ неvěсты, за что и получаетъ визанку калачей или платокъ, или даже платье, смотря по состоянію послѣднихъ. Но въ Холмогорскомъ уѣздѣ сватья не садится на приданое, какъ это бываетъ въ Пинежскомъ (см. мой Сборникъ юрид. обыч. Арханг. губ., кн. I, стр. 39). Впрочемъ и здѣсь, послѣ вѣнца, сватья приглашается родныхъ жениха осмотрѣть у молодой приданое: „Сундуки у молодой не порозны“, говоритъ она, „смотри!“ Родственники дѣйствительно осматриваютъ сундуки, которые бываютъ открыты. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, именно въ с. Хаврогорахъ, женихи посредственнаго состоянія приданое неvěсты, кромѣ платья, приготовленнаго для неvěсты, увозятъ домой вскорѣ послѣ высватанья, для того, чтобы не обманули ихъ не отказали въ приданомъ. Деньги и ряженое количество хлѣба въ Хаврогорахъ отдають напередъ, до заключеннаго брака; смотъ—корову или быка, уводятъ также до брака.

Во время сватовства не рѣдко можно услышать поговорку со

стороны родных невѣсты: не спорите о приданомъ, послѣ прибавимъ. Инне и дѣйствительно прибавляютъ послѣ; на примѣръ, красенную збрую, серпъ, грабли, санки и проч. везутъ уже черезъ недѣлю послѣ вѣнца. Такъ бываетъ близъ Холмогоръ; въ Кевролѣ же, Иннежскаго уѣзда, и въ другихъ мѣстахъ остальное приданое привозятъ въ домъ жениха по окончаніи хлѣбинъ¹⁾. Около Холмогоръ, осторожный тестъ вдругъ не даетъ всего платного, чтобы воловьи не износили, а послѣ дополняетъ каждый годъ; въ особенности если дочь одна, не даютъ ей обноситься. Инне отцы, въ случаѣ крайней необходимости и просьбы зятевъ, помогаютъ также сѣномъ, зерновымъ хлѣбомъ на сѣмена и проч. Но бываетъ и такъ, какъ мы сказали, что родители невѣсты обманываютъ своихъ зятевъ на счетъ приданого, въ особенности на счетъ надѣлка. Это часто влечетъ за собою непріятности для молодыхъ женъ со стороны новой семьи и вызываетъ процессы изъ-за приданого въ волостныхъ судахъ между зятемъ и родными невѣсты — отцомъ, братомъ и т. д. Приводимъ два рѣшенія волостныхъ судовъ, касающіяся этого предмета.

1.

1868 года 7-го октября, сельскій староста Груздовскаго общества отъ 18-го минувшаго сентября за № 213 донесъ Великоокнолаевскому правленію, Шенкурскаго уѣзда, что 16-го числа того сентября крестьянская жена вѣдомства его, деревни Гребеневской, Александра Петрова Шишкина объявила ему, что мужъ ея крестьянинъ Прокопій Антоновъ Шишкинъ и свекровь Анисья Васильева Шишкина выгонила ее изъ дому, не даютъ ей ѣсть и отказали вовсе отъ всѣхъ работъ, также и отъ дому. По востребованіи имъ, старостой, въ 18-е число вышесказанныхъ Прокопья и Анисьи Шишкиныхъ, тѣ объяснили, что они жены Прокопья Александры изъ дому вовсе не гонили, а также въ хлѣбѣ и въ прочемъ ей не отказывали, только присовокупили, что при женитьбѣ Прокопія на Александрѣ были приговорены въ приданое часть денегъ и жеребецъ, которыхъ они не получили, а потому теперь, какъ она ушла,

¹⁾ Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., № 28.

то и впустить ее въ свой домъ не согласны, до тѣхъ поръ, пока не получатъ ряженного въ приданое.

Вслѣдствіе этого имъ, старостой, были вытребованы отецъ Александры Шишкиной крестьянинъ Петръ Ивановъ и мать Марья Садофіевы, которые при спросѣ старосты сказали, что деньги, которыя были ряжены ими, Шишкинымъ переданы вполнѣ, и обработать земляной участокъ Петръ Садофіевъ не отказывается, а жеребца отдать вовсе не было говорено, почему и отдать его не согласны. Но вдова Анисья Шишкина, при переговорѣ съ Марьей Садофіевой, обругала послѣднюю всяческими дураческими словами, укоряла блядью и наплевала ей въ лицо; почему староста просить сдѣлать между Шишкиными и Садофіевыми должное разбирательство.

Вызванные на 7-е число сего октября въ волостной судъ, крестьянинъ Прокопій Шишкинъ и мать его, вдова Анисья, объяснила, что они первому жены, а послѣдней невѣстки Александры Петровой изъ дому не выгоняли, ѣсть же ей не воспрещали и ни въ чемъ не отказывали и не стѣсняли; что говоренныя въ приданое деньги ими съ Садофіева получены сполна; что жеребецъ, имѣемый Садофіевымъ, былъ говоренъ въ приданое, но не полученъ до настоящаго времени; Садофіевъ обязался обработать земляной участокъ у Шишкина конскою силою по два года, а въ настоящее лѣто обработывалъ его участокъ крестьянинъ Андрей Рожинъ за цѣну 10 рублей, которые просятъ взыскать съ Садофіева и понудить его къ обработкѣ землянаго участка въ будущемъ году; и что Шишкины согласны нынѣ же взять къ себѣ въ домъ первому жену, а послѣдней невѣстку Александру Петрову.

Крестьянинъ Петръ Садофіевъ, явившись въ волостной судъ, объяснилъ, что жеребецъ въ приданое Шишкину имъ обѣщанъ не былъ, почему и отдать такового не согласенъ; ряжены же Шишкинымъ за обработку землянаго участка въ семь году деньги 10 рублей обязался уплатить, въ нынѣшнемъ 1868 году 5 рублей и въ будущемъ 1869 году остальные 5 рублей, и обязался въ лѣто будущаго 1869 года обработать конскою силою земляной Шишкина участокъ. Жена же Садофіева, Марья, заявила, что въ нанесенныхъ ей оскорбленіяхъ вдовой Анисьей Шишкиной она прощаетъ, и ищетъ

свой за обиду оставляетъ; а жена Прокопья Шишкина, Александра показала, что она изъ дому своего выгонена мужемъ и свекровью и возвратиться къ нимъ не согласна изъ опасеній обидъ и стѣсненій, по случаю не отдачи отцомъ ея Петромъ обѣщаннаго въ надѣлокъ съ нею жеребца.

Спрошенные по сему дѣлу волостными судьями нижеозначенные крестьяне письменными показаніями показали: 1) Василій Никифоровъ Шишкинъ 30-го минувшаго сентября показалъ, что былъ онъ посланъ отъ Прокопья Шишкина сватовщикомъ къ Петру Садофьеву, для высватанія за Прокопья въ замужество дочери Садофьева Александру, на что Садофьевъ согласился и обѣщалъ въ приданое деньгами 7 рублей и жеребца селѣтка, съ тѣмъ чтобы кормить онаго до 1-го октября сего года и обработать Садофьеву земляной Шишкина участокъ; и 2) Михайло Захаровъ Бобровъ и Иванъ Михѣевъ Шишкинъ показали, что при женитьбѣ Прокопья Шишкина у Петра Садофьева, послѣдній дѣйствительно обѣщалъ Шишкину въ приданое имѣемаго жеребца, обязывался заплатить Шишкину за обработку крестьяниномъ Рожинымъ земельного участка и вспахать конскою силою земляной Шишкина участокъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, признавая, что крестьянинъ Петръ Садофьевъ дѣйствительно обѣщалъ въ приданое Прокопью Шишкину жеребца, опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Петра Садофьева жеребца и предоставить онаго въ пользу зятя его Прокопья Шишкина, взыскать съ Садофьева деньги 10 руб., въ назначенное время, коими также удовлетворить Прокопья Шишкина, понудить Садофьева къ обработкѣ въ будущее лѣто земельного участка конскою силою; а крестьянскую жену Александру Шишкину водворить нынѣ же въ домъ мужа ея Прокопья Шишкина, съ тѣмъ чтобы она была въ повиновеніи мужа и свекрови своихъ, которые, съ своей стороны, ни въ чемъ бы ея не стѣсняли и не изобижали.

2.

1868 года марта 6-го крестьянинъ Устьсѣмскаго сельскаго общества деревни Зиновьевской, Григорій Ильинъ Леонтьевъ подалъ прошеніе въ Предтеченскій волостной судъ Шенкурскаго

уѣзда, въ томъ, что по женибѣ его на дочери крестьянской вдовы, нынѣ уже умершей, того же общества, Анны Тепляковой Кириакіи, братъ ея Ѳеодоръ Васильевъ Тепляковъ предоставлялъ въ приданое со своею сестрой долги покойной своей матери Анны Тепляковой получить съ крестьянъ, а именно: Петра Корнилова 14 р., Луки Хаванова 8 р. и Якова Хаванова 4 р., а всего 26 р., почему и просилъ взыскать таковые и удовлетворить его Леонтьева.

Предтеченскій волостной судъ входилъ въ разбирательство сего дѣла, по которому оказалось, что истецъ утверждаетъ, будто бы тѣ долги поручены ему при женибѣ на дочери покойной вдовы, Анны Тепляковой Кириакіи, братомъ ея Ѳеодоромъ Тепляковымъ по завѣщанію его матери, а Ѳеодоръ Тепляковъ показалъ, что Леонтьевъ взялъ сестру его въ замужество не при живности, а послѣ смерти матери его Анны, и Кириакія выдана имъ Ѳеодоромъ съ вознагражденіемъ поступившихъ съ нею денегъ болѣе 100 р., коровы и разнаго имущества на 25 р., и того на 125 р.; долговъ же, состоящихъ за разными крестьянами, какъ обозначено въ прошеніи Леонтьева, никогда не отсуливалъ, а изъ оныхъ вознаградилъ также выданную въ замужество невѣстку свою Гликерью Котову съ малолѣтнею ея дочерью; но по убѣжденію суда, они добровольно между собою согласились: Леонтьеву получать должныя деньги 4 р. съ крестьянина Якова Хаванова въ теченіи четырехъ лѣтъ, а ему Теплякову въ таковыя не вступаться, и затѣмъ болѣе однимъ съ другого ничего не требовать; въ чемъ учинили подписку, которая приложена къ бумагамъ суда, а копія съ оной выдана на руки просителю Леонтьеву. А потому волостной судъ опредѣлилъ: дѣло сіе считать рѣшеннымъ.

Бываетъ и такъ, что сами зятя присвояютъ себѣ, подъ видомъ приданого, такіе предметы, которые имъ не принадлежатъ, или которые даны имъ для кратковременнаго пользованія. Это также даетъ поводъ къ процессамъ въ волостныхъ судахъ. Такъ, недавно одинъ тестъ въ селеніи Матигорахъ, Кушевской волости, близъ Холмогоръ, далъ на годъ зятю корову. Зять, по прошествіи года, не захотѣлъ возвратить коровы и сталъ утверждать, что корова дана въ приданое за женой навсегда. Дѣло пошло въ во-

лостной судъ, который потребовалъ жениховыхъ сватей, дѣлавшихъ условіе о приданомъ. Сваты сказали, что не было никакого условія о коровѣ, и зятя заставили возвратить корову. Тогда онъ захватилъ у тещи, которая пришла къ нему въ гости, пальто, принадлежавшее снохѣ. Когда его снова потребовали въ судъ, онъ сталъ утверждать, что пальто теща оставила ему сама, въ замѣнъ обѣщанной, но отнятой назадъ коровы. Снова спросили сватей, и когда тѣ подтвердили свое прежнее показаніе, то его заставили возвратить пальто. Теперь вызываютъ тещу за полученіемъ пальто.

Приводимъ еще рѣшеніе одного волостнаго суда о вступательствѣ въ приданое, принадлежащее крестьянской женѣ, ея родной сестры, вдовы.

3.

1867 года марта 16-го крестьянская вдова Шенкурскаго уѣзда Предтеченскаго общества Фадѣевского села Анна Степанова Тетеревлева словесно объявила Предтеченскому волостному суду, что родная сестра ея, крестьянская жена села Чувешскаго Марья Степанова Тетеревлева, не отдаетъ ей Аннѣ заведенныхъ покойнымъ отцомъ ея разныхъ вещей, а именно: сарафанъ парчевой, сборникъ зашивной, шуба гарусная, серьги серебрянныя, сарафанъ ситцевой, двѣ женскихъ рубахи, серебрянный крестъ и мѣдными деньгами 1 руб. асс., почему проситъ вытребовать изъ означенныхъ вещей половину, слѣдующую на ея часть.

Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое вдову Анну и женку Марью Тетеревлевыхъ, входилъ между ними въ разбирательство, по коему оказалось, что вышепомянутыя вещи покойными родителями были отданы въ приданое за младшею сестрою Марьею, и вдова Анна о томъ до настоящаго времени не просила п доказательства на свой искъ никакого не представила. А потому волостной судъ опредѣлялъ: въ искъ крестьянской вдовѣ Анны Тетеревлевой, какъ бездоказательно, отказать, предоставляя право обратиться съ искомъ въ подлежащее судебное мѣсто съ ясными доказательствами, каковое рѣшеніе объявить истецѣ и отвѣтчицѣ сего жъ числа, и затѣмъ дѣло сіе въ волостномъ судѣ считать рѣшеннымъ.

Бываютъ и такіе случаи, что лица, давшія приданое за невѣстой, заявляютъ потомъ требованіе о выдачѣ обратно приданого и даже обращаются къ суду. Я зналъ одного старика, крестьянина Товренской волости, Кушевскаго сельскаго общества, Михайла Ѳеодоровича Толмачева, любителя тягаться по судамъ, который завелъ тяжбу съ своимъ зятемъ о приданомъ, данномъ съ внучкой. 26-го января 1851 года Толмачевъ подалъ Холмогорскому земскому исправнику прошеніе, въ которомъ писалъ: „Въ 1848 году отданы мною внучкѣ моей, а нынѣ уже крестьянской женѣ Буяновскаго общества Иринѣ Яковлевой Леонтьевыхъ, серьги и перла жемчужные и кисейный шейный шарфъ, а въ прошломъ 1850 году отданъ же мною означенной внучкѣ—сѣздить къ вѣнцу, парчевой шугай, съ обложенною около воротника бахромою, съ таковымъ, при отдачѣ этихъ вещей, условіемъ, что по выходѣ ея въ замужество получить мнѣ таковыя вещи обратно; но по неоднократнымъ моимъ требованіямъ вышеозначенныхъ вещей и по сіе время отъ внучки моей Ирины Леонтьевыхъ получить не могу. А потому осмѣливаюсь прибѣгнуть къ стопамъ особы вашего высокоблагородія, всепокорнѣйше и слезно прошу отданныя мною внучкѣ моей вещи обратно съ нея взыскать и вручить мнѣ“. Противъ этого прошенія крестьянинъ Полуэктъ Леонтьевъ и жена его Ирина подали въ земскій судъ объясненіе: „Симъ имѣемъ объяснить: Первый—дѣйствительно, я въ 1850 году взялъ въ замужество внучку крестьянина Толмачева, и хотя при сватовствѣ въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней моей тещи, не былъ, но отъ отца своего крестьянина Петра Леонтьева, какъ сватовавшаго за меня внучку Толмачева, слышалъ, что платье съ невѣстой все будетъ въ приданое материнское, да и сверхъ того, дѣдъ крестьянинъ Михайло Толмачевъ, какъ объяснилъ мой отецъ, говорилъ, что бабка, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами, шарфомъ и бывшимъ на сбереженіи у ней материнскимъ парчевымъ шугаемъ не на временное подержаніе, какъ объясняетъ крестьянинъ Толмачевъ, а какъ приданы, и слѣдовательно, во всегдашнее жены моей владѣніе и распоряженіе онымъ; болѣе же ничего отъ отца въ то время не слышалъ и, согласясь на означенныя выше приданы, изъявилъ согласіе взять въ замужество

внучку крестьянина Михайла Толмачева, нынѣшнюю мою жену. Вторая—имѣю честь пояснить, что жемчужныхъ перлъ у меня вовсе не бывало, а разсыпаны они бабушкой, женой дѣда крестьянина Толмачева; сергами же она, еще при жизни своей, съ согласія дѣдушки, меня благословила и оставила въ поминаловіе души ея, во исполненіе какового завѣщанія я поминала на свой счетъ, нанимая шестинедѣльную псалтирь, и подавала денежную милостыню. Что же касается до шугая и кисейнаго шарфа, то оныя завожены отцомъ моимъ и несены имъ матери моей, при выходѣ ея въ замужество, такъ сказать, *на бѣгъ*, и только бабушка, жена дѣда Толмачева, ихъ берегла и по выходѣ моемъ въ замужество также несла мнѣ *принесомъ*, и уже во всегдашнее мое владѣніе, по прямому смыслу словъ: „дареное назадъ не берется“; а потому вещей тѣхъ, какъ своей собственности, дѣду своему крестьянину Толмачеву отдать не согласна. При чемъ присовокупляю, что дѣдъ нашъ Михайло Толмачевъ изъясненныхъ въ прошеніи вещей отъ насъ до сего времени никогда не требовалъ и не надпоминалъ о возвращеніи ихъ къ нему, какъ онъ пишетъ въ прошеніи, поданномъ въ земскій судъ, а если бы и въ собственномъ смыслѣ вышеозначенныя вещи даны были послѣдней изъ насъ на поддержаніе, то дѣдъ могъ бы и ранѣе сего требовать ихъ словесно и письменно чрезъ начальство; пропустивъ столь долгое время безъ требованій, онъ симъ выражаетъ, что желаетъ ничего болѣе, какъ отнять чужую собственность, беззаконно начальство“. 18-го февраля 1852 года, противъ вторичной просьбы крестьянина Толмачева объ отобраніи отъ внучки его и мужа послѣдней указанныхъ выше вещей, а также объ истребованіи отъ нихъ документовъ, по коимъ они имѣли бы право владѣть тѣми вещами, именно завѣщанія жены его и приданой записи, отецъ жениха Петръ Леонтьевъ письменно заявилъ: 1-е) въ 1850 году дѣйствительно я сваталъ у крестьянина Верхне-Матюгорскаго селенія Михайла Толмачева внучку Ирину Яковлеву за сына своего Полуэкта въ замужество, и находясь въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней тещи сына моего, по этому случаю, вырядилъ при сговорѣ въ приданое нѣкоторыя изъ ея собственныхъ вещей, да и крестьянинъ Толмачевъ на сговорѣ говорилъ, что

бабка невесты, жена его, оставляет и благословляет внуку жемчужными сергами и бывшими на сбережении у ней материнскимъ внушки парчевымъ шугаемъ и шарфомъ не на временное подержаніе, а въ приданое, и слѣдовательно, во всегдашнее владѣніе оными съ сыномъ моимъ Полуэктомъ жены его, внушки Толмачева. Это происходило при находившейся тутъ же на сговорѣ сватѣхъ крестьянской женѣ Курейскаго селенія Татьянѣ Скомороховой. По этому я и позволилъ сыну моему Полуэку взять въ супружество внушку Толмачева. 2-е) крестьянинъ Толмачевъ при сватовствѣ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ, по крестьянству сказать, *житье смотреть*, и ежели понравится житье, угвориться о платѣхъ, какое будетъ съ невестой, и о дарахъ, и по переговорѣ изъяснилъ согласіе на отдачу внушки въ замужество за сына моего и объявилъ, что бабка, его жена, награждаетъ внуку сергами жемчужными и отцовскимъ невесты парчевымъ шугаемъ, несеннымъ матери ея, то есть, внушки Ирины Яковлевой, при выходѣ въ замужество, сыномъ Толмачева Яковомъ, такъ сказать, на бѣлила, а также и шарфомъ кисейнымъ, во всегдашнее независимое ни отъ кого распоряженіе тѣми вещами внушки Ирины Яковлевой, настоящей моей невестки; при чемъ вырядилъ у меня крестьянинъ Толмачевъ въ помощь свадьбы 135 руб. асс., а на серебро 38 руб. 57 коп., и по обоюдномъ согласіи, помолились Богу, и я отдалъ въряженное Толмачевымъ на свадебный случай означенное количество денегъ невесткѣ его Парасковѣ Толмачевой, нынѣшней тещи моего сына, а Толмачевъ далъ честное слово отдать со внучкой обѣщанныя изъясненныя вещи въ приданое. 3-е) хотя крестьянинъ Толмачевъ и проситъ истребовать отъ сына моего и внушки приданую вещамъ запись, но таковой дѣйствительно у насъ нѣтъ, да и никогда въ здѣшнемъ уѣздѣ при крестьянскихъ свадьбахъ таковыхъ не бывало, и вовсе объ этомъ нѣкто не знаетъ, а по обыкновенію дѣлается всегда на совѣсть и честное слово; на каковомъ основаніи и я, давая невестѣ Толмачева деньги 135 руб. асс., не взялъ отъ нея и Толмачева никакого документа, и деньги по сіе время находятся за нимъ. Что же касается до духовнаго завѣщанія бабки моей невестки, жены Толмачева, то оно не было нужды, по моему мнѣнію, составлять, потому что жена Тол-

мачева, еще за долгое время до смерти, будучи здоровою, жемчужными серьгами невестку мою, жену моего сына, благословила во всегдашнее владѣніе и послѣ смерти ея на поминъ ся души; а кисейный шарфъ и шугай несены бабкою внучкѣ приносомъ, какъ у насъ по обыкновенію водится, и всегда въ подарокъ, назадъ же ничего изъ несеннаго на бѣлила, кѣмъ бы то ни было, не берется. И наконецъ, что Толмачевымъ прописанныя въ прошеніи вещи отданы въ приданое, а не на поддержаніе, въ этомъ можно удостовѣриться и отъ матери нынѣшней моей невестки и отъ сваты Татьяны Скомороховой, находившейся при стговорѣ нашемъ съ Михайломъ Толмачевымъ. А потому покорнѣйше прошу земскій судъ войти въ разсмотрѣніе вышеизъясненнаго, не отбирая, по просьбѣ Толмачева, какъ несправедливо ищущаго, принадлежащей невесткѣ моей, слѣдовательно, и сыну моему, ихъ собственности, тѣмъ болѣе, что я въ замѣнъ приданныхъ вещей далъ собственныя деньги, какъ выше объяснено на свадебный случай, 135 руб. асс.¹⁾ Такъ какъ свидѣтели не подтвердили справедливости просьбы Толмачева, то въ искѣ его было отказано судомъ ¹⁾.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, платное приданое составляетъ полную собственность жены, до котораго никто не вправѣ касаться. На счетъ денежнаго приданнаго въ разныхъ мѣстностяхъ, а иногда и въ одной и той же мѣстности, существуютъ различныя обычаи; такъ, по однимъ обычаямъ, этого рода приданое, какъ и платное, принадлежитъ только женѣ, а по другимъ, входитъ въ общее имущество мужа и жены, при чемъ оно болѣе зависитъ отъ мужа, нежели отъ жены. Въ селѣ Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, по словамъ мѣстнаго священника, существуетъ такое правило, что если какія-либо деньги (рублей 10—30) у жены пришли въ приданое, то онѣ ей и принадлежать во всю жизнь, а не мужу; она ими ссужаетъ, во время нужды, мужа, сосѣдей и пр. Въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда мужъ можетъ пользоваться деньгами только съ согласія жены, напримѣръ, можетъ пускать ихъ въ оборотъ. Здѣсь же, близъ Холмогоръ, деньги жены менѣе ограждены обычаемъ отъ произвола мужа, нежели платное

¹⁾ Изъ бумагъ покойнаго крестьянина М. Толмачева.

приданое; если мужъ издержитъ деньги жены, то назадъ не отдаетъ. Остальное приданое, напимѣръ, рогатый скотъ, лошади и пр., входятъ въ составъ общаго имущества мужа и жены, право распоряженія которымъ принадлежитъ болѣе мужу, какъ главѣ семьи. По словамъ крестьянъ, жена не можетъ распоряжаться скотомъ; безъ мужа она не можетъ продать скотины, пришедшей съ нею въ приданое. На вопросъ: почему жена не можетъ распорядиться съ коровой по своему усмотрѣнiю, а мужъ имѣетъ на это право, одна дѣвушка отвѣчала: „Мужъ, вѣдь, можетъ спросить жену: „на чей душѣ сѣно-то родилось?“ Вообще, въ значительномъ числѣ случаевъ отчужденіе скота совершается съ согласія жены, при чемъ мужъ считаетъ долгомъ завести женѣ какую-либо обновку. Для отдачи приданаго въ залогъ, въ особенности платнаго, мужъ долженъ тоже испросить согласіе жены; напимѣръ, въ случаѣ крайнихъ недостатковъ и нужды, мужъ обращается ласково къ женѣ, чтобы та дала вещи подѣ закладъ, уговаривая ее: „сѣно продадимъ или что друго и выкупимъ“, и жена удовлетворяетъ просьбу мужа. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, строгій и пьяный мужъ растрчиваетъ и пропиваетъ приданое жены, придерживаясь поговорки: *жена моя и все мое*. Это, разумѣется, не одобряется порядочными людьми изъ крестьянъ; и въ такихъ случаяхъ жены нерѣдко обращаются съ жалобами въ волостные суды, и возникаютъ дѣла. Подобныхъ дѣлъ бываетъ не мало. Ниже сего приводимъ нѣсколько такихъ дѣлъ, а здѣсь сдѣлаемъ указаніе на то, на сколько изложенные обычаи, на счетъ распоряженія приданнымъ при жизни жены, соответствуютъ тѣмъ обычаямъ, которые могутъ быть выведены изъ помѣщенныхъ уже брачныхъ записей и рѣшеній волостныхъ судовъ и изъ рѣшеній судовъ, которыя будутъ помѣщены ниже.

Платное приданое во всѣхъ рѣшеніяхъ безспорно признается неприкосновенною собственностью жены; оно, по выраженію одной истицы, „не должно поступать въ общее хозяйство безъ ея (то-есть, жены) на то согласія, а особливо украдкой“, такъ что мужъ, заложившій нѣкоторые вещи жены, обязывается судомъ выкупить ихъ и возратить женѣ. Но мужская одежда иногда дается зятю въ полное его распоряженіе. Что касается до денежнаго прида-

наго, то по одному рѣшенію, оно признается собственностью жены, такъ что мужъ, разстраивающій свое хозяйство и растрачивающій имущество жены, подвергается тѣлесному наказанію; въ другомъ же случаѣ, деньги передаются отцомъ зятю и его матери, а не своей дочери; въ третьемъ, мужъ прямо заявляетъ, что деньги даны ему въ надѣлокъ безвозвратно; то же самое заявляетъ онъ на счетъ озадка двора, а другой—на счетъ овецъ. Еще представляется случай, гдѣ зять самъ требуетъ отъ тестя жеребца, обѣщаннаго ему въ надѣлокъ. Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ, лошадь дается зятю на заведеніе платья женѣ, такъ что когда двоюродный братъ жены, послѣ ея смерти и смерти мужа, потребовалъ лошадь отъ отца мужа, то долженъ былъ заплатить за возвращенную ему лошадь деньги. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи существуетъ обычай, по которому надѣлокъ не только поступаетъ въ распоряженіе мужа, но и дѣлается его собственностью. Что касается земли, то она нынѣ, кажется, всегда переходитъ въ собственность зятя, а иногда даже и его отца.

4.

1868 года 13-го января. Крестьянская жена Аваносовскаго сельскаго общества Александра Филипова Попова подала 7-го декабря 1867 года въ Великониколаевское волостное правленіе, Шенкурскаго уѣзда, прошеніе, въ коемъ изъяснила, что въ февралѣ мѣсяцѣ минувшаго 1867 года, вышедъ она въ замужество за крестьянина Аваносовскаго общества Петра Андреева Попова, и помянутый мужъ ея Петръ Поповъ изъ принесеннаго ею въ приданое имѣнія продалъ 5 овецъ, стоящихъ 10 руб., овчинный тулупъ 6 руб., гарусную женскую шубу 2 р. 50 коп., шелковую шаль 3 рубля, серьги 40 коп., скатерть 75 коп., тонкаго холста 33 аршина по 10 коп. на 3 руб. 30 коп., французской платокъ 60 коп., конецъ тонкаго холста 28 арш. по 10 коп. на 2 руб. 80 коп. и житной муки 1 пудъ 1 руб. 20 коп., а всего на сумму 30 руб. 55 коп. серебромъ. Всѣ вышеозначенныя вещи, онъ, Петръ, украдкою отъ ея, Александры, заложилъ крестьянамъ: Антипѣ Задорину, Михайлу Задорину въ деревнѣ Починкѣ, а скатерть Ивану Филипову на Те-

ремцѣ; не знаетъ навѣрно, куда онъ, Петръ, употребилъ взятія за оные деньги, на поддержаніе ли своего съ матерью, тремя братьями и тремя сестрами, семейства, или на пьянство, и ея приданое имущество не должно поступать въ общее хозяйство, безъ ея на то согласія, а особенно украдкой, хотя онъ, Петръ и законный мужъ; а въ случаѣ требованія ея таковыхъ, то мужъ ея Петръ наноситъ ей побои, и сверхъ сего, съ праздника Михаила Архангела выгналъ ее изъ дому, говоря, что нѣтъ тебѣ ни хлѣба, ни дѣла,—почему проситъ сдѣлать надлежащее по сему дѣлу разбирательство.

Вызванный на 13-е число сего января въ волостной судъ, крестьянинъ Петръ Поповъ объяснилъ, что онъ изъ вышепрписанныхъ вещей заложилъ только овчинный тулупъ крестьянину Антипѣ Задорину въ 4 руб., женскую шубу и тонкаго холста 23 аршина крестьянину Михайлу Задорину въ Починкѣ въ 2 руб. 90 копѣйкахъ, съ согласія на то жены его Александры Поповой, и деньги употребилъ на необходимыя въ хозяйствѣ потребности, какъ то: на уплату податей и проч., что шелковая шаль находится у родной сестры его, овцы же и житной муки 1 пудъ даны ему въ приданое безвозвратно; что прочихъ вещей, какъ то: серегъ, скатерти, французскаго платка и конца тонкаго холста 28 арш. онъ нигде не продавалъ, не закладывалъ и были ли женою таковыя принесены онъ не знаетъ; что обидѣ женѣ своей Александрѣ никогда и никакихъ не наносилъ и изъ дому ея никогда не выгнывалъ.

Спрошенные по сему дѣлу сосѣдніе крестьяне села Молодихинскаго Алексѣй Поповъ, Иванъ Высошинъ, Василій и Сергій Поповы письменнымъ показаніемъ, даннымъ 12-го числа сего января, показали, что крестьянинъ Петръ Поповъ поведеніе въ жизни имѣетъ хорошее, а ссоры между имъ и женою происходятъ болѣе отъ жены его Александры, потому что она не имѣетъ къ мужу и све-крови своимъ послушанія во всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, опредѣлилъ: по-нудить крестьянина Петра Попова выкупить заложенные крестьянамъ Антипѣ и Михайлу Задоринимъ вещи: овчинный тулупъ, гарусную женскую шубу и 33 арш. тонкаго холста, которыя и

предоставить въ пользу жены Петра Попова, Александры Филиповой, приказавъ крестьянской женѣ Александрѣ Поповой жить въ семействѣ мужа своего Петра Попова и быть въ его повиновеніи. Обстоятельство же объ истребованіи крестьянскою женой Александрой Поповой отъ мужа ея Петра Попова серегъ, скатерти, французскаго платка и холста 28 арш., какъ бездоказательное, оставить безъ удовлетворенія.

5.

1866 года 5-го августа. Великониколаевскій волостной старшина Федуринъ, передалъ въ волостной судъ на разбирательство присланную г. мировымъ посредникомъ 2-го участка Шенкурскаго уѣзда, при предписаніи отъ 28-го минувшаго іюля за № 351, переписку, начавшуюся съ объявленія крестьянской жены Едемскаго сельскаго общества Татьяны Семеновы Трофимовой о растратѣ мужемъ ея крестьяниномъ Егоромъ Ивановымъ Трофимовымъ, выданнаго ему въ пособіе изъ магазиновъ, хлѣба, ржи 2-хъ четвериковъ и овса 4-хъ четвериковъ, посредствомъ заклада сосѣду крестьянину Петру Андрееву Трофимову, употребленіи полученныхъ за оный деньги на пьянство, и о тайномъ уносѣ имъ отъ жены, также для пропитія или заклада на покупку вина, разныхъ вещей, а именно: двухъ женскихъ ситцевыхъ бѣлыхъ юбокъ съ гранетуровыми узорами, одной шелковой разноцвѣтной старинной юбки, одной бѣлой изъ коровьей шерсти юбки, женскаго штофнаго полущубка, однихъ серебрянныхъ серегъ, одной мѣдной пивной братыни, одной оловянной тарелки, двухъ шерстяныхъ нарукавниковъ, одного шелковаго краснаго платка, одного французскаго платка, одного холщеваго фартука, четырехъ холщевыхъ рубахъ, однихъ янтарей и 7 десятковъ пачеснаго льну.

Крестьянинъ Егоръ Трофимовъ, на спросъ его, показалъ, что дѣйствительно онъ заложилъ сосѣду Петру Трофимову овса 4 четверика и ржи около 2-хъ четвериковъ, но получилъ ли и сколько за оный хлѣбъ денегъ и куда таковые употребилъ, не упомянуть, равно и братыню, за которую получили 20 копѣекъ, и деньги употребилъ на молотье хлѣба; сверхъ того, заложилъ онъ, съ со-

гласія своей жены, крестьянину Терентью Семенову Валькову шелковую разноцвѣтную старинную юбку, около 7 лѣтъ тому назадъ, за 1 руб. 40 копѣекъ, отозвавшись при томъ, что можетъ быть, выпивши онъ снесъ изъ дому своего что-либо другое Петру Трофимову, ибо послѣдній привѣтствовалъ его водкой, но положительно объ этомъ объяснить ничего не можетъ, ибо не упомянуть своихъ дѣйствій, когда бываетъ пьянъ.

Крестьянинъ Петръ Трофимовъ показалъ, что онъ принялъ подъ залогъ отъ Егора Трофимова овса 4 четверика и ржи немного болѣе 1 четверика равно и братиню, за которые выдавалъ ему денегъ 2 руб. 40 копѣекъ, но куда оныя Егоръ употребилъ, не знаетъ, въ принятіи же подъ залогъ другихъ вещей отозвался. Жена же Петра Трофимова Матрена Матѣева объяснила, что она, якобы безъ вѣдома мужа ея, приняла отъ жены Егора Трофимова въ закладъ серебряныя серьги и янтари и шерстяные нарукавники, за 75 копѣекъ.

Просительница жена Татьяна Трофимова на спросъ ея отозвалась, что сама она никому никакихъ вещей не закладывала.

По слѣланному волостными судьями тщательному дознанію, заложены ли крестьяниномъ Егоромъ Трофимовымъ вышеупомянутыя вещи—ничего не открылось. Поля же Егора Трофимова оказались всѣ засѣянными озимовымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи приговариваетъ: крестьянина Егора Трофимова, 37 лѣтъ отъ роду, за мотовство и пьянство его, за пропитіе даже выданнаго изъ магазина хлѣба, наказать при волостномъ правленіи розгами двадцатью ударами. Крестьянина Петра Трофимова, виновнаго въ принятіи отъ Егора подъ закладъ магазейнаго хлѣба и нѣкоторыхъ вещей, выдававшего ему за сіе деньги на пьянство, и чрезъ то содѣйствовавшаго мотовству Егора, употребить въ общественную работу при волостномъ правленіи на шесть дней въ 21-е, 22-е, 23-е, 24-е, 25-е и 26-е числа августа. Мѣдную братиню, серьги, янтари и нарукавники отобрать отъ крестьянина Петра Трофимова и жены его Матрены, которые и предоставить женѣ Егора Трофимова Татьянѣ, съ тѣмъ чтобы Егоръ уплатилъ за оныя выдаваемые ему деньги 95 копѣекъ.

1867 года апрѣля 2-го. Крестьянская жена Холмогорскаго уѣзда, Емецкаго общества, Васса Алексѣева Рудакова жалуется, что мужъ ея, крестьянинъ Рудаковъ растратилъ приданое, то-есть, деньги 8 руб., и къ тому же заложилъ армякъ за 6 руб., всего на 14 руб.; сверхъ того, наносить ей побои, когда она удерживала его отъ развратства.

Вслѣдствіе этой жалобы Емецкій волостной судъ, сего 2-го апрѣля, вызвалъ крестьянина Алексѣя Рудакова и нашелъ, что какъ изъ словъ его, Рудакова, дѣйствительно видна виновность его, поэтому постановилъ: за разстройство ховайства арестовать Рудакова при волостномъ правленіи на двое сутокъ и предупредить его, чтобы онъ впредь отнюдь не дѣлалъ растраты имущества.

Въ случаѣ расходовъ мужа и жены, имущество послѣдней, въ особенности приданое, должно быть отдано женѣ, хотя это достигается иногда не иначе какъ по рѣшенію суда. Дѣйствительно, когда волостные суды предоставляютъ право женамъ, подвергающимся преслѣдованіямъ и тяжкимъ побоямъ со стороны мужей, жить отдѣльно отъ нихъ, то-есть, въ домѣ своихъ родителей или гдѣ пожелаютъ, то приговариваютъ, чтобы и одежда была возвращена женамъ. Такъ, въ деревнѣ Товрѣ, близъ Холмогоръ, былъ случай, что родители взяли жену отъ мужа, который тиранилъ ее. Приданое ей было возвращено черезъ судъ. Нѣкоторыя вещи, впрочемъ незначительныя, мужъ захватилъ и пропилъ. Жена жаловалась въ судъ и требовала, чтобы ему не выдавали паспорта, покуда онъ не возвратитъ вещей. Судъ нашелъ ея требованіе справедливымъ и остановилъ выдачу паспорта. Такого же рода рѣшеніе было постановлено 13-го октября 1867 года Устьпаденгскимъ волостнымъ судомъ по жалобѣ жены.

Въ 1-й книгѣ нашего сборника юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи было сказано, что къ приданому, при жизни жены, не могутъ прикасаться ни мужъ, ни частные кредиторы мужа, ни власти, при казенныхъ взысканіяхъ съ мужа (стр. 42). На это дѣлаетъ замѣчаніе священникъ Магаровъ: „Приданое, при жизни жены, равно какъ и деньги, вырученныя ею за разные продукты, не

всегда остаются неприкосновенными властью. Въ прошедшее лѣто (1869 г.) при взысканіи чрезъ полицію, удѣльной конторой пошлинныхъ денегъ за самовольно вырубленный смольякъ, конфисковалось, въ случаѣ неимѣнія денегъ или неплатежа, все, что только попадалось исполнительной власти—все мужнино, женино и даже принадлежащее дѣтямъ: кафтаны, сарафаны, хорошіе платки и шубы“.

При жизни жены, но послѣ смерти ея мужа, если тотъ не былъ отдѣленъ отъ родителей, часто на приданое жены посягаютъ родители ея мужа и другіе члены семьи, подъ разными предлогами. Но рѣшеніями волостныхъ судовъ, если къ нимъ обращается вдова, приданое всегда признается собственностью жены, какъ полученное ею отъ своихъ родителей; а потому захваченное возвращается вдовѣ; за утраченное она вознаграждается, а заложенное выкупается и отдается ей. Объ этомъ свидѣлствуютъ приводимыя ниже рѣшенія; но въ нихъ нѣтъ рѣчи о надѣлѣ, а только о платномъ приданомъ. На надѣлокъ свекоръ и другіе родственники жениха также не имѣютъ права, если съ ними не было на то особаго договора.

7.

1867 года апрѣля 30-го крестьянская вдова Юромской волости (бывшей Бугаевской) Мезенскаго уѣзда Александра Авдушева, въ прошеніи своемъ жалуется, что послѣ смерти мужа ея, Ильи Авдушева, свекоръ ея, крестьянинъ Матвѣй Авдушевъ захватилъ ея приданое отъ отца имѣніе, а именно: штофную шубейку, штофникъ, тафетникъ, двѣ парчевыя коротеньки, два кумашника, два сарафана и три или болѣе дюжинъ женскихъ рубашекъ, полотенецъ дюжину, и все, что окажется въ двухъ ея ящикахъ, и просить объ отобраніи означенныхъ вещей отъ Авдушева.

Бугаевскій волостной судъ, въ числѣ пяти судей, при разборѣ настоящаго дѣла рѣшилъ: не принимая отъ крестьянина Матвѣя Авдушева никакихъ не заслуживающихъ уваженія возраженій въ захватѣ имъ приданого невестки его Александры, оставшагося послѣ мужа ея, а Матвѣю сына, Ильи, отобрать оное отъ Авдушева, такъ какъ это имѣніе собственность ея, заведенная отцомъ ея, а

не свекромъ Авдушевымъ, и вручить таковое крѣстьянской вдовѣ Александрѣ Авдушевой, какъ собственность ея, но только съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неоказательства чего-либо въ ящикахъ, чрезъ взломъ замковъ и тому подобнаго, съ крѣстьяниномъ Авдушевымъ поступить наиболѣе въ строгомъ размѣрѣ.

8.

1867 года іюля 2-го дня крѣстьянская вдова Паденскаго общества деревни Галѣвской Татьяна Михайлова Рогова въ поданномъ на имя Устьпаденскаго волостнаго правленія отъ 25-го прошлаго іюня прошеніи изъясняетъ слѣдующее: Мужъ мнѣ Тимофѣй Захаровъ Роговъ около 20-го мая сего года въ отлучкѣ волею Божею померъ, и по смерти его у свекра мнѣ, а его отца Захара Рогова жить я не придумала, а ушла къ отцу своему Устьпаденскаго общества въ деревню Максимовскую Михайлу Коноплеву, но какъ я жила въ замужествѣ только 17 недѣль, а потому и должна получить свое приданое платье, но свекоръ мнѣ Захаръ удержалъ собственное мое приданое, сарафанъ шелковый и платъ масляной, будто бы за то, что отецъ мнѣ Михайло бралъ у него ржи 6 четвериковъ; и дѣйствительно, отецъ сказываетъ, что помянутую рожь бралъ въ займы до осени, такъ чтобы отдать обратно рожью или же заплатить деньгами или кирпичемъ. Почему покорнѣйше прошу волостное правленіе учинить зависящее распоряженіе: отобрать отъ свекра моего Захара Рогова сарафанъ и платъ и предоставить мнѣ, при чемъ поясню: когда покойный мужъ мнѣ Тимофѣй отправлялся въ отлучку, то я дала ему изъ *плакальныхъ денегъ* на дорогу 4 р., но теперь свекоръ отзывается незнаніемъ. — Свекоръ просительницы крѣстьянинъ Захаръ Роговъ на спросъ суда говорилъ, что сарафанъ и платокъ нынѣ же обязался отдать обратно в состоящіе за отцомъ невѣстки своей крѣстьяниномъ Михайломъ Коноплевымъ 1 р. 75 к. оставилъ безъ возврата, рожь же 6 четвериковъ, данную Михайлу Коноплеву, согласенъ получить по осени, только съ тѣмъ, что если Михайло обяжетъ себя дочь свою, а мою невѣстку, взять къ себѣ обратно на жительство постоянно, въ случаѣ же болѣзни, то ко мнѣ не водворять. Крѣстьянинъ Михайло Коноплевъ, бывъ спрошенъ волостнымъ судомъ, говорилъ, что дочь

свою вдову Татьяну Рогову взять къ себѣ на жительство согласенъ, состоящую же за нимъ рожь 6 четвериковъ обязался отдать по осени сего же года деньгами или же рожью.

На основаніи чего Устьпаденскій волостной судъ опредѣлялъ: дозволить крестьянской вдовѣ Татьянѣ Роговой проживать при домѣ отца своего крестьянина деревни Максимовской Михайла Коноплева, платокъ и сарафанъ нинѣ же обязанъ крестьянинъ Захаръ Роговъ отдать невестѣ своей Татьянѣ Роговой, а равно и взятую крестьяниномъ Коноплевымъ рожь 6 четвериковъ возвращать по урожаю въ семъ же году Захару Рогову, что по запискѣ въ книгу объявить какъ просительницѣ, такъ и отвѣтчику. (Рѣшеніемъ всѣ остались довольны).

9.

Крестьянская вдова Кушевской волости Быстрокурскаго общества Холмогорскаго уѣзда Ирина Березина предъявила Кушевскому волостному суду жалобу на свекра своего Петра Березина и свекровку Анну Березину о томъ, что послѣ того, какъ въ 1866 году мужъ ея Елисей Березинъ, а имъ сынъ, умеръ въ С.-Петербургѣ безъ дѣтей отъ нея, свекоръ сталъ дѣлать стѣсненіе и наконецъ отказалъ во всемъ хозяйствѣ и не вознаградилъ за труды никакимъ имуществомъ, между тѣмъ заложилъ крестьянѣ Машковой соболій воротникъ изъ приданого ея имѣнія въ 1 руб., и еще забралъ около 9 руб. для домашнихъ надобностей, потому и просить объ отобраніи того воротника и о предоставленіи въ ея пользованіе.

1867 года октября 26-го дня волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое отвѣтчика Петра Березина и жену его, которые показали, что они у снохи своей Ирины Березиной соболіяго воротника крестьянѣ Оеклѣ Машковой никогда не закладывали ни на какую домашнюю надобность, а оный воротникъ заложилъ сынъ ихъ Елисей Березинъ для своей надобности. Крестьянка же Оекла Машкова показала, что деньги подъ воротникъ брали слѣдующія лица: Петръ Березинъ деньгами 2 р., онъ же муки и рыбы и жена его Анна и Елисей Березинъ на 6 р., во время бытности послѣдняго на родинѣ, да еще бралъ онъ же Елисей на похороны дѣтей.

2 руб., а всего 10 р. Сосѣдъ ихъ Ѳеодоръ Березинъ въ судѣ показалъ, что деньги въ займы у Машковой брали для всего вообще дому, а воротникъ принадлежитъ ей Иринѣ, какъ онъ знаетъ. Почему волостной судъ предложилъ просительницѣ и отвѣтчикамъ между собою добровольную сдѣлку, но отвѣтчики по вздорному своему характеру не согласились; потому судъ, основываясь на показаніи сосѣда и зная ея просительницы хорошее и смирное поведение, опредѣлилъ: заложеннымъ собольимъ воротникомъ крестьянѣ Машковой предоставить воспользоваться Иринѣ Березиной, а свекру и свекровиѣ приказать выкупить его у Машковой для воспользованія снохѣ ихъ Иринѣ, тѣмъ болѣе, что они чинили ей по смерти мужа разныя оскорбленія и отказали въ хозяйствѣ; принимая же во вниманіе, что она въ замужествѣ жила немногое время, въ имуществѣ ей отказать.

Приданое дочери составляетъ во всякомъ случаѣ выдѣлъ изъ общаго имущества, такъ что по смерти отца, при раздѣлѣ братьями общаго имѣнія, замужней сестрѣ ничего не дается. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отцы и по завѣщанію ничего не оставляютъ замужнимъ. „Чѣмъ благословлена отцомъ при замужествѣ, тѣмъ и будь довольна, а отъ братьевъ во второй разъ не можетъ требовать,“ объяснилъ мнѣ одинъ крестьянинъ.

Послѣ смерти жены, у которой не осталось дѣтей, почти все ея приданое возвращается къ ея родителямъ. На мой вопросъ: можетъ ли жена завѣщать своему мужу платное и иное приданое, объяснявшій мнѣ обычаи крестьянинъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ не бывало, но что, по его мнѣнію, онъ не можетъ этого сдѣлать, потому, что приданое должно возвратиться въ семью ея родителей. Но изъ одного, приводимаго ниже, рѣшенія можно заключать, что еслибы мужъ могъ доказать, что завѣщаніе действительно существовало, то могъ бы воспользоваться приданнымъ женою. Безъ завѣщанія же, просто по обычаю, мужу послѣ бездѣтной жены остается только благославленная икона да постель, и все то, что было зашито въ банныкѣ, гдѣ таковой бываетъ: ложка, тарелка, миска, солонка и проч. Подвѣнечное платье жены и обручальное кольцо, если эти вещи подарены были женихомъ, также остаются у мужа. Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ обычно-

венно не упоминается объ указанныхъ вещахъ, только въ одномъ говорится о постели, но это разумѣется само собою. Что благословенный образъ и постель, а также, заведенныя женихомъ, подвѣнечное платье и кольцо обручальное не отбирается отъ мужа,—это обычай повсемѣстный и твердо соблюдаемый. Иногда родители, по доброй волѣ, даютъ мужу что-нибудь изъ платнаго на память. Что же касается до денежнаго приданаго и вообще надѣлка, то въ Холмогорскомъ уѣздѣ мужъ, если онъ не зять-пріемышъ, не имѣетъ на него никакого права по смерти жены, такъ что если останется что-нибудь, напримѣръ, корова и проч., то оно возвращается родителямъ покойной, а то, что продано и прожито при жизни жены, уже не требуется. Въ с. Матигорахъ былъ недавно такой примѣръ, что отъ мужа, прожившаго съ женой 20 лѣтъ, послѣ смерти послѣдней, отобрали все приданое и весь наличный надѣлокъ. Но если надѣлокъ данъ на заведеніе платья женѣ или безвозвратно мужу, то онъ уже не отдается назадъ. Когда я сталъ спрашивать крестьянина — не сохранился ли между ними старинный обычай оставлять зятю что-нибудь изъ приданаго до его новой женитьбы, то получилъ въ отвѣтъ, что такой обычай противорѣчилъ бы нравамъ народа; родные покойной и народъ сказали бы: „Развѣ онъ хочетъ похвастать приданнымъ первой жены!“ Когда же мужъ заведетъ женѣ что-либо изъ одежды, а она не носитъ своего, потому что оно или негодно, или немодно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться соотвѣтственною частью платнаго его умершей жены. А если жена носила все заведенное мужемъ, то право родителей на ея имущество прекращается, потому что если бы она носила свое приданое, то износила бы его; значитъ мужъ въ правѣ замѣнить его своимъ.

Вещи, заложенныя зятемъ на содержаніе малолѣтней дочери или сына до ихъ смерти, зять обязанъ выкупить: „Самъ заложилъ самъ и выкупай,“ объяснилъ мнѣ крестьянинъ. Мужъ же долженъ кормить дѣтей, и если умрутъ, то хоронить ихъ на свои средства, какъ отецъ, а не на средства покойной жены своей; по этому онъ ничего не можетъ и оставить на этотъ предметъ у себя изъ приданаго жены. Таковы обычаи, существующіе близъ Холмогоръ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, какъ свидѣлствуютъ рѣшенія волост-

ныхъ судовъ, за мужемъ покойной оставляются нѣкоторыя вещи для упомянутой цѣли, а заложенное изъ вещей, которымъ не сдѣлана опись, выкупается самими родителями. При дѣтахъ мужескаго пола, оставшихся по смерти матери, судя по рѣшеніямъ, нѣкоторая часть приданого возвращается къ родителямъ жены, а остальное остается у мужа. Но здѣсь, близъ Холмогоръ, этого не бываетъ; въ семью мужъ въ правѣ не возвратитъ ничего, если остались мальчики.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе рядныхъ записей, мужъ обязывался возвратитъ послѣ смерти жены въ домъ ея родителей или весь надѣлокъ, шедшій съ женой, или только наличныя вещи, не уплачивая денегъ за издержанное, если онъ подтвердитъ прямымъ словомъ, передъ образомъ, дѣйствительности издержки.

Нынѣ, если вещи утрачены мужемъ, и это будетъ доказано, то онъ обязанъ вознаграждать родителей покойной, но онъ можетъ отговариваться тѣмъ, что не было сдѣлано описи имуществу, или доказать, что жена сама утратила или износила приданое; тогда онъ не отвѣчаетъ. На вопросъ—не обязываютъ ли родители умершей своего зятя присягнуть въ доказательство того, что онъ ничего не утаиваетъ изъ имущества жены, я получилъ отвѣтъ: „Требовать присяги отъ зятя значить *душу трясти* дочери; Богъ съ нимъ! скажутъ родители и отступятся“. Если же самъ зять захочетъ поцѣловать икону, то къ этому его допускаютъ.

Приданое, которое должно возвратиться въ домъ родителей или родныхъ покойной, берется отцомъ и матерью или братьями, тогда, когда они пріѣзжаютъ на похороны умершей. А по полученіи, оно идетъ тому, кому дастъ отецъ; платнымъ обыкновенно распоряжается мать и передаетъ дочерямъ или снохамъ, если нѣтъ первыхъ; надѣлокъ часто идетъ въ общее семейное имущество.

Какъ нарушение обычая о принадлежности приданого родителямъ жены, случаются захваты его со стороны мужа покойной и его родныхъ. Такіе захваты обыкновенно вызываютъ жалобы со стороны родныхъ умершей волостнымъ судамъ, и рѣшеніями послѣднихъ почти всегда восстанавливаются права истцовъ, какъ мож-

но убѣдиться изъ рѣшеній, помѣщенныхъ ниже сего. Только если родители зятя заложать что-нибудь изъ приданого, для того, на примѣръ, чтобъ окупить издержки по погребенію снохи, то по рѣшеніямъ, на основаніи обычая, выкупаютъ сами родители жены, если тѣ откажутся выкупить.

Когда у покойной жены остались дѣти, мужскаго или женскаго пола, все равно, въ такомъ случаѣ все приданое идетъ въ пользу ихъ. У многихъ родители жены даже не довѣряютъ приданого, легко утрачиваемаго, мужу. Отецъ приведетъ все въ извѣстность черезъ опись и наблюдаетъ, чтобы не продали и не заложили; иной сложитъ все въ сундукъ, который стоитъ у зятя, запретъ его и ключъ возьметъ къ себѣ до возраста дѣтей; пересмотритъ, просушитъ и опять складетъ. Остальнымъ имуществомъ—хлѣбомъ, коровой, деньгами, мужъ, при дѣтяхъ, можетъ пользоваться.

Вотъ рѣшенія волостныхъ судовъ, указывающія на судьбу приданого послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей, и бездѣтной.

10.

1867 года 29-го августа. Слушали прошеніе крестьянина Тарнинскаго сельскаго общества Великониколаевской волости, Шенкурскаго уѣзда, Александра Максимова Дешевицына, поданное въ Великониколаевское волостное правленіе, ходатайствующаго о истребованіи съ зятя его, крестьянина того же общества Степана Егорова Гашева имущества, даннаго въ приданое съ дочерью своею Марфой, которая волею Божіей нынѣ померла и дѣтей никого не оставила, на сумму 25 руб. серебромъ.

Вызванный въ волостной судъ, крестьянинъ Степанъ Гашевъ объяснился, что жена его Марфа при смерти своей отказывала ему одинъ утиральный платокъ тонкаго холста, одинъ французской платокъ и коробейку, но въ подтвержденіе своего голословнаго заявленія не представилъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Вслѣдствіе того волостной судъ по внимательномъ обсужденіи, на основаніи мѣстнаго обычая, приговариваетъ: выскать съ крестьянина Степана Гашева все полученное въ приданое съ покойною женою его Марфою имущество, которое предоставить въ пользу отца послѣдней крестьянина Александра Дешевицына.

Подобное рѣшеніе было учинено Сороцкимъ волостнымъ судомъ, Кемскаго уѣзда, 1867 года февраля 5-го, по просьбѣ одного крестьянина объ отобраниі отъ зятя его приданого имущества, оставшагося послѣ жены послѣдняго, а перваго дочери. Тутъ судъ постановилъ: „приказать отвѣтчику возвратить шубейку и корову, за утраченные имъ жемчужныя петли отдать 5 руб., а за остальную одежду, изношенную покойной не взыскивать“.

11.

1867 года марта 19-го дня. Въ Мардинскомъ волостномъ судѣ, Онежскаго уѣзда, присутствовали судьи: Алексѣй Крысановъ, Федоръ Гавриловъ, Яковъ Гурьевъ и Степанъ Кузьминъ; слушали жалобу крестьянина Хачельской деревни Андрея Анцыфорова о вѣнчаніи отъ крестьянина Каеркульской деревни Ивана Никулина вещей на сумму 29 р. 20 к., оставшихся у Никулина послѣ смерти перваго дочери, а послѣдняго жены. По учиненному въ волостномъ судѣ разбору оказалось, что Никулинъ выдалъ въ разное время Андрею Анцыфорову деньгами, рыбой и пр. на 40 руб. 21½ коп. Этотъ послѣдній представилъ счетъ уплаты Никулину 34 руб. 15 к. Обѣ стороны счеты признали правильными; кромѣ того оказалось, что Дмитріемъ Анцыфоровымъ уплачено деньгами 5 руб., и хотя Никулинъ и сознался въ полученіи этихъ денегъ, но объявилъ, что имѣетъ отдѣльный счетъ съ нимъ Дмитріемъ, почему деньги 5 р. въ счетъ не приняты до возвращенія Дмитрія. Свидѣтелей ни которая изъ тяжущихся сторонъ не представила. Волостной судъ опредѣлилъ: изъ находящихся у Ивана Никулина вещей, оставшихся послѣ смерти жены, оставить на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, по 107 ст. Общ. Полож., въ пользу Никулина одно одѣяло ситцевое на ватѣ, два суконныхъ постельника и подушку съ ситцевою наволочкою, а прочія вещи, какъ то: одну женскую суконную шубу на ватѣ, одинъ женскій на ватѣ полушубокъ, одно овчинное одѣяло, покрытое домашнимъ сукномъ, возвратить Андрею Анцыфорову; слѣдующія по расчету съ Анцыфорова достальныя деньги 6 руб. 60½ к. взыскать въ пользу Никулина, а для уплаты сего долга назначить двухнедѣльный срокъ до 2-го апрѣля сего года.

1868 года 27-го мая. Крестьянская жена Федоровскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Акулина Григорьева Рожина заявила 27-го сего мая въ Великониколаевскомъ судѣ словесную просьбу объ отобраниі отъ крестьянина Груздовскаго сельскаго общества Прокопья Антонова Шишкина оставшагося послѣ смерти дочери ея Рожиной Александры, бывшей въ замужествѣ за Шишкинымъ, имущества, а именно: одной красной штофной шубы, стоющей 10 рублей, одной шубы полшелковой—5 руб., одного сарафана шелковаго клѣтками, стоющаго 9 руб.; одной юбки шелковой штофной одноцвѣтной—3 р., одного шелковаго хорошаго платка—2 руб., одного шелковаго голубого удирка—1 руб., одного полшубка шелковаго травчататаго, голубаго—1 руб., одного разшивнаго хорошаго сборника—3 руб., двухъ хорошихъ рубашекъ, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная — 1 руб., восьми холщевыхъ рубашекъ полновыхъ — 2 руб., шести холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ — 1 руб., одного гаруснаго платка порядочной величины и доброты — 1 руб., одного гаруснаго передника — 70 коп., одного двоеликаго, немного поношеннаго полшубка—80 к., двухъ кумачныхъ полшубковъ—1 руб. 40 коп., кумача на полшубокъ—80 коп., однѣхъ красныхъ перстатокъ изъ дорогой шерсти—20 коп., однѣхъ красныхъ перстатокъ домашней работы—15 коп., трехъ утиральниковъ, одинъ изъ нихъ кумачный пропускной, съ узоромъ, второй шитый въ пятахъ и третій браной, съ наборцами кругомъ,—2 р. 50 к., одной браной съ наборомъ салфетки—1 р., одной бѣлой съ наборомъ юбки—25 коп., одной холстиновой бумажной юбки—30 коп., одной красной овчарной юбки—1 руб., однѣхъ серебрянныхъ безъ пробы серегъ — 15 коп., одного серебряннаго пробнаго кольца—20 коп., одного крашеннаго съ замкомъ ящика—1 р., одной съ замкомъ коробы—40 коп., одной конопянной браной салфетки—10 коп., и одной бѣлой каменной тарелки—10 коп., а всего на сумму 51 руб. 5 коп.

Вызванный на 27-е число сего мая въ волостной судъ крестьянинъ Прокопій Шишкинъ объяснилъ, что все вышеобъясненное Рожиной, оставшееся послѣ смерти первой жены его, а Рожиной

дочери, Александры, имущество находится въ цѣлости, которое и согласился предоставить въ пользу крестьянской жены Акулины Рожиной, просилъ ее предоставить въ пользу его, Шишкина, только одинъ утиральникъ съ наборцами кругомъ и одно серебрянное кольцо, на что крестьянская жена Акулина Рожина согласилась.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, опредѣлилъ: согласно соглашенію крестьянской жены Акулины Рожиной и крестьянина Прокопья Шишкина, считать сіе дѣло конченнымъ, поручивъ исполненіе сего рѣшенія Груздовскому сельскому старостѣ.

13.

На просьбу крестьянина Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Проурзина объ отобраніи приданого отъ крестьянина Попова, которое осталось послѣ его дочери, выданной въ замужество въ 1864 году и умершей, Благовѣщенскій волостной судъ 24-го іюля 1866 года постановилъ: отобрать отъ Попова все имѣніе, какое принесла съ собою въ приданое покойная жена его, кромѣ полукапотья и красной англійскаго ситца рубашки, которыя предоставить ему въ собственность за покупке имъ части красной бумаги въ сарафанъ покойной жены своей.

14.

1867 года 22-го октября. Слушали словесную просьбу крестьянина Володимѣрскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Ларіона Павлова Малютина, ходатайствующаго о истребованіи обратно съ зятя его, крестьянина Никольскаго общества Григорья Михайлова Хабарова, данныхъ ему въ приданое съ сестрой его Натальей Павловой, нынѣ умершей, озадка двора и денегъ 5 р. сер.

Вызванный въ Великониколаевскій волостной судъ крестьянинъ Григорій Хабаровъ показалъ, что озадокъ двора и деньги 5 рублей даны ему были въ надѣлокъ безвозвратно, и что самъ проситель Ларіонъ Малютинъ состоитъ ему должнымъ не заплаченными за плотничную работу 1 рублемъ 25 копейками. Крестьянинъ Ларіонъ Малютинъ заявилъ, что деньги 5 руб. даны были Григорью Хабарову не въ надѣлокъ, а въ займы, и Малютинъ по соглашенію

съ Хабаровымъ заявленіе свое подтвердилъ Богомъ; при чемъ они миролюбно между собою согласились въ томъ, что Хабаровъ обязался возвратить Малютину озадокъ двора, а Малютинъ долженъ заплатить Хабарову за работу деньги одинъ рубль двадцать пять копѣекъ серебромъ, съ тѣмъ что Малютинъ взысканіе съ Хабарова 5 рублей оставляетъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ опредѣляетъ: по случаю миролюбнаго соглашенія крестьянъ Ларіона Малютина и Григорья Хабарова считать сіе дѣло конченнымъ, о чемъ дать знать сельскимъ старостамъ Володимірскаго и Никольскаго обществъ для наблюденія за выполненіемъ обязательствъ крестьянъ Малютина и Хабарова.

15.

1867 года октября 5-го. Крестьяне деревни Лешуконской, Мезенскаго уѣзда, Иванъ, Панфилъ и и Афанасій Пескины объявляютъ, что у нихъ выдана была въ замужество за крестьянина деревни Карашельской Оедора Опарина, сестра Ирина, которая померла около 9 лѣтъ, по смерти ея осталась дочь Агафья и имѣніе изъ платья, а именно: штофникъ со всѣмъ приборомъ—10 р., коротенька со всѣмъ приборомъ — 3 руб., кумашникъ тоже съ приборомъ—2 р., тулупъ—7 р., сарафанъ аглицкаго ситца—2 р., двѣ женскихъ рубахи съ рукавами, первая синей холстники, вторая... 2 р., суконная красная шаль—1 руб., малиновый двоерядный поясъ — 50 к., нарукавники аглицкаго ситца — 50 к., передникъ бѣлаго ситцу — 50 коп., сарафанъ ситцевый — 70 к., аглицкій платъ—1 р., а всего на 30 руб.; дочь нашей сестры, а наша племянница Агафья нынѣ померла; поэтому мы желаемъ получить вышеписанное имѣніе обратно отъ бывшаго зятя крестьянина Опарина, или чтобы онъ удовлетворилъ насъ деньгами 30 руб., въ чемъ и подписуемся.

Вызовъ отвѣтчика назначенъ 5-го ноября. Ноября 5-го Лешуконскій волостной судъ въ числѣ трехъ судей разбиралъ настоящее дѣло, и оказывается слѣдующее: крестьянинъ Опаринъ не отрицаетъ, что дѣйствительно вещи поименованныя въ жалобѣ Пескиныхъ были даны въ приданое съ покойною его женой Ириной,

и изъ нихъ находится у Опарина на лицо все, кромѣ кумашника, который заложенъ у крестьянина Петра Климцова въ 50 к., штофника у крестьянина Ивана Климцова въ 7 р., тулупа и сарафана аглицкаго ситцу у Катерины Климцовой въ 3 р., коротенька у крестьянина Константина Опарина въ 1 р. 50 к., всего на 12 р. с.

Въ виду такихъ обстоятельствъ и при несогласіи тяжущихся на предложенный миръ, волостной судъ, принимая во вниманіе, что Опаринъ въ приданныхъ жениныхъ вещахъ не отпирается и Пескиными во время смерти Опарина жены, а ихъ сестры, описи имуществу сдѣлано не было, также что, по объясненію Опарина, означенныя вещи имъ были заложены по несостоятельности его, для пропитанія Пескиныхъ плѣмянницы, а у Пескиныхъ имущество не было сдано подъ опеку, рѣшилъ: вышеописанное имущество отобрать отъ Опарина и передать по принадлежности Пескинымъ—тѣ вещи, которыя есть въ наличности, а заложенныя вещи предоставить, если они Пескины имѣютъ на то выгоду, то выкупаютъ и пользуются ими безъ участія какъ въ выкупѣ, такъ пользованіи Опарина, а если Пескины не пожелаютъ на выкупъ вещей, то имъ предоставляется таковыя оставить навѣчно за Климцовыми и Опаринимъ. Постановленіе это учинено согласно прежнимъ, вошедшимъ здѣсь обычаямъ, на основаніи 96 ст. Положенія 19-го февраля 1861 г.; затѣмъ дѣло зачислить рѣшеннымъ.

Рѣшеніемъ этимъ истцы Пескины остались недовольны; оно окончательно исполнено 6-го ноября.

16.

1867 года апрѣля 2-го. Лявленскій волостной судъ Архангельскаго уѣзда входилъ въ разсмотрѣніе дѣла по объявленію повѣреннаго крестьянъ Петра Андреева, жены его Ирины Антоновой и сына ихъ Якова Петрова Немоновыхъ, первымъ двумъ сына, а послѣднему брата, крестьянина д. Малинцевской Дмитрія Петрова Немонова, въ коемъ онъ изъясняетъ, что проживавшая въ нераздѣльномъ семействѣ съ ними родная его сестра, дѣвица Матрена Петрова Немонова, съ согласія родителей его, равно и его Дмитрія, въ 1860 года выдана въ замужество за крестьянина одной съ нимъ деревни Василія Михайлова Морева, и при выдачѣ съ нею

отданы, какъ выпшесказанными родителями и братомъ его, равно и самимъ имъ, въ приданое пріобрѣтенныя общими силами всѣхъ членовъ ихъ семейства разныя вещи, заключающіяся въ женской одеждѣ, какъ-то: бѣльѣ, платьяхъ, обуви, верхней одеждѣ, головномъ уборѣ, жемчугѣ и сундукахъ, всего на сумму слишкомъ 200 р. с. По истеченіи года послѣ бракосочетанія сказанная сестра его Матрена волю Божію умерла, оставя послѣ себя на попеченіи своего мужа Василя Морева законно прижитаго съ нимъ сына Филиппа, имѣвшего тогда отъ рожденія одинъ день. По смерти сказанной его сестры, а Морева жены, Матрены, онъ Моревъ возвратилъ имъ нѣкоторыя вещи менѣе цѣнныя противъ прочихъ, изъ бѣлья и платья, отданныя ему съ женою въ приданое, въ распоряженіе ихъ, а болѣе цѣнныя, по оцѣнкѣ ихъ, стоящія не менѣе нижеозначенной цѣны: жемчугъ въ 3-хъ прядяхъ, вѣсомъ до 10 золотниковъ—на 40 р., женскій парчевой полушубокъ—15 р., два шелковыя платья—15 р., штофная юбка съ мишурными газами—10 р., и шелковый женскій большой платокъ—10 р., всего на сумму 90 р. с., оставилъ у себя, какъ имѣвшій тогда на то право, по случаю нахождения у него законно прижитаго съ покойною его сестрою сына, который, проживъ у Морева 4½ года, тоже волею Божію умеръ; за сямъ крестьянинъ Василій Моревъ, на основаніи *существующихъ законовъ*, какъ жившій съ женою короткое время и не имѣющій прижитыхъ съ нею на содержаніи у себя дѣтей, лишился права пользоваться отданнымъ съ нею приданнымъ имѣніемъ, которое, по справедливости и на основаніи закона, должно быть возвращено имъ Немоновымъ, какъ прямымъ наслѣдникамъ покойной ихъ сестры Матрены, и тѣмъ болѣе, что такое пріобрѣтено не одними ея, а общими силами всего ихъ семейства. Они неоднократно обращались къ нему Мореву о возвращеніи приданого, но Моревъ хотя и изъявилъ согласіе возвратить имъ всѣ выпшесказанныя вещи, исключая жемчуга, который стоитъ, какъ выше о семъ объявлено, 40 р., но не возвратилъ. Почему онъ, Немоновъ, какъ довѣренный отъ семейства ихъ на ходатайство о возвращеніи имъ такового, проситъ волостное правленіе сдѣлать зависящее распоряженіе объ отобраніи отъ Морева всѣхъ выпшесказанныхъ вещей и жемчуга и выдать ему въ общую пользу членовъ ихъ семейства.

Вслѣдствіе чего отвѣтчикъ Моревъ былъ вызываемъ въ волостной судъ 5-го числа марта мѣсяца, но къ суду не явился безъ законныхъ къ тому причинъ, за что, согласно приговору сего суда, состоявшемуся того же числа, на основаніи 126 и 267 ст. 3 разд. Сборн. постанов. для руков. вол. и сельск. упр., подвергнуть взысканію: пени 50 к. въ мірской капиталъ; сего числа снова былъ вызванъ въ судъ, гдѣ на предъявленную просьбу крестьянина Немонова о возвращеніи ему вышеписанныхъ вещей или по стоимости оныхъ денегъ объяснилъ, что онъ согласенъ возвратить Немоновымъ отданное ему въ приданое съ женою и остальное имущество, за исключеніемъ жемчужныхъ перлъ, за содержаніе до смерти оставшагося на его попеченіи послѣ смерти покойной жены его Матрены, законнаго сына Филиппа въ теченіе 4½ годовъ, и кромѣ того, просить взыскать съ Немонова взятыхъ у него тещею его, а Немонова матерью, собственно ему принадлежащія деньги 5 р. с., на что Немоновъ согласился, съ тѣмъ однако, что денегъ Мореву отдать не 5, а 3 р., какъ таковыя принадлежали не собственно ему Мореву, а покойной сестрѣ его, но Моревъ и на сіе согласился, и потому споръ этотъ они прекратили сего числа на волостномъ судѣ миролюбно и безобидно для той и другой стороны, съ тѣмъ, чтобы дѣла этого, послѣ сего рѣшенія, ни той, ни другой стороны нигдѣ не возобновлять. Волостной судъ, имѣя въ виду, что на основаніи закона тяжущимъ лицамъ предоставляется право примиренія и тѣмъ окончательно рѣшать дѣла на волостномъ судѣ, постановилъ: условія примиренія ихъ записать въ настоящую книгу и дать подписать тяжущимся, затѣмъ дѣло по сему предмету зачислить въ рѣшенныхъ.

17.

1867 года іюля 23-го. Отставной рядовой, проживающій въ деревнѣ Хайбутовской, Благовѣщенской волости Шенкурскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Кичевъ прошеніемъ, поданнымъ въ волостное правленіе, просилъ отобрать отъ крестьянина той же деревни Федора Дмитріева Пшеницына разное женское имущество, оставшееся послѣ смерти падчерицы его, Кичева, Матрены Пшеницыной, выданной за

него Пшеницына назадъ тому девять лѣтъ, потому что послѣ смерти ея не осталось наслѣдниковъ женскаго пола.

Благовѣщенскій волостной судъ по обсужденіи этого дѣла постановилъ: такъ какъ умершая жена крестьянина Ѳедора Пшеницына Матрена жила съ мужемъ своимъ 9 лѣтъ, слѣдовательно, она большею частью носила платье, заведенное мужемъ, а не приданое, а потому отъ крестьянина Ѳедора Пшеницына въ пользу рядоваго Кичева отобрать, вмѣсто просимаго имъ имущества, только одинъ суконный полушубокъ, а затѣмъ дѣло это считать рѣшеннымъ. Остальное же имѣніе умершей Матрены, принесенное ею въ приданое, находящееся у Ѳедора Пшеницына, онъ Ѳедоръ обязанъ хранить въ цѣлости до совершеннолѣтія сына своего.

18.

1864 года января 13-го. Дѣло бывшаго Устьпаденскаго приказа, по прошенію крестьянина Устьпаденской волости, Шенкурскаго уѣзда Ѳедора Григорьева Коноплева о взысканіи съ такового жъ Степана Андреева Карамышева имущества, оставшагося послѣ смерти дочери перваго, а невѣстки послѣдняго. По сему предмету было производство въ удѣльномъ приказѣ 17-го ноября 1860 года, и при личномъ между истцомъ и отвѣтчикомъ расчетѣ постановлено миролюбивое соглашеніе, съ тѣмъ чтобы Карамышевъ возвратилъ Коноплеву то имѣніе, которое окажется у сына перваго въ Рыбинскомъ.

Карамышевъ былъ въ Рыбинскомъ у сына и по возвращеніи оттуда отдалъ Коноплеву только юбку и платокъ покойной дочери, больше ничего, въ чемъ словесно и удостовѣряетъ; Коноплевъ же этому не вѣритъ, предоставляетъ Карамышеву удостовѣрить передъ Богомъ присягой, на что сей не согласенъ; а потому Коноплевъ и удерживаетъ у Карамышева палтасу 5 пудовъ, которые онъ, Карамышевъ, взыскиваетъ съ него, Коноплева.

Опредѣленіе волостнаго суда: Если Карамышевъ не подтвердитъ передъ Богомъ честнымъ словомъ, что никакого имѣнія покойной невѣстки изъ Рыбинска отъ сына не привезъ, кромѣ отданнаго Коноплеву, то палтасу 5 пудъ лишается, а если подтвердить или сколько есть отдать, то Коноплевъ обязанъ Карамышеву отдать

за палтасъ 7 р. 50 к.—цѣну, заплаченную имъ въ Архангельскѣ, а не по здѣшнимъ цѣнамъ, какъ требуетъ Карамышевъ, потому что Коноплевъ купилъ на свои деньги, а не на Карамышевскіе; всѣ же расчеты, бывшіе между ними до 17-го ноября 1860 года, въ которыхъ тогда обоюдно согласились, впредь не возобновлять. Какое опредѣленіе суда тяжущимъ и объявлено.

19.

1868 года 21-го октября. Сельскій староста Груздовскаго общества, отъ 16-го сего октября за № 231, донесъ Великониколаевскому волостному правленію, Шенкурскаго уѣзда, что по производившемуся у него дѣлу, начавшемуся съ просьбы крестьянина Павла Федорова Птицына объ отобраніи лошади мерина отъ крестьянина Степана Иванова Безсонова, данной въ приданое съ двоюродною сестрою его Птицына, Авдотьей Сергѣевой, на заведеніе платья, при выдачѣ ея въ январѣ мѣсяцѣ сего года въ замужество за сына Безсонова, Петра Степанова, которые оба нынѣ уже умерли,—онъ староста склонить ихъ къ миролюбному соглашенію не могъ, а потому проситъ дѣло это передать на разсмотрѣніе и разбирательство волостнаго суда.

Вызванные на 21-е число сего октября въ волостной судъ крестьянинъ Павелъ Птицынъ и по довѣрію крестьянина Степана Безсонова, братъ его, солдатъ Григорій Ивановъ, и жена Анна Егорова Безсоновы миролюбно между собою согласились въ томъ, что Безсоновы обязались возратить Птицыну данную въ приданое съ покойною сестрою его лошадь, а Птицынъ, со своей стороны, обязался уплатить Безсонову за возвращеніе лошади деньгами 12 рублей въ два срока, а именно: на 8-е число ноября сего года 6 рублей и на 1-е число февраля будущаго 1869 года остальные 6 рублей.

Волостной судъ опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Степана Безсонова помянутую лошадь мерина, которую предоставить въ пользованіе крестьянина Павла Птицына, затѣмъ взыскать съ Птицына сказанныя деньги двѣнадцать рублей серебромъ въ вышеуказанные сроки, коими и удовлетворить Безсонова.

1868 года октября 30-го дня. Жалоба крестьянина Малошуйскаго селенія Онежскаго уѣзда Артемья Андропова объ отобраніи вещей отъ крестьянина Степана Липатова, бывшихъ у него на сохраненіи по случаю смерти дочери Андропова, бывшей за мужемъ за крестьянина Гаврилой Филимоновымъ, и оставшагося послѣ ея сына, —которыя должны нынѣ поступить въ наслѣдство ему Андронову.

Вещи, находящіяся на сохраненіи у Липатова, оставшіяся послѣ смерти дочери Андропова и сына ея Папылы, умершаго одного мѣсяца отъ роду, оказались по приложенной описи на лицо; но изъ нихъ гарусникъ, кумашникъ и красной платокъ употреблены на погребеніе младенца Папылы и на няньки женская рубашка. А потому Вачевскій волостной судъ, Онежскаго уѣзда, 4-го ноября постановилъ: оставшіяся вещи по описи отдать подъ присмотръ сельскаго старосты Малошуйскаго общества до уплаты Андроновымъ государственныхъ податей на вторую половину 1867 года и сей 1868 годъ, а равно и за выданныя сѣмена на посѣвъ; когда Андроновъ внесетъ эти недоимки, тогда староста Баевъ долженъ выдать Андронову эти вещи.

Какъ въ другихъ отдѣлахъ нашего труда, для ознакомленія съ юридическими понятіями прежняго времени и съ характеромъ рѣшеній духовнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, приводятся дѣла, разбиравшіяся въ здѣшнемъ духовномъ судѣ въ прошломъ столѣтіи, такъ и теперь приведемъ одно разбирательство, предметомъ котораго служить приданое, оставшееся послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей. Оно носитъ названіе: „Дѣло 1711 года съ просьбы вдовы Пелагіи Матвеевой о взысканіи приданнаго съ бывшаго зятя Холмогорца Ѳедора Янкина по смерти дочери ея“ ¹⁾. Просьба эта слѣдующая:

„Государю преосвященному Рафаилу, архіепископу Холмогорскому и Важескому, бьетъ челомъ и плачется вдова Пелагія Матвѣева дочь. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 710 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ

¹⁾ Изъ бывшаго архіерейскаго архива, находящихся въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ.

19-го числа, дочь моя Параскева, а бывшая жена Глинскаго посаду Ѳедора Янкина, волею Божіею въ рожденіи младенца преставися, а при смерти во исповѣди была того жъ посада у священника Максима, а до смерти своей она Параскева дочь моя за недѣлю дала мнѣ въ сохраненіе приданого моего имѣнія кокошникъ обьяринной насыпной съ золотомъ, обнизанъ жемчугомъ, и приказывала мнѣ, аще Богъ благоизволитъ въ той моей тяжести въ рожденіи смерть, и изъ того кокошника по цѣнѣ поправить по душѣ моей помяновеніе по церквамъ, и при той, она, Параскева, въ рожденіи младенца, при исповѣди, при отцѣ духовномъ и при мужѣ своемъ Ѳедорѣ приказывала все свое приданое поправить по душѣ своей въ помяновеніе и послѣ отца своего духовнаго, при мужѣ своемъ, она Параскева еще о томъ, съ подтвержденіемъ мнѣ, матери своей, приказывала о приданомъ имѣніи въ помяновеніе поправить, и тогда жъ именно при мужѣ своемъ приказывала отдать съ шубки своей тафту рудожелтую новую на Нижней посадѣ къ церкви Рождественской, на строеніе дьяконскаго стихаря, и для поминовенія прежде бывшихъ у тоя церкви сродниковъ своихъ; а жила она Параскева съ нимъ Ѳедоромъ мужемъ своимъ только четыре года и осталось отъ роду отъ нея съ нимъ Ѳедоромъ сынъ одинъ Иванъ двухъ лѣтъ, а что съ нею я, Параскевою, въ приданое отъ своего труда притяженное во вдовствѣ моемъ дала, и что по смерти ея Параскевы, заложа тожъ ея кокошникъ, гдѣ издержано по нея въ помяновеніе, подъ сею челобитнею написана роспись, и онъ Ѳедоръ прежде бывшій зять мой мене, старую вдову, (за то, что) для управленія по душѣ дочери моей Параскевы изъ того даннаго мнѣ кокошника учинила помяновеніе, съ великою онъ злобою и ругательствомъ мене бранить и поносить и о томъ мене безпомощную челобитьемъ разорить похваляется. Милостивый государь преосвященный Рафаиль, архіепископъ Холмогорскій и Вожескій, призри на мое безпомощное вдовство, которое я въ своемъ вдовствѣ отъ руководѣнія моего притяжала и съ дочерью моею Параскевою въ приданое, какъ за него Ѳедора идя замужъ дала, пожалуй, государь, благоизволи то мое приданое имѣніе, которое у него Ѳедора есть, ему ко мнѣ отдать и изъ того поправить за душу дочери моей въ помяновеніе. Государь смилуйся!

„Роспись приданому животу:

„Наборошникъ, въ немъ три золотника жемчюгу.

„Зарукавникъ, въ немъ два золотника жемчюгу.

„Да простаго жемчюгу золотникъ, изъ того построила она Параскева затыльникъ.

„Шубка, мѣхъ заечинной черевей, поволоченъ кумакомъ.

„Шубка каразейная красная съ пуговицы серебряными.

„Кумахъ на шубку.

„Сукникъ яренги новой.

„Триухъ обложень бобромъ, камки алой, круживо золотное.

„Тагты рудожелтой полпята аршина, и та тагта шита на шубку.

„Трои рукава полотняныхъ и прочего бѣлья, платковъ и рубахъ коробка.

„А живучи она Параскева при мужѣ своемъ изъ приданого моего имѣнія и отъ своихъ трудовъ построила кокошникъ жемчюжной, а тотъ жемчюгу изъ вышепомянутого моего даннаго наборошника и зарукавья пять золотниковъ, да сверхъ того въ прибавку положила жемчюгу изъ приданого жъ моего имѣнія въ продажѣ бѣлья: платы и рубашки, и къ тому строенію золота ей я давала жъ, а тотъ кокошникъ обьяри насыпной золотной, а ту обьярь я взяла въ долгъ у горожанина Ивана Андреева Звягина, въ цѣну двадцать-шесть алтынъ четыре деньги, и деньги ему и донныѣ не даны. Да она жъ Параскева построила при мужѣ своемъ наборошникъ жемчюжной отъ своихъ трудовъ, а въ тотъ наборошникъ взято жемчюгу у монахини Анны два золотника, за одинъ золотникъ дано цѣны два рубли, а за другой золотникъ полтора рубли—ей монахини и до нынѣ деньги не даны; да на шубку тафтаную взято кружива шелковаго двѣ полосы, цѣною въ пять алтынъ, а деньги еще и до нынѣ не даны. И то все приданое имѣніе и строеніе ей Параскевы, кромѣ кокошника жемчюжнаго, за нимъ Ѳеодоромъ Янкимъ, а кокошникъ жемчюжный, который сама она Параскева до смерти своей мнѣ въ соблюденіи дала, и я тотъ кокошникъ по смерти ея заложила за пять рублей и по приказу за душу ея помяновеніе отправляла, большого собора священнослужителемъ въ сеноникъ во вседневной дано рубль, да на сорокъ дней за просфоромисаніемъ поминать имъ же соборнымъ

дано четыре гривны, Успенскому священнику дана гривна, да въ сорокоустіе Глинскаго посада священникомъ дано рубль, а другой рубль имъ же священникомъ додать, на Нижній посадъ Рождественскому священнику дано въ помяновеніе полтина, да при погребеніи ея дано нищимъ рубль, да богадѣленнымъ нищимъ дано шесть алтынъ за чтеніе псалтири дано осмь алтынъ, Покровскому священнику дано гривна“.

Спрошенный, вслѣдствіе настоящаго челобитья, отвѣтникъ Янкинъ объявилъ, что „въ прошломъ 710 году жена его, при рожденіи младенца мучась, отцу своему духовному, Глинскаго посада священнику Максиму, грѣховъ своихъ исповѣдывалась, и лежавъ въ бани, скорбя, при немъ Ѳеодоръ, и въ то де время челобитчица теща его Пелагія, пришедъ въ баню, при немъ же Ѳеодоръ да при бабѣ повивальней, Никольскаго дворника*Василія Кирилова при матери, отвязавъ отъ нея, скорбной жены его, поясъ съ ключами и съ ворота отъ креста мошечку съ деньгами (а денегъ его было девять алтынъ, да колтушки изъ ушей серебряны), и тѣми ключами съ дочерьми своими замужними Ѳеодорою да съ Анною въ клѣтъ собою и ходили, и что приданого живота къ нему пришло, также которое и его пристрою пожитковъ на жену его положено было, все изъ клѣтки вынесли тайно; а тогда де въ домъ его стороннихъ людей никого не было, и при томъ случаѣ въ бани безъ тещи его жена его приказывала ему, что де есть ея приданого живота и его Ѳеодорова пристрою жемчужное кокошникъ низанъ по объяри, и то все у ней покладено въ клѣтку въ малой коробѣ, а та де малая коробка поставлена въ большей коробѣ, и чтобъ онъ Ѳеодоръ изъ тѣхъ пожитковъ приданныхъ ея продалъ три шубки, въ томъ числѣ сукню яренкову подержану, каразейникъ, куманникъ подержанные жъ, и тѣмъ, когда ей смерть влючится, и по смерть по душѣ ея тѣмъ поправилъ; а про тотъ приказъ вѣдомо вышепомянутому отцу духовному священнику Максиму въ томъ онъ Ѳеодоръ во всемъ на него священника и шлется; а достальное что ея приданого и его Ѳеодорова пристрою жемчужнаго и иной какой мелочи и останется, приказала она жена его, отходя свѣта сего, во владѣніе ему мужу своему Ѳеодору съ сыномъ ея малолѣтнимъ Иваномъ, потому что тотъ сынъ ихъ от-

цовскимъ и матернимъ статкамъ наслѣдникъ и живетъ у него отца своего, а не у ней челобитчицы, а такого де приказу при смерти ея жены его отъ ней при вышепомянутомъ отцѣ духовномъ и при немъ Ѳеодорѣ, чтобъ по смерти ея все приданое поправить по душѣ ея и, съ шубки тафту рудожелтую новую снявъ, отдать на Нижній посадъ къ Рождественской церкви на дьяконской стихарь не было и не отказывала; то де она челобитчица въ челобитѣхъ своемъ написала на нее дочь свою умершую не въ правду; въ томъ онъ Ѳеодоръ на него жъ священника и шлется жъ. А онъ де Ѳеодоръ челобитчицы тещи своей Пелагии при смерти жены своей и по смерти ея у себя въ домѣ и нигдѣ никакъ не бранивалъ и ничѣмъ не ругалъ. А какъ де жена его Ѳеодорова представилась, и учили ее обмывать, и тогда его Ѳеодора въ домѣ не было, былъ на базарѣ, и безъ него де Ѳеодора теща его Пелагее съ дочерьми своими, пошедь въ клѣть его по рубашку къ погребенію, и достальное все приданое свое и его пристрою кокошникъ отдала дочери своей Аннѣ, про то вѣдомо Глинскаго посаду Ѳеодора Шульгина женѣ его Парасковьи, да Ѳеодоси Макаровы дочери, да Марьи Евдокимовы, да Ѳеодоровы женѣ Сорокина Оксеньи. А по погребеніи жены его, отъѣдчи хлѣба, теща его, пошедь собою въ клѣть и изъ той клѣти вынесши приданую коробью въ сѣни и отомкнувъ ключемъ, которой ключъ съ поясомъ отъ жены его скорбною она отвязала, мелочное приданое все выбрать, и роздала дочерямъ безъ его Ѳеодорова приказу, и собравъ съ пересова приданные дочери своей сукню, кумашникъ, теплой каразейникъ, два треуха, при немъ Ѳеодорѣ и при сродцахъ его въ ту коробью и поклала, и ту коробью замкнувъ, и запечатала своею печатью, и ключъ къ себѣ взяла, и изъ дому съ мелочнымъ приданнымъ съ дочерьми своими и уѣхала нагло и внука де своего, а его малолѣтняго сына, тѣмъ всѣмъ помишала и хочетъ помишати и овсе. А кокошникъ де низаной жемчюгомъ его Ѳеодорова пристрою, а не жены его умершей, потому что онъ въ прошлыхъ годахъ, купя, привезши съ Подвинья опивку жемчюжную и осыпавъ, а по вѣсу было жемчюгу два золотника не сполна; да къ тому жъ жемчюгу давалъ онъ Ѳеодоръ женѣ своей на покупку жемчюга свои деньги, также на покупку обьяри и на всякой при-

кладъ разными дачами, и купя она жена его жемчюгу и прикладъ на его деньги и построила, а жемчюгъ и прикладъ и обьярь у кого она жена его покупала, того онъ подлинно не знаетъ, потому что онъ Ѳеодоръ тогда былъ въ морскихъ и въ иныхъ отъѣзжихъ промыслѣхъ, а на горожанина Ивана Звярина и на монахиню Анну Окулову по сему дѣлу слаться ему и не къ чему, потому что въ тотъ кокошникъ жены своей во всякій прикладъ и на жемчюгъ давалъ деньги онъ Ѳеодоръ съ избыткомъ, что выше объявлено; а приданое де наборошникъ и зарукавье послѣ вышепомянутаго кокошешнаго строенія жена его Ѳеодорова, осыпавъ жемчюгъ и тотъ жемчюгъ, да брачнаго его дара два полотенца, да рубашку кроену, только не шиту, да золота четыре золотника, продала съ общаго совѣту, за что онъ при брацѣ и о Паскѣ противу тещу и иныхъ сродниковъ отдаривалъ, и на тѣ деньги жена его Парасковья, купя жемчюгу покрупнае, наборошникъ и подзатыльникъ и построила, мимо тещу его челобитчицу Пелагею; а въ томъ новопостроенномъ его наборошникѣ жемчюгу вѣсомъ три золотника, а въ подзатыльникѣ полтретя золотника, и тѣ де наборошникъ и подзатыльникъ и семь перстней серебряныхъ да крестъ и колтушки и кокошникъ у ней челобитчицы, а не у него Ѳеодора“.

Роспись приданого имущества, приложенная отвѣтчикомъ, пополнена слѣдующими вещами:

Кокошникъ краснаго атласу съ золотными галунами.

Двой колтушки серебряные, однѣ съ плашками, а другіе скатками серебряными.

Затыльникъ на красномъ атласѣ, шить золотомъ.

Крестъ серебряной на шелковомъ дойтанѣ, золоченой съ пронизками серебряными.

Два платка дощенаго полотна съ кружевы золотными.

Два ящика съ полотняными платками.

Семь перстней серебряныхъ золоченыхъ женскихъ со ставками.

Изъ числа спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, повивальная бабка подтвердила только то обстоятельство, что челобитчица во время нахождения ея дочери въ бани отвязала отъ креста только мошоночку съ деньгами по приказу своей дочери, которая велѣла

находящіеся тамъ деньги отдать по смерти ея нищимъ въ бога-дѣльню. Глинскаго посаду священникъ Максимъ показалъ, что покойная жена Янкина во время исповѣди ея приказывала въ случаѣ ея смерти продать только три ея приданна шубки. Отно-сительно же спора о приданомъ, бывшаго между челобитчицей и отвѣтчикомъ по погребеніи Парасковьи Янкиной, свидѣтель по-казалъ согласно священнику Рождественской церкви Якову. А этотъ послѣдній заявилъ, что послѣ обѣда Ѳеодоръ Янкинъ, „вы-звавъ ихъ священниковъ въ сѣни и съ прочими сродниками, вы-несъ изъ клѣтѣ коробью съ женскими шубками и иною мелочью, которую разбирали и разсматривали съ тещой, и при этомъ осмо-трѣ между ними учинился споръ, и Янкинъ заявилъ, что теща обнесла его Ѳеодора портнами и рубашками; на что теща отвѣчала, что она хотя брала рубашки для мытья, во время беременности дочери, но возвратила ихъ обратно, а портень не брала; теща же его, взявъ изъ коробки красный кокошникъ съ галуномъ, бросила дочери своей Ѳеодорѣ и говорила, что тотъ кокошникъ ея. Мать умершей говорила свидѣтелю, что покойная ея дочь велѣла таф-тяной спорокъ съ шубки отдать по душѣ своей въ поминовеніе въ Рождественскую церковь для перешивки на дьяконскій сти-харь; но онъ священникъ такого не получалъ, а получилъ только отъ тещи въ поминовеніе по дочери деньгами полтину. Зять чело-битчицы, по погребеніи его жены, сулилъ дать въ поминовеніе по душѣ его жены ему священнику съ дьякономъ рубль денегъ, но ничего не далъ и сказывалъ имъ, что при смерти его жена ве-лѣла ему отдать съ каразейной шубки серебряныя пуговицы имъ священникамъ Максиму и Якову пополамъ на раздѣлъ, и послѣ того отговорилъ, что онъ тѣ пуговицы всѣ отдаетъ одному свя-щеннику Максиму, а ему въ то число, за пуговицы, дастъ день-гами; однако ничего ему и причетникамъ не далъ„.

Свидѣтельница вдова Афимья Ростовцева дала такое показаніе: „Какъ де челобитчицыну дочь погребши и отобѣдали, и по обѣдѣ у Ѳеодора съ челобитчицей учинился крикъ, и въ томъ крику Ѳе-одоръ являлъ всѣмъ людямъ, что теща его Пелагія его Ѳеодора раз-орила и обнесла приданое дочери своей и его пристрою всякіе по-житки портна и рубашки, и къ тому де теща его Ѳеодорова гово-

рила, что де портенъ и полотно она изъ дому его никогда ни для чего не вынашивала, а рубашки до смерти дочь ея отдала мыть, а кому именно, того она не говорила, и гдѣ де тѣ рубашки, про то она не знаетъ, а при осмотрѣ только въ коробьѣ явилось двѣ рубашки да двои рукава женскіе и два треушка и иная женская мелочь, и разбирая де она Пелагія, взявъ себѣ отъ мелочей въ руки, показавъ зятю своему, говорила: „это де не его ль зятне“, и то чинила не однова, и зять де ея, иное изъ рукъ выхватя, въ коробью жъ и бросалъ, а иное и себѣ теща его за пазуху клала, а что она объявляла и зять у ней изъ рукъ выхватилъ и за пазуху она клала, про то подлинно сказать—не знаетъ, потому что она человекъ старой и стояла отъ нихъ одалъ, а дѣтскую рубашку взявши, она Пелагія изъ коробьѣ и отдала дочери своей Ѳеодоры и ту коробью она челобитчица заперла и запечатала своею печатью, а ключъ взяла къ себѣ и ту коробью снесла и положила въ клѣтъ.

По выслушаніи свидѣтелей по этому дѣлу, была составлена выписка постановленій изъ Кормчей книги и гражданскихъ узаконеній о наслѣдованіи имѣнія послѣ умершаго супруга, оставившаго дѣтей: Кормчая, въ законѣ, Богомъ данномъ Моисею, глава 45, листъ 364 на оборотѣ ¹⁾; Закона градскаго, грань 1, гл. 49, листъ 459 на оборотѣ ²⁾; Леона царя и Константина гл. 8, листъ 498 на оборотѣ ³⁾,

¹⁾ „Рече Господь къ Моисею, къ сыновомъ Израилевымъ, да речеши глаголю: человекъ, аще умретъ, и сына не будетъ у него, да возметъ наслѣдіе его дщи его. Аще же не будетъ у него дщери, да дастъ я наслѣдіе брату его. Аще же не будетъ у него брата, да дасте часть брату отца его; аще ли не будетъ брата отца его, да дасте наслѣдіе ужицы его, или ближнему его отъ племени его причастити я“.

²⁾ „Егда скончается мужъ или жена безъ завѣта, ни единого же отъ восходящихъ и нисходящихъ или отъ сущихъ отъ страны, или законнаго, или роднаго не имѣста наслѣдника, тогда мужъ во все цѣло жены своея призывается наслѣдіе; и жена мужа своего да пріемлетъ“.

³⁾ „Аще ли влючится женѣ безъ дѣтей прежде мужа умерти, четвертую часть то: чію отъ всего, якоже речено есть; исповѣданнаго отъ нея пристроя въ своемъ пріобрѣтеніи удержати ему, и прочее полчетвертыя части таковаго пристроя къ наслѣдникумъ вдати конечнаго ея обѣщанія, или къ несобѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслѣдникумъ отдать“.

листъ 505, статья 5 ¹⁾; указъ великого государя—Соборное Уложение глава 17, статья 15 ²⁾.

На основаніи этихъ постановленій, архіепископъ Рафаилъ написалъ резолюцію: „челобитчицѣмъ отказать отъ дѣла, а пожитки всѣхъ матернин отдать наслѣднику съ роспискою“.

Послѣ сего была потребована въ духовный приказъ отъ Янкина коробыя съ приданнымъ и заведеннымъ имъ имуществомъ покойной его жены; осмотрѣно содержавшееся въ коробыѣ имущество, и составлена ему опись, а отъ матери умершей истребованъ кокошникъ по объяри золотной, низанный жемчугомъ. Коробыя съ имуществомъ отдана зятю челобитчицы, а кокошникъ самой челобитчицѣ, въ наслѣдіе сыну перваго, а внуку второй и „малолѣтшему Ивану до возраста его въ сохраненіе“.

Было уже упомянуто, что въ нашемъ краѣ издавна, со временъ Новгородскаго владичества ³⁾ до 1831 года, вслѣдствіе участковаго владѣнія землями, существовалъ обычай давать въ приданое земли. Объ этомъ обычаѣ мы собрали подробныя свѣдѣнія, какъ изъ преданій народныхъ, такъ и изъ письменныхъ источниковъ, и излагаемъ здѣсь эти данныя цѣликомъ. Считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ это сдѣлать, что старинный обычай готовъ воз-

¹⁾ „Завѣту же речено бысть отнюдѣ бывающу—аще родителя своя имѣють присныя чада, и едино отъ нихъ оставятъ безъ памяти, да разсудятъ послушати; и аще многажды обряхнутъ укоривше родителя, или ино что да устроение ея показавше, да пребываетъ недвижно родителю уставленіе. Аще ли по сотвореніи завѣта родится има чадо, рождѣшуся ему единому, прощеніе убо и благословеніе, съ таковымъ завѣтомъ да держатъ силу, рождѣшее же ся да выидеть съ прочю братією и да наслѣдуетъ“.

²⁾ „А будетъ послѣ котораго умершаго останутся дѣти, а братія ихъ или сестры учнутъ обидѣть ихъ, и отцова или матерни имѣнія учнутъ ихъ отлучать, и тѣмъ умершаго дѣтемъ имѣнія отца ихъ или матери раздѣлити по жеребьямъ, всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ.“

„Да въ прошломъ во 137 году, блаженныя памяти великій государь святѣйшій Филаретъ Ниничъ, патріархъ Московскій и всея Руси, указалъ вотчинныя родовые и за службы даные отдавати вотчинцамъ дѣтемъ сыну, а будетъ умершаго сына же будетъ, и тѣ вотчинныя дочерямъ“.

³⁾ Акты юрид., стр. 39, 40, 144.

родиться вновь между крестьянами, съ выкупомъ ими земель, какъ можно убѣдиться изъ примѣра, указаннаго выше (см. рядную № 13).

„Теперь такихъ *приданницъ* нѣтъ, какія были прежде, до перваго дѣлу“, говорилъ мнѣ одинъ старикъ-крестьянинъ изъ Мезенскаго уѣзда, — „прежде которыя *осталицы* имѣли свою деревню и домъ, тѣ принимали себѣ мужей или сами шли съ деревней и назывались *деревенщицами*; теперь, деревенщицъ нѣтъ“. Другой крестьянинъ, Холмогорскаго уѣзда, передавалъ такой случай: „Бого-явленскаго Ухтострова съ погосту крестьянинъ Антоновъ давалъ дочь за крестьянина Палехова, Гольцевской деревни; при сватовствѣ, между другими вещами, просили у него въ приданое *чебака* (женская мѣховая шапка), а у него чебака не было; такъ онъ отдалъ поле: На-те вамъ поле, вмѣсто чебака, сказалъ онъ. И нынче то поле по этому случаю называется чебакомъ“. Крестьянинъ Начаевъ, изъ Быстровурьи, сообщилъ слѣдующее: „Не однѣ *осталицы* получали въ приданое земли. Бывало и такъ, что дочери, по раздѣлу отца, доставалась земля на ряду съ сыномъ; иногда родители давали дочерямъ даже лучшія земли, нежели сыновьямъ. Если братья сами дѣлились по смерти отца, то они сестрамъ не давали земли, а обязывались сестру скрутить и выдать замужъ. А тѣ сестры, которыя получали земельные участки отъ родителей, иногда продавали свои земли братьямъ или сосѣдямъ, часто предпочитая послѣднихъ, если боялись, чтобы братья не обманули ихъ. Иногда дѣвушки вовсе не продавали земли, а *уносили* ее не только въ сосѣднія деревни, но и въ другія волости и даже въ сосѣдній уѣздъ“. То же замѣчаетъ и священникъ Дьячковъ о жителяхъ селенія Лямыцы, Онежскаго уѣзда, говоря: „Прежде выходящая въ замужество даже и изъ сосѣдней деревни неvěста переводила съ собою землю (сѣнокосную) на правахъ приданнаго; но нынѣ этого нѣтъ“. Даже въ 40-хъ годахъ одному бывшему окружному начальнику приходилось, по его словамъ, разбирать въ Архангельскомъ уѣздѣ дѣла между крестьянами о земляхъ, перешедшихъ, въ видѣ приданнаго, изъ одного селенія въ другое. Крестьяне, разумѣется, старались, въ особенности въ послѣднее время, о томъ, чтобы земли не выходили изъ предѣловъ своихъ селеній, и говорили, ворча

на женщинъ, которыя уходили съ землей въ другія селенія: „Она уйдетъ и землю унесетъ, лучше бы ее у себя оставить; развѣ жениховъ у насъ нѣтъ“. Оттого и пословица пошла: „земля съ собой не носится“. „А что земля уносилась, на это вотъ и примѣры вамъ“, говорилъ крестьянинъ Нечаевъ;— „въ дальнемъ волѣнѣ былъ у насъ родственникъ Артемій Черняевъ, который имѣлъ сына и дочь; когда онъ началъ давать дочь замужъ, то раздѣлилъ землю поровну между нею и сыномъ, при чемъ далъ въ надѣлю ей лучшую часть, безъ асоту. Дочь Артемія Черняева вышла замужъ за крестьянина Сорванова и унесла землю въ родъ Сорвановыхъ. Сынъ же Артемія, Ѳедоръ женился на моей бабушкѣ, которая вскорѣ осталась вдовою. Тогда Артемій Черняевъ усыновилъ себѣ моего дѣда Нечаева и женился на своей невѣсткѣ, вдовѣ, съ которой перешли къ намъ и земли Черняевскія. Такимъ способомъ, мы остались на корню, а тетка Сорванова ушла и землю унесла; этою землею и теперь владѣютъ ея дѣти, по надѣлу. А то еще былъ случай въ селѣ Быстрокурѣ. У крестьянина Антонова была дочь оставица; она получила въ приданое поля и сѣнокосную землю. Когда она выходила замужъ въ деревню Паленьгу, Пинежскаго уѣзда, за крестьянина Костина, то передъ свадьбою заложила моему дѣду деревню въ 50 руб., а послѣ уже, по выходѣ въ замужество, продала ее дѣду въ вѣчное владѣніе, получивъ еще 50 руб. И теперь эта земля находится у насъ по раздѣлу и называется Афимьинской, по имени продавицы Афимьи. Земля, унесенная въ другое селеніе, записывалась въ веревную книгу, и такимъ способомъ перечислялась туда, ибо *веревнѣ* (то-есть, веревная книга) имѣла силу. У насъ въ Быстрокурѣ у Комаровыхъ была пожня; когда дочь ушла замужъ въ село Чухчерьму, то записала ту пожню, доставшуюся ей въ приданое, въ веревную книгу, и пожня стала Чухчеремска навсѣгда; оттого и черезполосность пожней между селеніями. „Прежде“ заключилъ свой рассказъ крестьянинъ Нечаевъ, „давались на землю передаточныя записи отъ женъ мужьямъ, а не то женихи даже прежде брака заключали условія съ оставицами или съ родителями о приданой землѣ и требовали, чтобы родственники подписались; другимъ невѣстамъ съ деревней женихи даже давали деньги на свадьбу“.

Надобно полагать, что и въ прежнее время, какъ теперь, существовала значительная разница въ правахъ относительно приданого мужей, бравшихъ женъ въ себѣ въ домъ, или шедшихъ въ домъ жены; права первыхъ всегда ограниченнѣе, нежели послѣднихъ. Но и въ первомъ случаѣ особые договоры расширяли эти права, тогда какъ во второмъ суживали ихъ. То же самое относится и къ земельному приданому. Мы имѣемъ немало свидѣтельствъ о томъ, что жена, шедшая въ домъ мужа, свободнѣе распоряжалась своею землею, нежели жена принимавшая животника. Иногда жены сами продавали земли, только по согласію съ мужемъ. Такъ, въ сговорной записи 10-го іюля 1758 года, о продажѣ приданой земли крестьянскою женой, Волокопинежскихъ волостей, Нижнопаленской деревни, Евфиміей Костиной крестьянину Быстрокурской волости Митрофану Нечаеву написано, что „Ермила Тимофѣева сына Костина жена его Евфимія Степанова дочь *по совету съ мужемъ своимъ Ермиломъ* дали сіе сговорное письмо Быстрокурской волости крестьянину Митрофану Григорьеву сыну Нечаеву въ томъ, что продали *я Евфимія и съ мужемъ своимъ Ермиломъ* ему Нечаеву владѣнія своего, *я Евфимія* отца своего статковъ, бывшаго Стевана Фоминыхъ, *а я Ермилъ* остатковъ тестя своего, въ ихъ же Быстрокурской волости поле орамой тяглою земли званіемъ Ручьево..... *а продали мы Евфимія съ мужемъ своимъ Ермиломъ* то вышеписанное владѣніе ему Нечаеву въ вѣкъ и вѣрнѣ безъ выкупа, а цѣны радили *мы Евфимія съ мужемъ своимъ Ермиломъ* за то свое вышеписанное владѣніе семьдесятъ рублевъ денегъ, а деньги приняли при семъ сговорномъ письмѣ всѣ вручъ безъ остатка“. Изъ дѣла Холмогорской Нижней Расправы 1781 года объ отдачѣ крестьянской женѣ Кузнецовой, Ухтостровской волости, на выкупъ земли, проданной ея сестрою крестьянамъ Кузнецовымъ, видно, что крестьянская жена Старопопова сама продала доставшійся ей въ приданое земляной участокъ. Вотъ содержаніе этого дѣла. Въ 1758 году крестьянинъ Кузнецовъ завѣщалъ свои земли двумъ роднымъ дочерямъ и женѣ; одна изъ нихъ была выдана замужъ за крестьянина Поташева съ принятіемъ его въ домъ, другая за крестьянина Старопопова Волокопинежской волости, Пильегорской деревни, Пинежскаго уѣзда. По словамъ Поташевой, Старопопова въ 1772 году,

при вервленіи земель, отдала ей въ вѣчное владѣніе пожню осоты въ клочкахъ на пять волоковыхъ кучъ, а потомъ ту же пожню продала за пять рублей троюродному брату Кузнецову, съ приписью пятнадцати рублей, почему просила расправу предоставить ей право выкупить ту пожню за 5 руб. Старопопова же показала, что сестра ея Поташева завервила пожню, данную ей отцомъ въ поминовленіе души, подъ свое тягло, подъ имя своего свекра, назвавъ ложно собственною своею, почему ежегодно и уродившееся сѣно они снимали и тѣмъ тягломъ прикрывались отъ бобыльскаго оклада; поэтому она неоднократно предлагала Поташевой купить присвоиваемую ею пожню, но та, пообѣщавъ, послѣ долгой проволочки времени, отказалась; тогда она въ 1780 году отступила пожню троюроднымъ братьямъ Кузнецовымъ, съ условіемъ, чтобы они ежегодно давали ей на пропитаніе по пяти рублей. Холмогорская нижняя расправа, находя, что Старопопова владѣла пожнею по духовному завѣщанію отца до 1762 года, слѣдовательно, до публикации манифеста 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель, призналъ право Старопоповой на землю, съ такимъ заключеніемъ: „Хотя она Старопопова по жительству своему принадлежитъ другому селенію, но полюбовною отдачей поступилась свою пожню ближайшимъ по линіи родственникамъ, яко въ свой родъ; почему имъ Кузнецовымъ и владѣть пожнею, а Поташевой отказать“.

1810 г. февраля 15-го, крестьянская жена Моржегорской волости Варвара Выдрина, имѣя мужа, который „оставилъ ее во всемъ сиротствѣ“, . то-есть, заставилъ нищенствовать, сама поступилась своимъ приданнымъ земельнымъ участкомъ зятю своему и родной сестрѣ, съ полученіемъ отсыпи, съ тѣмъ чтобы мужу ея Федору Выдрину и дочери не вступаться въ тотъ участокъ.

Бывали даже случаи, что женщины, принимавшія къ себѣ въ домъ мужей изъ другихъ деревень, завѣщали свои земли дѣтямъ своимъ, помимо мужей. Такъ, въ 1769 году октября 1-го, Моржегорской волости крестьянка Ксенія Выдрина написала въ своей духовной росписи, что „отказала отца своего и дѣда деревенскій участокъ дѣтямъ своимъ Ивану, Анисіи и Аннѣ.... а ежели Господь Богъ изволить и дѣти мои помрутъ, то деревенскій участокъ въ церковную казну къ церкви Богоотецъ Акима и Анни отдать, а

мужу моему Якову пожилыя деньги погодныя отдать изъ церковной казны“.

Если жены животниковъ умирали вскорѣ послѣ брака, то зятя, принятые въ домъ родителями жены, часто не пользовались никакимъ приданымъ, не говоря уже о землѣ. Для обезпеченія себя въ этомъ случаѣ, они заключали съ членами прежней своей семьи, на примѣръ, съ братьями, сговорныя полюбовныя письма, въ которыхъ отказывались отъ своей доли въ имуществѣ отца, съ условіемъ получить только въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ и кое-какія вещи, при чемъ присовокупляли оговорку въ родѣ слѣдующей: „а ежели, паче чаянія, судьбой Божіей, у меня Якова нынѣ вскорѣ и до ревизіи жена моя помретъ, то принять тебѣ Ивану меня Якова въ домъ свой безпрепятственно“ (1811 г. февраля 2-го); или: „а если, паче чаянія, до истеченія трехъ лѣтъ жена у Ивана помретъ, и онъ у тестя жить не захочетъ, то брату Федору принять его на отцовское движимое и недвижимое имѣніе обратно, съ тѣмъ чтобы онъ и пожилые, слѣдующіе съ Харитоновъ (тестя) за каждый годъ по 100 руб. и весь надѣлокъ внесъ брату Федору“ (1816 г. февраля 12-го).

Чаще же зятя-пріемыши обезпечивали свои права на приданую землю и другое имущество вполне, такъ что, даже женившись вторично, они не утрачивали своихъ правъ на имущество, пришедшее съ первою женой; на примѣръ, въ полюбовномъ согласномъ письмѣ крестьянина Чулченемскаго села деревни Кениской Егора Ваганова, заключенномъ въ 1810 г. января 22-го съ крестьяниномъ Буяковской деревни, Василиемъ Баюновымъ и Афімьей Баюновой, первый, женившійся на дочери послѣдней и пришедшій къ нимъ въ домъ, выговорилъ себѣ права такъ: „а ежели у меня Егора законная жена моя Марья, не доживъ вѣку, умретъ, а дѣтей никого не останется, то вольно ему Ваганову въ наши пожитки понять другую жену, а намъ ни въ чемъ не препятствовать. Въ другомъ пріемномъ письмѣ 1826 года февраля 9-го, крестьянской вдовы Галушиной, принявшей зятя къ своей дочери на все движимое и недвижимое имущество, оговорено: „буде дочь моя помретъ, хотя и дѣтей не останется, но онъ, зять мой Кириловъ, на все то же самое имущество имѣетъ полное право (хотя бы пожелалъ) жениться на другой женѣ“.

Въ 1747 году крестьянинъ Сійской волости, Хоробрицкой деревни, Ваймугинъ, принявшій въ 1741 году въ свой домъ къ дочери зятя Ивана Трескина, поступилъ ему „и дочери своей Агафьи и внуку Василью деревенскимъ своимъ участкомъ“, съ обязательствомъ поить и кормить его Ваймугина, при чемъ устранялъ племянника и другихъ родственниковъ отъ притязаній на тотъ участокъ. Съ женою своею, дочерью Ваймугина, Трескинъ жилъ 35 лѣтъ и имѣлъ нѣсколько сыновей, которые при его жизни померли. Оставаясь въ домѣ своей первой жены, Трескинъ, послѣ ея смерти, вступилъ во второй бракъ, отъ котораго также имѣлъ дѣтей. Пользуясь землею, доставшеюся отъ первой жены, онъ въ то же время имѣлъ *преродную* землю въ Емецкомъ селеніи, въ которомъ былъ записанъ въ ревизію. Выборные Хоробрицкой деревни писали въ 1793 году, что „Ивану Трескину владѣть тою землею въ ихъ деревнѣ не принадлежить, такъ какъ онъ владѣтъ ею безъ родства, ибо у него отъ первой жены дѣтей ни мужеска, ни женска пола нѣтъ, и онъ женился на другой, да у него, кромѣ той, чрезвычайно много земли, и по ревизской сказкѣ записанъ въ Емецкомъ селѣ, гдѣ имѣетъ землю, также хлѣбъ и сѣно продаетъ повсягодно по Емечку“. Не смотря на это представленіе, Холмогорская нижняя расправа не отобрала земли отъ Трескина, основываясь на томъ, что онъ жилъ въ Хоробрицкомъ селеніи и владѣлъ землею въ теченіе 46 лѣтъ, притомъ же и родственники первой его жены, Ваймугины не вступались въ эту землю.

Свѣдѣнія эти мы заимствовали изъ дѣла Холмогорской нижней расправы, производившагося въ 1793 году о присвоеніи крестьяниномъ Рудаковымъ земли, принадлежащей крестьянину Ваймугину. Вотъ еще четыре дѣла той же расправы и уѣзднаго суда, знакомящія насъ съ обычаями относительно земельного приданого.

Въ 1785 году крестьянинъ Хаврогорской волости Данило Марковъ подалъ въ Холмогорскую нижнюю расправу прошеніе слѣдующаго содержанія: „Назадъ тому минуло лѣтъ 40 съ годовъ, какъ я, низайшій, понялъ себѣ въ жену Хаврогорской волости, деревни Епифановской, умершаго крестьянина Ѳедора Бушкова дочь, Парасковью. При взятіи ея въ замужество были въ живыхъ теща моя Ульяна и дочь

ея малолѣтняя Анна; и имѣлъ я, низжайшій, съ помянутою моею тещею договоръ, чтобъ мнѣ, низжайшему, по вступленіи въ означенное супружество, владѣть какъ въ хоромномъ строеніи, такъ и въ деревенскомъ участкѣ, котораго всего состоитъ 82 сажени и 4 чети, а другою половиною владѣть помянутой малолѣтней моею свойкѣ, а тещѣ съ моею стороны давать на пропитаніе ржи и жита, по половинѣ, 6 мѣрѣ, на корову сѣна и по два овина соломы въ годъ, притомъ довольствоваться обувью и одеждою; когда же помянутая свойка моя вздумаетъ итти замужъ, то отъ меня, низжайшаго, деревенскаго участка другимъ постороннимъ, кромѣ меня, во владѣніе не отдавать. А какъ помянутая теща умерла, свойка моя Анна, будучи въ возрастѣ, того жъ года вышла въ замужество той же Хаврогорской волости за крестьянина Михаила Григорьева, и половинный свой участокъ взяла во владѣніе къ себѣ и съ помянутымъ крестьяниномъ въ супружествѣ жила 14 лѣтъ, а въ прошломъ, 1783 году померла. Она же, свойка моя, до смерти своей, будучи въ болѣзни, вышеупоминаемой деревенскій участокъ чрезъ духовное письмо отказала племяннику своему, а моему сыну Василью. Но помянутый крестьянинъ Григорьевъ послѣ смерти своей жены, а моею свойки, деревенскимъ участкомъ владѣть сильно, меня, низжайшаго, написаннаго на тотъ участокъ тремя ревизскими душами, ко владѣнію не допускаетъ¹⁾. Вслѣдствіе этого Марковъ просить расправу отобрать участокъ отъ Григорьева и возвратить ему. Но прежде, нежели расправа рассмотрѣла это дѣло, тяжущіеся добровольно помирились между собою; „снискавъ въ сердцахъ своихъ правду“. Въ мировой ихъ между прочимъ сказано: „Хотя я, Григорьевъ, деревенскимъ участкомъ послѣ жены 2 года владѣлъ, но какъ послѣ жены моею наследниковъ никого не осталось, а у свояка моего Маркова имѣются дѣти, поэтому я и поступаюся свояку участкомъ, съ тѣмъ чтобы онъ отдалъ по душѣ жены моею, а его своячины, въ Соловецкій монастырь въ поминовеніе 2 руб. 50 коп. ¹⁾).

Иногда землями, данными въ приданое, завладѣвали свекры,

¹⁾ См. дѣло Холм. нижней расправы объ отобраніи отъ крестьянина Григорьева деревенскаго участка и отдачѣ оного Маркову 1785 г., по описи № 30.

устранивъ отъ владѣнія невѣстку и своего сына. Крестьянинъ Криведвой волости Иванъ Масловъ подалъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ прошеніе: „Назадъ тому времени минуло лѣтъ 20, какъ выдалъ я именованный свою дочь въ замужество той же волости и деревни своей Горничевской за крестьянина Степана Ѳедотова сына Маслова, Парасковью, съ которой и дано было въ награжденіе во владѣніе оному зятю сѣвчей земли разсѣвомъ ячменя на двѣ мѣры, сѣвнаго покосу на 30 кучь, а по веревной книгѣ состоитъ 10 сажень, съ таковымъ условіемъ, чтобы ему Степану давать мнѣ на пропитаніе хлѣба ржи 4 четверика, ячменя 6 четвериковъ да на харчи и обувь по рублю на каждый годъ, но означенный мой свать Ѳедотъ помянутаго моего зятя, а своего сына, Степана отдалъ за деньги, крестьянину Семену Нифантову для отдачи въ рекруты за семейство его Нифантова, назадъ тому минуло лѣтъ десять, послѣ же его дѣтей никого не осталось, а осталась только жена его Парасковья, а моя дочь, которой онъ отъ хлѣба отказалъ 1794 года, а награжденною мною землею съ дочерью Парасковьею владѣть и мнѣ еще по письменному договору 1780 года іюля 20-го дня слѣдующихъ еще не заплатилъ за 15 лѣтъ 15-ти рублей; и нынѣ оная моя дочь скитается и пропитывается мірскимъ подаваніемъ, да и онъ же ей по письменному условію съ 1794 года по три четверика ржи и ячменя на годъ не отдаетъ“. Поэтому Масловъ просилъ судъ изъ владѣнія своего свата: „за отдачею въ рекруты сына своего Степана, а моего зятя, награжденную землею съ дочерью Парасковьею мнѣ во владѣніе по прежнему возвратитъ и съ его взыскать за шесть годовъ слѣдующихъ моей дочери Парасковьи по учиненному условію по три четверика ржи и ячменя или что слѣдуетъ, по нынѣшней цѣнѣ деньги, а равно и мнѣ по письменному договору за владѣніе тою землею еще и не доплаченныхъ 15 рублей“. Холмогорскій уѣздный судъ, вслѣдствіе этой просьбы, предписалъ земскому суду, если просьба истца справедлива, то землю немедленно отобрать отъ отвѣтчика и „отдать въ полное Ивана Маслова владѣніе, какъ оная есть и была ему собственно принадлежащею, а ему, Ѳедоту, какъ уже у него сына нѣтъ, а отданъ имъ въ рекруты и дѣтей никого не осталось, ни почему не при-

надлежить, также и на счет хлѣба и денегъ удовлетворить просителя“¹⁾).

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣзднаго суда 1800 г. о неправильномъ отводѣ отъ крестьянина Курейской волости Спиридона Юрьева исправникомъ Ивановымъ земли съ насѣянными хлѣбомъ двоюродной сестрѣ Аннѣ Пискуновой видно, что родственники жены иногда отбирали себѣ земли, оставленныя родителями жены зятю и наслѣдникамъ, даже при дѣтяхъ мужскаго пола. Крестьянская вдова Анна Пискунова, на требованіе суда, дала показаніе, что отецъ ея вчератной, помѣтчикъ Курейской волости Никифоръ Юрьевъ, жителство имѣлъ въ деревни Гавриловской въ собственномъ своемъ домѣ вообще съ братомъ своимъ Андреемъ не въ раздѣлѣ, и какъ у отца ея мужскаго поколѣнія дѣтей не было, опричь ея и другой сестры Аксеньи, то отецъ ея, при жизни еще своей, принялъ въ домъ въ мужа ей, Анны, той же волости деревни Ботовской, крестьянина Ивана Пискунова, который и переѣхалъ изъ Ботовской деревни съ матерью своей, а ей-свекровкою, въ домъ тестя, въ которомъ и занималъ мѣсто хозяина въ распаханіи земель, а отецъ ея былъ въ то время боленъ и отдалъ мужу ея принадлежащую ему отъ брата его часть земли какъ пашенной, такъ и сѣнокошной, 16 сажень, на которую и духовную далъ; по умертвіи же отца ея, выдала она сестру свою Аксенью въ Быстрокурскую волость, и по выдачѣ жили всѣ вообще, какъ она съ мужемъ и свекровью, такъ съ дядей своимъ Андреемъ и двоюроднымъ братомъ Спиридономъ, а землю владѣли все тоже вообще и проживали до случившагося въ ихъ деревни пожара, а въ которомъ году, показать не знаетъ, а только знаетъ, что до пожара въ мѣстномъ домѣ жили 19 лѣтъ, гдѣ тогда уже дяди ея Андрея въ живыхъ не было, и раздѣлились съ братомъ двоюроднымъ Спиридономъ Юрьевымъ по разной постройки домовъ, а данная мужу ея духовная въ случившійся тогда пожаръ сгорѣла, но послѣ пожара еще владѣли тою землею 17 лѣтъ, а въ 1792 году по небытію въ домѣ двухъ сыновей ея и невѣстки, которые находи-

¹⁾ Дѣло Холмогорскаго уѣздн. суда о возвращеніи крестьянину Ивану Маслову отъ Федота Маслова насильно завладѣнной имъ земли 1800 г. № 240.

лись въ отлучкѣ въ С.-Петербургѣ, и когда мужа ея въ живыхъ уже не было, Спиридонъ Юрьевъ оную землю завладѣлъ, а по какому повелѣнію или отводу—она не знаетъ; съ мужемъ своимъ она жила 30 лѣтъ, а безъ мужа живетъ 15 лѣтъ, а хоша у мужа ея и была въ деревни Ботовской земля, посѣву на полторы мѣры, а какъ онъ изъ той деревни вышелъ въ домъ отца ея, то по отдаленности и малоимѣніи земли той и продалъ ее крестьянину Ивану Ильину. Двѣнадцать человѣкъ крестьянъ подтвердили, что дѣйствительно Никифоръ Юрьевъ съ женою своею, по неимѣнію у нихъ мужскаго пола дѣтей, взялъ въ домъ свой къ дочери Аннѣ въ мужа, крестьянина Ивана Пискунова на такомъ положеніи, чтобъ ему Пискунову всѣмъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, при нихъ и по ихъ смерти, владѣть и управлять, а по смерти его наслѣднику его и всему потомству вѣчно. Крестьянинъ же Спиридонъ Юрьевъ, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ, писалъ, что „въ 1792 году мірское наше общество отвело родственную мнѣ во владѣніе пашенную и сѣнокосную землю, состоящую въ деревнѣ Гавриловской, владѣемую прежде сего сестрою двоюродною Анной Никифоровой дочерью, которая выдана была деревни Ботовской, состоящей отъ нашей въ шести верстахъ, за крестьянина Ивана Пискунова, и по смерти его осталось два сына, и оную землю запустили, каковую, по отдачѣ мнѣ обществомъ, возстановилъ своими трудами и владѣлъ до сего году, оплачивая съ ней какъ государственныя подати, такъ и прочіе мірскіе расходы бездоимочно; а сего года въ маѣ мѣсяцѣ за отлучкою моею для промыслу рыбы въ море, не знаю съ какого повелѣнія земскій исправникъ Ивановъ отвелъ оную землю паки означенной сестрѣ двоюродной Аннѣ Никифоровой, перешедшей въ нашу деревню на подворье“; поэтому Юрьевъ просилъ судъ признать землю за нимъ, какъ родовую. Какъ бы рѣшилъ уѣздный судъ это дѣло, положительно не извѣстно, такъ какъ и оно, и другія дѣла между крестьянами о земляхъ, на которыя не было особливыхъ дачъ и законныхъ крѣпостей, были, вслѣдствіе предложенія губернскаго прокурора, производствомъ вовсе прекращены. Но можно полагать, основываясь на другихъ рѣшеніяхъ уѣзднаго суда, что судъ оставилъ

бы эту землю за Пискуново, такъ какъ она владѣла ею 36 лѣтъ, въ томъ числѣ 10 лѣтъ до изданія манифеста 20-го октября 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель и межевой инструкціи 1766 года. Обыкновенно судъ въ своихъ рѣшеніяхъ о спорныхъ земляхъ придерживался буквально 4-го пункта манифеста 1765 года, въ которомъ сказано: „Никому какъ владѣльцамъ и городамъ, такъ и однодворческимъ и прочимъ всякаго безъ изъятія казеннаго вѣдомства селамъ, слободамъ и деревнямъ отнюдь не распространять отнынѣ владѣнія земель своихъ за тѣ границы, въ которыхъ публикація сего манифеста каждого застанетъ, кромѣ особливыхъ на то указовъ, покупокъ и другихъ указныхъ дачъ или полюбовныхъ раздѣловъ, но паче всякому оставаться въ прежнихъ предѣлахъ, ожидать спокойно государственнаго размежеванія“.

Въ вышеупомянутой межевой инструкціи 1766 года есть между прочимъ двѣ статьи, относящіяся до поземельнаго приданаго у чернососныхъ крестьянъ сѣверной Россіи. Тамъ положительно сказано, что земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, между наследниками и женами на части не дѣлить и за дочерями, выходящими въ замужество за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ другихъ селеній, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ онны примезеваны будутъ (пунк. 8), и если послѣ которыхъ государственныхъ крестьянъ сыновей не останется, а останутся дочери и выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ, принадлежавшихъ умершимъ, то земли сіи отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а земли, бывшія за такими, вступившими въ бракъ, крестьянами въ селеніяхъ, къ которымъ они принадлежали, оставлять въ пользу прочихъ жителей тѣхъ селеній (пунк. 9) ¹⁾. Этотъ законъ на практикѣ часто обходился даже судебными мѣстами, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше дѣлъ, въ особенности изъ дѣла 1793 г. между крестьянами Ваймугинымъ и Рудаковымъ, и обычай уносить земли существовалъ до

¹⁾ Исторія Росс. гражд. законовъ, *Неволина*. Спб. 1858 г., ч. II, кн. 2, стр. 311.

1831 года, не смотря на то, что онъ иногда встрѣчалъ противо-
дѣйствіе со стороны мірскихъ обществъ. Другой обычай, воспре-
щенный приведенною статьей межевой инструкціи, отдавать въ
приданое крестьянскія тяглыя земли за дочерями, выходящими въ
замужество за людей другого званія, также существовалъ на прав-
тикѣ долго послѣ обнародованія инструкціи; но противъ него
были принимаемы болѣе строгія и рѣшительныя мѣры, какъ мы
увидимъ изъ нижеслѣдующихъ судебныхъ дѣлъ.

Въ дѣлѣ о владѣніи Архангельскими и Холмогорскими купцами
и мѣщанами деревенскими участками, производившемся въ Хол-
могорской нижней расправѣ въ 1791 году, упоминаются четыре лица
не крестьянскаго сословія, владѣвшія тяглыми землями, получен-
ными ими или ихъ предками, въ видѣ приданого, отъ крестьянъ.
Объ этихъ земляхъ тамъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Архан-
гелогородскій мѣщанинъ Худяковъ, по собственному показанію,
получилъ по духовной, составленной въ 1753 году, отъ роднаго дѣда
по матери, Холмогорской округи, Борисоглѣбской Матигорской во-
лости, крестьянина Ѳедота Тархова, земельной участокъ въ той же
волости и владѣлъ имъ слишкомъ тридцать лѣтъ, но 1786 году той
же волости крестьянинъ Михайло Тарховъ, который его дѣду Ѳедоту
будетъ племянникъ двоюродный, завладѣлъ его природнымъ участ-
комъ, чрезъ что нанесъ ему нестерпимую обиду.“ По словамъ же
Михайла Тархова, онъ отобралъ упомянутый участокъ отъ Худя-
кова, какъ ближайшій наслѣдникъ, и потому еще, что Худяковъ,
состоя мѣщаниномъ, не долженъ пользоваться крестьянскими зем-
лями, тѣмъ болѣе, что жена его, Худякова, выдана была Ѳедотомъ
Тарховымъ въ замужество съ хорошимъ надѣлкомъ.

При производствѣ дознанія по настоящему же дѣлу о земляхъ,
владѣемыхъ купцами и мѣщанами, у Архангельскихъ мѣщанъ
Михайла и Ивана Ѳедоровыхъ Пругавиныхъ оказалась во владѣніи
земля въ Борисоглѣбской Матигорской волости, на которую они
не могли представить документовъ; но изъ находящагося при
дѣлѣ духовнаго завѣщанія Холмогорца, посадскаго человѣка Ивана
Пругавина, составленнаго въ 1719 году видно, что она досталась ему
въ видѣ приданого за женой его, крестьянкой Матигорскаго се-
ленія, и при смерти Пругавина была завѣщана ей же. „А что есть

Божія милосердія святихъ иконъ“, сказано въ завѣщаніи, „приданныхъ за женою моею, образъ Всемиловитоваго Спаса въ деисусѣ подъ окладомъ серебрянымъ гладкимъ, да два образа: одинъ Пресвятой Богородицы, другой Іоанна Предтечи на краскахъ, образъ Воскресенія Христова подъ окладомъ серебрянымъ, образъ Богоявленія Господня, образъ Пресвятой Богородицы Владимірскія, образъ живоначальныя Троицы, въ моленіи Антоній Сійскій чудотворецъ, образъ Николая чудотворца, образъ Алексѣя чловѣка Божія, всѣ подъ окладомъ серебрянымъ, да посуды приданой же шесть блюды оловянныхъ, да котелъ долгой мѣдной, три мѣденика, дюжина стакановъ оловянныхъ, также и у жены моей что есть жемчужной серебряной кузни и платья приданого жъ и моего Иванова платья: шубка отласная теплая на бѣлье мѣху съ кружиномъ серебрянымъ, двѣ шубки камчатыхъ теплыя жъ на песпахъ, шубка холодная, кармазинная красная, двѣ шубки китаечныя, одна шубка киндяшная, трехъ соболей, другой куней, да дворъ, что на Холмогорахъ на Николаевскомъ посадѣ, со всякимъ хороннымъ строеніемъ и съ подворною землею, и съ амбаромъ, и съ пашенными полями, что въ Загорскомъ стану, да въ Двинскомъ уѣздѣ въ Матигорской волости въ Борисоглѣбскомъ приходѣ дворъ съ хороннымъ строеніемъ, и съ подворною, и пашенною землею, и сѣнными покосы, которыми владѣлъ тесть мой покойной Алексѣй Пенегъ, и тѣми вышписанными святими иконами и посудою и жемчужной, и серебряной кузнью. и платьемъ, и дворами, что на Холмогорахъ и въ Матигорской волости, съ хороннымъ строеніемъ, и съ подгорными, и пашенными землями, и амбаромъ, и сѣнными покосы, владѣтъ всѣмъ женѣ моей Стефанидѣ Алексѣевѣ дочери, а племянникомъ моимъ, вышписаннымъ Ѳеодору и Михаилу, въ то ни во что не вступаться и не отымать и никому дѣла нѣтъ“. Какимъ образомъ упоминаемая здѣсь земля перешла отъ жены Ивана Пругавина къ сыновьямъ его племянника Ѳеодора, изъ дѣла не видно.

У Ѳеодора Баженина, Архангельскаго купца, также была покупная земля отъ Устюга Великаго посадскихъ людей Королевыхъ, къ которымъ она пришла въ видѣ приданого. Въ купчей крѣпости Королевыхъ между прочимъ написано: „Лѣта 1710 октября въ 18 день Устюга Великаго посацкіе люди Иванъ Анисимовъ

сынъ и Петръ Лукинъ сынъ Королевы и вмѣсто сестры своей дѣвицы Ульяны Анисимовыхъ дочери Королева продали есмь и поступились гостинные сотни Ѳеодору Андрееву сыну Баженину въ Двинскомъ уѣздѣ къ тяглымъ его орамымъ и сѣновоснымъ землямъ и къ угодьямъ во владѣніе станки упокойныхъ дѣда моего Иванова и сестры моей Ульяны, а моего Петрова свата, гостинные жъ сотни Дорофѣя Прокопѣева сына Мелцова и жены его бабушки нашей Ивановой и Ульянины, а моей Петровой сваты, Акилины Савины дочери Комарова, чѣмъ по смерти ихъ владѣли отецъ нашъ Ивановъ и сестры моей Ульяны, а мой Петровъ двоюродной братъ Устюжанинъ же, посацкой человѣкъ Анисимъ Ивановъ сынъ Королевъ, и мати моя Иванова и сестры моей Ульяны, а моя Петрова невѣстка Татьяна Дорофѣева дочь Мелцова, и по ихъ мы Иванъ и сестрою своею Ульяною и я Петръ Королевъ же, спомогая имъ, владѣли“.... Въ поясненіе приведенной выписки. надобно сказать, что крестьянинъ Матигорскаго селенія Николаевскаго прихода Савва Комаровъ, выдавъ дочь свою Акилину за Холмогорца, гостинныя сотни Дорофѣя Мельцова, отдалъ за нею въ приданое землю въ томъ же селеніи Матигорахъ. Послѣ смерти Дорофѣя и Акилины Мельцовыхъ, земля эта перешла по наслѣдству къ дочери ихъ Татьянѣ, вышедшей замужъ за Устюжанина Анисима Королева, а отъ послѣднихъ къ имъ дѣтямъ Ивану и Ульянѣ и двоюродному брату Анисима, Петру Лукину Королеву, которые и продали ее Баженину. Въ томъ же дѣлѣ упоминается о владѣніи Холмогорскимъ купцомъ Иваномъ Никифоровымъ землею, полученною имъ въ видѣ приданого за женою, дочерью крестьянина Симанова. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ не оказалось рѣшенія, и мы не знаемъ, какое послѣдовало постановленіе суда на счетъ земель, приобрѣтенныхъ посадскими людьми отъ крестьянъ вообще, и въ частности—на счетъ полученныхъ въ приданое. Если можно основываться на рѣшеніи суда позднѣйшемъ, именно 1802 года, по дѣлу о раздѣлѣ земли, оставшейся послѣ смерти крестьянина Расходовской деревни Ѳеодора Симанова на крестьянъ той же деревни, то слѣдуетъ думать, что приданныя земли были отобраны отъ посадскихъ людей.

14-го августа 1800 года Архангельскій мѣщанинъ Иванъ Ники-

форовъ подалъ въ Холмогорскій уѣздный судъ слѣдующую просьбу:
„Назадъ тому годовъ съ девять, бывъ я въ Холмогорскомъ посадѣ въ числѣ посадскихъ гражданъ, женился на оставшейся послѣ покойнаго Нижне-Матигорской волости крестьянина Оедора Алексѣева сына Симонова дочери дѣвицѣ Натальи Оедоровой, которая послѣ отца своего и дѣда обще съ матерью своею владѣла оставшимся послѣ отца какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, яко то: пашенною и сѣнокосною землею, покупною, до состоянія еще запрещенія, у разныхъ людей, дѣдомъ и отцомъ, а равно и матерью жены моею, по крѣпостямъ, писаннымъ и совершеннымъ у крѣпостныхъ дѣлъ: 1-ю—въ 1749 годѣ апрѣля въ 10 день Борисоглѣбской Матигорской волости у священнической жены, вдовы Марьи Баранкѣвой съ дѣтьми, полемъ называемымъ на Куричьей горѣ, за 40 рублей; 2-ю—въ 1751 годѣ декабря въ 16, Николаевской Матигорской волости у крестьянина Якова Титова подъ названіемъ Большое и съ набережьемъ, лежащее въ Борисоглѣбской Матигорской волости, за 140 рублей; 3-ю—въ 1757 годѣ февраля 22-го дня, у Холмогорскаго посадскаго человѣка Аванасья Ерюхина, пожнею подъ названіемъ Дмитріевою, лежащую въ той же волости, за 100 рублей; 4-ю—въ 1765 годѣ марта въ 23 день той же волости бывшаго церковнаго дьячка Семена Васильева Попова, у жены вдовы Овдотьи Максимовой, полемъ подъ названіемъ на Куричьей горѣ, за 12 руб. 15 коп.,—которыми землями жена моя и послѣ смерти матери своей, бывъ за мной, владѣла, яко наслѣдственнымъ и оставшимся послѣ отца, по духовной, имѣніемъ и яко крѣпостное по крѣпостямъ, по силѣ указа 7205 года февраля 21-го дня, всѣмъ безъ изыятія безъ всякаго отъ кого-либо спору безпрекословно, а послѣ смерти ея съ 1797 года и я именованный съ сыномъ моимъ Андреемъ, родившимся отъ означенной покойной жены моею, яко настоящимъ послѣ ея наслѣдникомъ, и по оставшейся отъ нея духовной безъ всякаго отъ кого-либо спору, платя съ той земли въ міръ надлежащія подати бездонимочно. Но въ 1799 году двоюродный дядя покойной жены моею, тое жъ Нижнематигорской волости крестьянинъ Иванъ Васильевъ сынъ Симановъ, вступая якобы по наслѣдству въ означенныя купленные дѣдомъ, отцомъ и матерью жены моею земли, подав-

нимъ въ Архангельское губернское правленіе прошеніемъ просилъ, чтобъ имѣнныя на показанныя земли крѣпости хранящіяся у меня, якобы писанныя на общее имя покойнаго тестя моего Федора съ братомъ Васильемъ, а его Ивана отцомъ отъ меня отобрать и ему отдать и повелѣть землею, яко настоящему наслѣднику, владѣть, а мнѣ съ сыномъ отказать, по которой просьбѣ губернское правленіе указомъ предписало Архангельскому городскому магистрату, чтобы онъ отъ меня означенныя на крестьянскія земли крѣпости, буде подлинны ихъ у себя безъ всякаго законнаго права удерживаю, немедленно отобрать, отослать для отдачи, кому онѣ по справедливости принадлежатъ. Городовой же магистратъ, отобравъ отъ меня надлежащее по сему предмету объясненіе и отобравъ подлинныя на означенныя земли крѣпости и данныя отъ отца женѣ моей, а отъ жены съ сыномъ мнѣ духовныя, вошедъ въ подробное сего дѣла разбирательство, и наконецъ, постановленнымъ въ 11-е число іюня прошлаго 1799 года опредѣленіемъ заключилъ мнѣ съ сыномъ моимъ отъ владѣнія показанныхъ земель отказать, а предоставить оныя въ пользу и владѣніе просителю Симанову или кому по праву принадлежать будутъ, однако съ платежемъ за оныя по крѣпостямъ денегъ, даваемыхъ дѣдомъ и отцомъ и матерью покойной жены моей, безъ всякой помощи означеннаго просителя Ивана, отца, Василья Симанова, какъ точно сами тѣ крѣпости утверждаютъ. Но такъ какъ Симановъ опредѣленныхъ ко взысканію денегъ по крѣпостямъ не уплатилъ, то Никифоровъ просилъ уѣздный судъ войти въ разсмотрѣніе этого дѣла и сдѣлать ему удовлетвореніе. Судъ же рѣшеніемъ своимъ 1802 года мая 3-го постановилъ: „Оной Никифоровъ, женись на покойной Натальи Симановой, состоялъ Холмогорскаго общества гражданиномъ, котораго за силою узаконеній 1765 года сентября 19-го дня манифеста 1766 года мая 25-го дня межевой инструкціи, 19 гл. 2 пункт. 20 гл. 4, 6 и 10 пункт., и указовъ 1782 года іюля 11-го, 1785 г. мая 16-го, правительствующаго сената, подтверждающаго 1782 года указа 1801 года іюля 30-го, никакое право на тѣ земли не простиралось, равно какъ и на его сына, рожденнаго отъ него въ состояніи гражданина, но не болѣе того и самая жена его Наталья Симанова, за силою той же межевой инструкціи 20-гл.

12 пунк., какъ скоро выйдетъ за Никифорова замужъ, имѣла право на владѣніе реченными землями, а если бы и хотѣлось ей воспользоваться значущими за землями въ крѣпостяхъ деньгами, то тогда же бы, при выходѣ ея замужъ, надлежало учинить въ разсужденіе сего или съ Иваномъ Симановымъ дядею своимъ, или по отреченію его отъ сего, съ кѣмъ-либо другимъ изъ крестьянъ Нижноматигорской волости, и той самой деревни, гдѣ она жительствовала и земли состоятъ съ вѣдома общества Матигорскихъ крестьянъ, сдѣлку или какое условіе, единственно въ разсужденіи земли, которая безотъемлемо должна была остаться въ пользу того селенія и во владѣніе того, кому общество надъ оными землями владѣть предоставило бы, чего теперь за прошествіемъ десяти лѣтъ, хотя бы то и можно было, по силѣ указа 1787 года іюля 28-го, допустить и не можно, а по всѣмъ симъ прямымъ и законнымъ причинамъ онѣй Никифоровъ съ сыномъ какъ не состоялъ тѣхъ земель наслѣдникомъ, такъ и слѣдовательно къ полученію по крѣпостямъ денегъ никакого права не имѣлъ и не имѣеть“.

Этимъ не окончились дѣла о земляхъ крестьянъ, поступившихъ въ видѣ приданого къ гражданамъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Около 1808 года, при размежеваніи Холмогорскихъ городскихъ земель отъ крестьянскихъ, землемѣръ, посланный съ этою цѣлью Архангельскимъ губернскимъ правленіемъ, „открылъ, что за градскимъ выгономъ изъ гражданъ за 8-ю человѣками имѣется сѣнокосная земля во владѣніи, въ крестьянскихъ дачахъ, по разнымъ волостямъ, въ пяти мѣстахъ всего 9 десятинъ 2362 сажень“. Изъ числа упомянутыхъ владѣльцевъ мѣщанинъ Кулаковъ владѣлъ землею, доставшеюся его женѣ по раздѣльной записи, совершенной въ 1766 года іюля 21-го дня въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ; эта записъ дана „отъ жены Куростровской волости крестьянина Герасима Шерыпина, Парасковьи, дочерямъ ея, рожденнымъ отъ перваго мужа, Николаевской Матигорской волости крестьянина Попова, находящимся въ замужествѣ, первой—Аннѣ, за Холмогорскимъ посадскимъ человѣкомъ Федоромъ Кулаковымъ, а второй—Марей, Двинскаго уѣзда Курейской волости за крестьяниномъ Михайломъ Скрыповымъ, въ томъ, что отдала она въ вѣчное владѣніе доставшагося ей отъ перваго ея мужа часть недвижимаго имѣнія—сѣн-

*

наго покосу, состоящаго въ Матигорской волости, а именно: Аннѣ, пожену званьемъ Логушу, а Марѣѣ пожену жъ званьемъ за Плогушимъ въ Бояркурьѣ". Сенатъ, при утвержденіи межеваго плана Холмогорскимъ землямъ въ 1814 г., постановленіемъ своимъ, состоявшимся въ 1814 году, опредѣлялъ: упомянутыя земли отобрать отъ гражданъ и оставить ихъ внутри волостей, среди коихъ онны находятся ¹⁾.

Въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ, кромѣ показанныхъ дѣлъ, производилось еще съ 1798 по 1800 г. дѣло по прошенію жены отставнаго сержанта Марен Зайковой о надѣленіи ея земель, которое имѣло предметомъ также землю, данную въ приданое. Жена отставнаго сержанта Якова Зайкова, Марѣа Иванова, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ Холмогорскій уѣздный судъ, изъясняла: „Назадъ тому лѣтъ съ 14, отецъ мой родной, здѣшней округи Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Рычковъ, отдалъ мнѣ, за немѣнѣемъ здѣсь у него мужеска поля дѣтей, для владѣнія, доставшуюся ему отъ прародителей пашенную и сѣнокосную землю, съ тѣмъ чтобъ давать ему для свободнаго, гдѣ онъ пожелаетъ, жительства, плакатныя пашпорты и оплачивать за него государственныя подати и всякія нести мірскія, съ прочими на равнѣ тягости; по смерти же его, если кто будетъ вступаться въ оную землю изъ родственниковъ его, то дали бы мнѣ, вмѣсто приданаго, въ награжденіе подлежащую часть деньгами, потому что я выдана въ замужество не имъ самимъ, а Архангельскимъ купцомъ Зыковымъ и другими матери моей родственниками; оною землею и по смерти отца моего владѣла годовъ съ семь, безъ всякаго какъ той волости мірскихъ людей, такъ и ближнихъ родственниковъ спору, съ которой земли, а равно и за душу отца моего до послѣдней переписи оплачивала въ мірѣ всѣ государственныя и протчія подати бездоимочно, да и нынѣ оплачиваю тожъ мірскія тягости, наравнѣ съ прочими. Нынѣ же, вступаясь той Куростровской волости крестьянинъ Яковъ Васильевъ сынъ Рычковъ, отнимаетъ, безъ всякаго по завѣщанію родителя моего

¹⁾ Указъ Арх. губ. правленія Холмог. нижн. земск. суду 15-го окт. 1814 г., изъ Архива Матигорской земской избѣ.

награжденія, и вынѣшняго лѣта насѣяться не даетъ; прочіе же ближайшіе мои родственники, Григорій Рычковъ и Степанъ Супаловъ, на коихъ я и шлюся о владѣніи мнѣ тою землею, такого прекословія и спору не имѣютъ". Вслѣдствіе этого, истица просила уѣздный судъ приказать оставить за нею ту землю до размежеванія земель, въ случаѣ же законнаго спору Рыčkова, или кто тою землею будетъ владѣть, дать ей по завѣщанію отца, вмѣсто приданого, деньгами, что по узаконеніямъ будетъ слѣдовать. Судъ постановилъ: означенную землю, дошедшую отцу истицы по просроченной закладной, данной ему въ 1734 году отъ капитанши Катерины Воробьевой и засвидѣтельствованной въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, слѣдовательно, не родственную, а самими приобрѣтенную, безъ прикосновенія прочихъ именъ Рычковыхъ, въ сходственность Уложенія 10 гл. 196, 247; а также и 17 гл. 31 и 33 ст., равно и по силѣ указовъ 7205 февраля 21-го, яко крѣпостную по крѣпостямъ, и 1765 году сентября 19-го, какъ издавна за крестьяниномъ Иваномъ Рычковымъ, а послѣ его и за просительницею дочерью его состоящую, утвердить впредь до генеральнаго земель размежеванія за нею Зайковой, которую ей и возвратитъ въ полное владѣніе и съ насѣянными на оной въ прошломъ 1798 году хлѣбомъ и съ уродившимся сѣномъ; впрочемъ же не отъѣмется отъ нихъ и сія воля, буде пожелаютъ, чтобы и оною крѣпостною землею владѣть, то бы полюбовно съ означенною Зайковой условясь, съ обѣщаніемъ ей вмѣсто приданого заплатить по учиненному согласію деньги". Однако это рѣшеніе было отмѣнено въ слѣдующемъ году Архангельскою палатою суда и расправы, которая постановила отобрать землю отъ Зайковой и отдать Рычковымъ, на основаніи 12 пун. 20 гл. межевой инструкціи 1766 г., которую воспрещалось давать земли государственныхъ крестьянъ въ приданое за дочерьми, выходящими замужъ за лицъ другого званія.

Основываясь на приведенныхъ фактахъ относительно земельного приданого, можемъ сказать, что обычай на счетъ права распоряженія и наслѣдованія супруговъ этого рода приданнымъ были весьма разнообразны, и что они почти всегда выражались въ брачныхъ договорахъ и другихъ документахъ, замѣнявшихъ родъ крѣпостныхъ актовъ на недвижимое имущество. Можно однако полагать,

что земельнымъ приданымъ распоряжался больше мужъ, нежели жена, по причинѣ той подчиненной роли, какую играла жена въ семействѣ; такимъ образомъ, обычное выраженіе купчихъ вѣрностей, что мужъ продаетъ земли *по согласію* съ своею женой, часто также могло быть одною формальностью. Но все таки поземельное приданое, какъ нелегко сбываемое, могло служить болѣе вѣрнымъ источникомъ обезпеченія для жены, въ случаѣ смерти мужа, расходовъ и т. п., нежели всякій другой надѣлокъ.

И въ болѣе отдаленныя времена, напримѣръ, въ XIV и XV вв., въ Двинской землѣ не было однообразія въ обычаяхъ, касавшихся правъ супруговъ на распоряженіе недвижимымъ имуществомъ. Такъ, по актамъ видно, что въ одномъ случаѣ приданая вотчина продается обоими супругами: „Се купи Василей Филимоновичъ и Евсѣй Онаньинъ у Ѳеодоры у *Григорьевы дочери и у ея мужа* у Ѳеодора у Ѳеодоровича, село земли на Ижмѣ, Фофановское, отчину ея, дворъ и дворщице, орамыи земли и съ притеребы, и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села, и полѣшій лѣсъ, и бобровыи ловища, и въ томъ участокъ, у Ижемьского кола шестая часть, со всеми угодьи, гдѣ ни есть, все безъ вывѣта, что Ѳеодоръ дали братья Аврамъ и Яковъ, отчину свою, Ижемьское село со всемъ володѣньемъ. А далъ Василей Филимоновъ и Евсѣй Ананьинъ на томъ селѣ Ѳеодоръ Григорьевъ дочери и еѣ мужу Ѳеодору Ѳеодоровичу девять сороковъ бѣлѣки, а пополонка кура“ ¹⁾. Въ другомъ случаѣ отчина жены продается мужемъ: „Се купи игуменъ Василей, у Якова у Баева, отчину Михѣеви дочери Ѳеодосьину, у Глухомъ погости, полѣдворища и полѣогородца, на гори, на Заецкомъ поли,... и въ другомъ мѣстѣ полполца орамици,... и на Низу, на Лужи, половина орамици, и бережного лоскута половина орамици, на Мудьюгини наволоки лоскутъ земли, и Микулина ѣзу полпоженки, и возли Кочкомъозеро половина орамици, и пожни, и притеребъ, и полпутника, Мѣхѣеви земли Ѳеодосьини отчины, горніи земли, и за погостомъ земли игумену Василью чисти“ ²⁾. Въ третьемъ случаѣ самъ мужъ покупаетъ имѣніе у жены своей, зятя ея

¹⁾ Акты Юрид. Новгор. купчія XIV и XV вв., № 71, X, стр. 112.

²⁾ Тамъ же, № 71, XXII, стр. 115.

и жены его. „Се купилъ Филипей Семеновицъ у Удьянѣ, у своей жены, и у еѣ у зятя, у Нафлова, и у его жены Марьи, землю Сеньевинскую, на Икшинѣ островѣ, и дворъ за рѣкою, и въ Нарьѣ пожни, отъ Ермолини межи до игуменовы, съ притереби, до Двинны, и Плоскую веретею, и починки свои, чертежища свои, всю свою третъ Икшина острова, и Пусевицъ истою, и перевѣсища, опричь дву Ермолиныхъ участковъ. А далъ имъ на нихъ Филипей два рубли, да овцу пополонка, по старой кули, по Семенови грамотѣ; а купилъ себѣ въ одеренъ и своимъ дѣтемъ“ ¹⁾.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи описанныхъ обычаевъ о приданомъ къ юридическимъ обычаямъ западныхъ Славянъ и къ русскимъ узаконеніямъ, разсматриваемымъ въ ихъ историческомъ развитіи. Въмѣстѣ съ переходомъ брачнаго обряда чрезъ три существенныя формы его, о которыхъ было говорено выше, то есть чрезъ похищеніе, покупку и собственно бракъ, обычай относительно приданого подвергался существеннымъ перемѣнамъ. Наши ученые утверждаютъ, что въ то время, когда сѣвернорусскіе Славяне еще похищали женъ, у нихъ не могло быть приданого. Дѣйствительно, даже и теперь, какъ уже было сказано, при бракахъ *уходомъ*, приданого не бываетъ, развѣ только, когда молодые примирятся съ родителями; вообще же невѣста беретъ себѣ только то изъ платья, что сумѣетъ захватить съ собою. Но если мы вспомнимъ, что похищеніе невѣстъ у русскихъ Славянъ уже по свидѣтельству начальной лѣтописи имѣло характеръ чисто внѣшняго обряда, ибо происходило по совѣту съ невѣстами, то тутъ можно предполагать и участіе воли родителей, а какъ только является послѣдняя, то уже нѣтъ препятствій и для возникновенія приданого. Но наши ученые идутъ далѣе и высказываютъ мнѣніе, будто появленіе приданого нельзя отнести не только къ эпохѣ похищеній, но даже и къ эпохѣ купли невѣстъ. Г. Кавелинъ, напримѣръ, считаетъ приданое и плату явленіями несовмѣстными, исключаящими одно другое. Онъ говоритъ, что „трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за

¹⁾ Акты Юр., № 71, XXVIII стр. 117.

нее плату. „Это“, по его словам, „было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачныя союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ, о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія,—тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ известной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза“ ¹⁾. Противъ этого можно замѣтить, что въ то время, о которомъ говоритъ начальная лѣтопись, похищеніе невѣстъ не обусловливалось непременно враждебностью родовъ, ибо происходило по совѣщанію съ дѣвушками, на религіозныхъ принципахъ. А что купля невѣстъ не исключаетъ приданого, можно убѣдиться изъ аналогическихъ явленій существованія приданого у такихъ народовъ, у которыхъ до сихъ поръ невѣсты покупаются. Такъ, инородцы Архангельской губерніи—Самоѣды, Лопари, Корелы и Зыряне, на ряду съ куплей невѣстъ знаютъ и приданое. Да и у другихъ народовъ восточнаго происхожденія, не вышедшихъ еще изъ формъ родового быта, купля невѣстъ не исключаетъ приданого. У Киргизовъ, напримеръ, отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки въ родѣ приданого. Это называется *иненкельменъ-джасау*, то есть, принесенное изъ дому отца²⁾. Остяки также даютъ за своими дочерьми приданое, не смотря на то, что продаютъ ихъ женихамъ ³⁾. Изъ славянскихъ народовъ, Морлаки, живущіе въ Далмаціи, а также Словенцы, покупаютъ невѣстъ (о послѣднихъ, впрочемъ, славяно-

¹⁾ Сочиненія *Давелина*, III, стр. 243.

²⁾ Изъ собранныхъ мною свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ Малой Орды.

³⁾ Этнографическій Сборникъ, IV, стр. 313.

любцы говорить, будто бы обычай купли невесты они заимствовали отъ Турокъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ за ними приданое. У Черногорцевъ, по словамъ Ковалевскаго, жена не приноситъ приданого мужу; напротивъ, послѣдній долженъ еще платить за жену отцу ея. На это г. Богиничъ справедливо замѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, жена должна принести съ собою свое платное ¹⁾. Великороссійскіе обычаи подтверждаютъ тоже самое. У насъ, въ Архангельской губерніи, какъ сказано выше, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ, какъ на примѣръ, въ селѣ Устьцыльмѣ, невесты до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга, приданое все таки идетъ съ невестой. И въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, вмѣстѣ съ кладкой или налымомъ жениха, бываетъ уговоръ и о приданомъ со стороны невесты ²⁾. Приводя эти факты, мы не хотимъ безусловно утверждать, что купля невесты всегда сопровождается дачей приданого со стороны родителей невесты. Такое положеніе могло бы быть опровергнуто данными противоположнаго свойства, хотя весьма и весьма немногочисленными, составляющими уклоненіе отъ общаго правила ³⁾. Наша цѣль — доказать, что два такіа разнородныя явленія, какъ купля невесты и полученіе съ ними приданого, легко уживаются вмѣстѣ, и что, слѣдовательно, апіористическія соображенія г. Кавелина о несуществованіи у древнихъ Славянъ приданого, при существованіи второй формы брака; то есть, въ эпоху купли невесты, разбиваются о факты. Въ пользу догадки г. Кавелина не можетъ служить и та мысль, что съ одной стороны, надѣленіе невесты приданымъ, съ другой — покупка ихъ, суть вещи несообразныя. Не надобно забывать того, что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невестой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: *подарки дарятъ — отдарковъ глядятъ*, а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

¹⁾ Pravni običaji u Slovena, стр. 121, 122.

²⁾ Тамъ же, стр. 124—126.

³⁾ Тамъ же, стр. 122, 124, 125.

Тотъ же авторъ, слова котораго приведены выше, говоритъ о происхожденіи приданого: „Пока невѣсты продавались, ихъ родные получали каинъ или плату за вѣно; когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшею и упрочивавшею ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно, полный разрывъ новобрачныхъ съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде, ея родственники, весьма естественно старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами, члены которыхъ соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое. Такимъ образомъ, послѣднее стало необходимою принадлежностью брачныхъ союзовъ. Оттого, напримѣръ, у Уральскихъ казаковъ о приданомъ не спрашиваютъ: что дадутъ родители, тѣмъ довольны, молодые всегда надѣются, что ихъ надѣлать достаточно“ ¹⁾. Мы уже сказали, что покупка невѣсты не влекла за собою полного разрыва новобрачной съ своимъ родомъ, на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы препятствовать обезпеченію молодой приданнымъ. Можно полагать, что первоначально приданое состояло только въ одеждѣ и женскихъ украшенияхъ, а потомъ стало проявляться въ формѣ дара отцемъ невѣсты послѣдней или жениху другихъ хозяйственныхъ предметовъ и проч. Замѣчательно, что первый нашъ лѣтописецъ, для выраженія понятія о приданомъ, употребляетъ описательную форму: „принюшаху по ней, что вдадуче“. Это выраженіе именно показываетъ, что сначала приданое состояло изъ вещей, которыхъ можно было *приносить*, то есть, изъ движимаго имущества: платья, украшеній и т. п. Въ послѣдствіи приносятъ стали называть и недвижимое имущество, даже землю, которая приносилась невѣстой. Такъ въ одномъ изъ древнихъ Двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: „поддеревни... *принюсу* матери его“ ²⁾. Съ другой стороны, выраженіе: „что вдадуче“ имѣетъ тѣсную связь съ словами данье, данница и приданое. Соревнованіе между брачующимися сторо-

¹⁾ Сочиненія Кавелина, IV, стр. 177—178.

²⁾ Акты Юридич. № 19, стр. 40.

нами, о которомъ говорить г. Бавелинъ, конечно существовало; оно проявлялось въ томъ, что сторона невѣсты старалась дать приданое соотвѣтственно цѣнѣ, даваемой за невѣсту. До сихъ поръ у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣлствуется родителями невѣсты на *жиросмотринахъ*. А у нѣкоторыхъ инородцевъ нашей губерніи, напримѣръ, Корель и Самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданого. Тоже наблюдается и у инородцевъ другихъ губерній, напримѣръ, у Татаръ, Черемисъ, Чувашей и Вотяковъ Казанской губерніи ¹⁾.

Разсматривая различные роды приданого, отъ самаго простого до болѣе полнаго, мы можемъ судить о томъ, какъ понятіе о приданомъ постепенно складывалось и развивалось у насъ. Первоначально, какъ мы только что сказали, приданое должно было состоять изъ одного женскаго *снаряда*, такъ что цѣль родителей, при дачѣ приданого, состояла собственно въ томъ, чтобы *снарядить* или *скрутить* дочь къ замужеству, то есть, снабдить ее необходимою одеждой. Что именно такова была первичная форма приданого, видно, между прочимъ, изъ названій его: *скрута*, *платно*, *коробья*, и изъ того, что у насъ, равно какъ у всѣхъ почти западныхъ Славянъ, до нынѣ приданое чаще всего состоитъ изъ одной только одежды. Затѣмъ, къ платному приданому вскорѣ присоединились дары (приносы), которые дѣлали отецъ невѣсты и другіе члены рода невѣстѣ и ея мужу: кое-что изъ одежды, нѣкоторыя принадлежности хозяйства, скотъ, а въ послѣдствіи деньги. Тутъ цѣлью приданого становится желаніе надѣлать молодыхъ, хотя отчасти, хозяйствомъ, или вѣрнѣе, помочь ихъ будущему хозяйству. И здѣсь еще приданое не можетъ быть признано наградой за какое-либо, хотя мнимое право невѣсты на семейное имущество, потому что она не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ. Въ послѣдствіи времени, когда стали зарождаться имущественныя права дѣвушекъ, именно, когда отцы при своей жизни начали надѣлять ихъ недвижимымъ имуществомъ и даже землею, тогда возникло у

¹⁾ Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, Г. Ф. Миллера, Спб. 1791 г., стр. 69—71.

насъ иное понятіе о приданомъ. Если приданое назначалось не отцомъ, а другими членами семьи, напримѣръ, братьями, то невѣста получала надѣломъ или надѣлъ, хотя бы и платной, какъ бы въ вознагражденіе за ту часть недвижимаго имущества, которую она могла бы получить по волѣ отца; слѣдовательно, здѣсь приданое служило выдѣломъ, въ замѣнъ фиктивнаго права невѣсты на часть общаго семейнаго имущества. Такое значеніе приданого указывается въ нашихъ дѣльных записяхъ XVII вв., выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „взяла надѣлку у брати своей за свой третей участокъ изъ всего воще живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ... и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все“... (№ 4), или въ раздѣльной трехъ братьевъ и сестры: „подѣлились семи межъ собою полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солю, конми и коровами, и всякимъ скотомъ, пшубами и сермигами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну, на четыре участка, и поделася я такая-то взяла есмь у брати своей... надѣлку себѣ за свой участокъ...“ (№ 7).

У западныхъ Славянъ также можно встрѣтить разницу въ названіяхъ приданого, по которой можно заключать о существованіи различныхъ родовъ этого имущества. У Поляковъ, напримѣръ, приданое, состоящее изъ одного женскаго платья, называется *wurrawa* (*wurrawie córke*—снабдить (собственно: приготовить) дочь всѣмъ нужнымъ изъ платья, сверхъ приданого; *wurrawie córke za mał.*—выдать дочь за-мужъ), а состоящее изъ остальнаго движимаго и недвижимаго имѣнія—*rozag*; у Чеховъ *věno* и *roucho*, у нѣкоторыхъ сербскихъ племенъ—*tuho* и *blago*, а вообще приданое *pręija* и т. п.¹⁾ Большинство Славянъ (именно—жители Славоніи, Босніи, Далмаціи, Болгаріи, Словакии и пр.) ограничиваетъ приданое однію одеждою невѣсты, къ которой иногда присоединяются подушныя и постель. Рѣдко даютъ, сверхъ этого, домашнюю утварь, скотъ или деньги; и то преимущественно въ Хорватіи, Загребскомъ, Загорьи, Верхнихъ Луницахъ, Угорской Руси и пр. Недвижимое же имуще-

¹⁾ Pravni običaji u Slovena, стр. 120—126.

ство—часть нивы, виноградника, дается только на островъ Адриатическаго моря Ластово да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи. вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ почти Славянъ невѣстѣ даются дары отъ ея рода и отъ рода ея жениха ¹⁾.

Ужъ изъ сообщеннаго можно заключать, что и по обычаямъ западныхъ Славянъ дочери не пользовались равными съ сыновьями имущественными правами. И дѣйствительно, у всѣхъ почти Славянъ, до которыхъ не коснулось иноземное вліяніе, дѣвушки, имѣющія братьевъ, не получаютъ части въ отцовскомъ имуществѣ; на братьяхъ лежитъ только обязанность приготовить ихъ за-мужъ, сообразно своему состоянію, или выдать вмѣсто того деньгами ²⁾. Только безъ братьевъ пользуются дочери вполне наслѣдственными правами ³⁾. Это вполне сходно съ нашими теперешними обычаями, по которымъ дочери имѣютъ право на все отцовское имущество лишь въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ сонаслѣдниковъ мужескаго пола въ лицѣ братьевъ; при братьяхъ же сестра пользуется тѣмъ только, что удѣлять ей первые. Обращаясь къ древнѣйшему русскому законодательному памятнику, къ Русской Правдѣ, находимъ, что приданое давалось въ ту эпоху либо отцемъ невѣсты, отъ воли котораго зависѣло дать ей часть, равную части сыновей или меньшую, либо княземъ, выдѣлявшимъ часть изъ имѣнія умершаго смерда, не имѣвшаго дѣтей мужескаго пола, либо братьями, которые должны были снарядить для замужества сестру по своему достатку; но ни въ какомъ случаѣ сестры при братьяхъ не имѣли права наслѣдованія.

Какъ ни узки были права сестеръ при братьяхъ, все таки со стороны братьевъ постоянно существовало стремленіе къ ограниченію ихъ. Это въ особенности рельефно выражается въ одномъ доннѣмъ уцѣлѣвшемъ обычѣ западныхъ Славянъ. Именно у Далматинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ существуетъ обычай, по которому когда братъ мужа явится въ домъ невѣсты за сундуками съ приданнымъ, тогда на эти сундуки садится меньшей братъ не-

¹⁾ Pr. ob., стр. 120—126.

²⁾ Тамъ же стр. 120, 121 и 163.

³⁾ Тамъ же стр. 167.

вѣсти и не выдаетъ ихъ, не смотря на мольбу и угрозы деверя, пока тотъ не вознаградитъ его какою-либо монетой. У насъ этотъ обычай сохранился въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто брата невесты на сундуки съ приданнымъ садится сватья, и не выдаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ *выкупа* со стороны жениха ¹⁾.

Переданное въ домъ мужа, приданое частью остается въ распоряженіи жены, частью переходитъ въ распоряженіе мужа. Такъ, платное и у насъ, и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, равно какъ въ Малороссіи и во многихъ отрасляхъ западныхъ Славянъ составляетъ собственность жены, которою она можетъ располагать по своему усмотрѣнію, и на которую мужъ не имѣетъ никакого права. Остальное имущество, въ томъ числѣ и деньги, принадлежитъ къ семейному имуществу супруговъ, но располагаетъ имъ мужъ по своему усмотрѣнію. Это общій обычай, существующій и у западныхъ Славянъ ²⁾. Но въ иныхъ мѣстностяхъ бываютъ и особыя обыкновенія. У насъ, въ Архангельской губерніи, кое-гдѣ жена сама распоряжается деньгами, полученными въ видѣ приданого; ссужаетъ ими мужа, сосѣдей и пр. Такъ точно въ Далмаціи нѣкоторыя женщины, вышедшія замужъ изъ болѣе богатыхъ домовъ и принесшія съ собою сколько-нибудь денегъ или получившія отъ родныхъ какое-либо домашнее животное, распоряжаются полученнымъ сами: хранятъ у себя дома съ остальнымъ имуществомъ или отдаютъ изъ половины сосѣдямъ и знакомымъ поселянамъ ³⁾.

При разводѣ или расходѣ съ мужемъ, а также при вторичномъ выходѣ въ замужество, жена у насъ всегда получаетъ обратно свое приданое. То же наблюдается и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и у нѣкоторыхъ западно-славянскихъ племенъ, на примѣръ, въ Болгаріи, у жителей Военной Границы и пр. ⁴⁾.

¹⁾ Сборн. юрид. общ. Арх. губ., кн. 1, стр. 39.

²⁾ *Pravni obiĉ. u Slov.* стр. 123, 127 и 130; Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1-й: Народн. юрид. обычаи въ Царевкокшайскомъ уѣздѣ, стр. 20; Записки Отд. Этногр. Русск. Геогр. Общ. 1869 г. т. 2-й: Очеркъ нар. юрид. обыч. и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 691.

³⁾ *Pravni obiĉ. u Slov.* 42.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 137 и 163. Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1, стр. 21.

Послѣ смерти жены, какъ у насъ, такъ и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, приданое собирается для дѣтей, въ особенности для дочерей, хотя бы мужъ и женился на другой. Со смертью же бездѣтной жены, приданое возвращается въ родъ ея, и мужъ ничего не смѣетъ утратить; за утраченное онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ. Онъ получаетъ только постель, икону и вещи изъ банника. То же самое сообщается этнографами и о нѣкоторыхъ изъ западныхъ Славянъ; на примѣръ, у жителей Военной Границы, когда умереть жена, не оставивши дѣтей, то все ея приданое возвращается къ ея родителямъ, отъ которыхъ она получила его, если только передъ смертью она не запишетъ и не оставитъ своего имущества мужу; въ этомъ случаѣ послѣдняя воля ея считается священной. Мужъ, не получившій по завѣщанію приданого, не смѣетъ ничего издержать. Бываютъ такіе случаи, что послѣ смерти жены, когда все ея имущество возвращается матери, нѣкоторыя вещи изъ числа приданого окажутся не въ томъ видѣ, въ какомъ они даны, на примѣръ, одежда разорванною, тогда мужъ замѣняетъ ихъ и возвращаетъ новыми. Мужу остается, какъ и у насъ, только постель, которая обыкновенно дается съ дочерью ¹⁾.

По смыслу нашихъ приданныхъ записей XVII столѣтія можно заключать, что приданое цѣликомъ возвращалось въ родъ жены, по записи, кромѣ того, что издержано самою женой. Дѣйствительность издержки подтверждалась со стороны мужа прямымъ, то есть, честнымъ словомъ, предъ образомъ, но онъ при этомъ не былъ обязанъ цѣловать икону. За издержанное же имъ самимъ онъ обязывался вознаградить родныхъ жены. Такъ, и по Псковской судной грамотѣ, отъ мужа, отдавашаго приданое въ родъ покойной жены нельзя было требовать присяги въ томъ, что за нимъ болѣе ничего не осталось; достаточно его слова: „А у котораго человѣка помреть жена, а мужъ ея оженится, і жена мать, или сестра, или иное племя, а имутъ искать платья, іно мужъ ея, право по души (то есть по чистой совѣсти), платья отдать, а на останки мужу въ женни платьи целованья нѣтъ“ ²⁾. Такъ и теперь не заста-

¹⁾ Pravni obiĉ. u Slov. 163.

²⁾ Гражд. законы Псковск. Судн. Грамоты. Исслѣдованіе *Этельмана*, стр. 88—89.

вляють муна цѣловать ивону, въ доказательство того, что онъ передалъ все имущество покойной жены, „чтобы не трясти души ея“.

До сихъ поръ рѣчь шла о платномъ приданомъ. Что касается до остального приданого, и въ особенности земли, то въ этомъ отношеніи, вѣроятно, не было единообразія въ обычаяхъ, а все обуславливалось предварительнымъ договоромъ, такъ что иногда приданое возвращалось въ родъ жены, иногда оставалось у мужа, и въ послѣднемъ случаѣ, то, что было издержано, напримѣръ, деньги, скотъ и разнаго рода хозяйственныя принадлежности, не требовалось обратно. Изъ одной статьи Псковской судной грамоты видно, что жена могла оставить свою приданую землю по завѣщанію мужу; если же не было завѣщанія, то мужъ владѣлъ ею до своей смерти или до новой женитьбы ¹⁾. У насъ же земли часто оставались за мужьями навсегда, дѣлаясь иногда собственностью всей семьи мужа. Впрочемъ, могло случиться и такъ, что земля отходила къ роднымъ жены даже отъ зятя-пріемыша, если только они уплачивали пожилыя деньги. Тутъ все зависѣло отъ письменнаго брачнаго договора, который составлялся всегда, какъ только дѣло касалось земли. Оттого большая часть брачныхъ записей здѣшней мѣстности, въ особенности болѣе поздняго времени, приняла характеръ актовъ, укрѣпляющихъ поземельную собственность за извѣстнымъ лицомъ: они у насъ замѣнили такимъ образомъ, *справку* земли за женихомъ, которая требовалась для вѣтчинъ и помѣстій узаконеніями XVII столѣтія.

Не смотря на незначительность вообще приданого, оно часто служило приманкой для родныхъ мужа, въ особенности свекра; послѣдніе нерѣдко, даже при жизни снохъ, по послѣ смерти мужей, посягаютъ на приданое, въ особенности тогда, когда невѣстки уходятъ въ домъ своихъ родителей. Разумѣется, это составляетъ уже не обычай народный, а нарушение обычая.

Такія же нарушенія обычнаго права часто случались и въ старину, такъ что еще въ Псковской судной грамотѣ вызвали особую статью для огражденія правъ невѣстокъ: „А у кого помреть сынъ,

¹⁾ Гражд. зак. Пск. Судн. Грам., стр. 88.

а невѣстка останется, да учнетъ на свекри или на дѣвери скруты своеа искати, или платя своего, ино свекру или дѣверю отдать платье или крута“ ¹⁾. Рѣшенія нашихъ волостныхъ судовъ; напимѣръ, помѣщенное подъ № 7, составляютъ какъ будто подведеніе этой статьи древняго узаконенія. Другое рѣшеніе волостнаго суда, подъ № 18, по которому свекоръ обязывается подтвердить присягою справедливость передачи всего приданого, оставшагося послѣ смерти невѣстки, напоминаетъ окончаніе только что приведенной статьи: „А чѣмъ невѣстка клеветь, ино свекру или дѣверю воля, чимъ хочетъ: хочетъ, самъ поцѣлуеть крестъ, или у креста невѣсткѣ положить, чимъ учнетъ клеветати“. Изъ всего сказаннаго видно, что наши народные обычаи о приданомъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ, сходны какъ съ обычаями западныхъ Славянъ, такъ и съ древними правилами, заключающимися въ старинныхъ законодательныхъ памятникахъ, предшествовавшимъ реформамъ великаго преобразователя Россіи.

По узаконеніямъ, появившимся съ Петра Великаго и положившимъ рѣзкую границу между старыми и новыми взглядами на приданое, это послѣднее можетъ считаться полнымъ выдѣломъ, и дочь называется отдѣленною только тогда, когда она въ приданомъ напередъ получить всю свою указную часть или въ рядной записи отречется отъ наслѣдства; если же она не получила своей части сполна, то по смерти родителей можетъ требовать ее изъ наслѣдства, съ зачетомъ приданого. По народнымъ же обычаямъ, женщина получившая приданое—будь то скрута или надѣлокъ, во всякомъ случаѣ считается отдѣленною и не имѣетъ никакого права на наслѣдство послѣ родителей. По существующимъ узаконеніямъ, вслѣдствіе строго проведеннаго начала раздѣльности имуществъ между супругами, приданое считается исключительною собственностью жены, и по отношенію къ этой собственности мужъ не имѣетъ никакого права, даже права пользованія; жена владѣетъ, пользуется и распоряжается этимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, совершенно независимо отъ мужа; она можетъ отчуждать его въ постороннія руки или даже своему мужу. У народа же только платное прида-

¹⁾ Гражд. Законы Псковск. Суд. Гр., стр. 91.

ное считается собственностью жены, а надѣлокъ составляетъ общее имущество супруговъ, которымъ болѣе распоряжается мужъ, нежели жена. Наконецъ, относительно наслѣдованія мужа въ приданомъ народъ ограничиваетъ права его гораздо болѣе, нежели законъ, который предоставляетъ ему четвертую часть въ имуществѣ жены. Такимъ образомъ, новыя узаконенія о приданомъ не коснулись народа и нисколько не измѣнили его понятій и обычаевъ; въ этомъ отношеніи народъ остался съ воззрѣніями до-петровскихъ временъ.

Г. Холмогоры.

